

Поиски алмазов на Среднем Урале и в Якутии (Воспоминания В.Д.Скульского и В.В.Румянцевой). Иллюстрации В.Д.Скульского. Предисловие Л.В.Скульской. // в сборнике «На службе Отечеству». Выпуск 2. – М.: Экон-Информ, 2013. – 90 с. – С. 36-89.

Вступление к воспоминаниям В.Д. и В.В.Скульских (Л.В. Скульская)

Мемуры В.Д. Скульского.

Детство

На Среднем Урале 1940-1950 гг.

Начало пути

Вильвенская партия

В Исовской партии

В Уткинской партии

Койвинская партия

Медведка

Якутия 1950-1962 гг.

Вторая восточная комплексная партия (2 ВКП)

Четвертая восточная комплексная партия (4 ВКП)

Алмазникам пятидесятих годов

Мемуары В.В. Скульской (Румянцевой): от Вилюя до Дьяхи

Приложения

ВСТУПЛЕНИЕ К ВОСПОМИНАНИЯМ В.Д. и В.В. Скульских

Мои родители Скульский Владимир Дмитриевич (1908-1993гг.) и Скульская Вера Васильевна (ур. Румянцева 1916-2005 гг.) волею судьбы оказались в гуще событий в самом начале пути поиска, разведки и открытий алмазов и алмазных месторождений как на Урале, так и в Якутии.

В.Д. Скульский (родился 14.04.1908 г. в г. Ярославле – 12 поколение Скульских в России). В 1924 г. окончил Любимскую школу девятилетку, пытался поступить в Ярославский механический техникум, но провалился на экзаменах и поступил на 2-х годовичные счетоводные курсы, которые окончил в 1926 г. Работать по найму начал в 1925 г.. В 1928 г. поступил в Пермский медицинский институт, а в 1930 г. был исключен «за сокрытие социального происхождения» (на вопрос анкеты – социальное происхождение – написал – служащий, а о бывшей сословности родителей – о чем анкета не спрашивала – умолчал). После долгих хлопот удалось восстановиться, но в 1930 г., в связи с арестом и осуждением отца - Дмитрия Аркадьевича Скульского был вызван в Пермское ОГПУ, где у него отобрали зачетную книжку и студенческий билет, предложили написать отречение от отца, т.к. «дети за родителей не отвечают», а т.к. отец отказался от такого предложения, то был исключен из института.

Приехав в Ленинград, он несколько лет трудился в разных предприятиях и учреждениях (на заводе ГИПХ, на Волховском алюминиевом заводе, в профсоюзе химиков и др).

В 1936 г. сдал конкурсные экзамены и поступил на первый курс географического факультета Ленинградского университета. Окончил его за несколько дней до Отечественной войны 1941-1945 гг. по специальности геоморфология и четвертичная геология и был послан на работу в Исовскую партию Уральской алмазной экспедиции на должность прораба.

В полевых партиях и экспедициях начал работать с 1937 г.: на Урале проработал до 1950 г., занимался поисками и разведкой россыпей алмазов, работал прорабом, начальником участка, геологом и начальником партии. За работу неоднократно отмечался в приказах и награждался денежными премиями. Награжден медалью «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны 1941-45 гг.», Медалью «За трудовое отличие».

В 1950 г., с началом поисков алмазов в Якутии, как имеющий опыт поисков и разведки – был направлен во 2-ю Восточную комплексную партию Амакинской экспедиции на должность главного геолога, в 1952 г. назначен главным геологом 4-ой Восточной комплексной партии, работающей на Мархе. После ликвидации комплексных партий работал старшим геологом Амакинской экспедиции. За работу в Якутии награжден Значком «Отличник соцсоревнования» за «открытие месторождений полезных ископаемых», «орденом «Знак Почета», отмечен благодарностями и денежными премиями за открытие трубок Мир, Айхал, Удачную и др.

С 1961 г. 1,5 года работал в Гвинейской республике, а по возвращении из Африки работал вновь в Якутии до выхода на пенсию по списку № 2. Вернувшись в Москву, несколько лет проработал по алмазной тематике в НИЛЗарубежгеологии. После – в Московской комплексной экспедиции.

Вера Васильевна, урожденная Румянцева, родилась в 1916 г. в Москве. Приводим данные из ее автобиографии: «Отец в это время заведывал школой, мать была учительницей. Сословие родителей: отец – сын сельского дьякона, мать – дворянка. Отец окончил духовную семинарию, но выбрал педагогическую деятельность. В период с 1917 г. по 1945 г. (год смерти) отец работал по организации детских домов, в школах, на рабочих курсах и т.п. Мать работала учительницей, в настоящее время пенсионерка, проживает в Москве. Брат (1917 г. рождения) имеет специальность радиоинженера, участник ВОВ 1941-1945 гг., имеет 5 наград, в настоящее время работает в Министерстве Вооруженных Сил.

Образование я получила в Москве: с 1925 по 1931 год училась в школе семилетке, с 1931 по 1933 гг. – в профшколе с чертежно-конструкторским уклоном. В 1931 г. поступила в Московский Горный Институт, который окончила в 1939 г., получив диплом горного инженера по специальности «обогащение полезных ископаемых». По окончании Института была командирована на работу в г. Кировск на апатито-нефелиновую обогатительную фабрику. Но молодые специалисты там оказались не нужны, проработав на фабрике 3 месяца в должности мастера, я в числе других молодых специалистов была откомандирована в Главхимпром.

1.04.1940 г. я поступила на работу в Уральскую алмазную экспедицию, где занимала следующие должности: инженер-обогачитель (на ручных установках, на механических), начальник фабрики, начальник участка. Работала по проектированию и строительству обогатительных фабрик, обогатительной аппаратуры. В настоящее время работаю инженером-обогастителем в Экспедиции №1, партии №1.

Под судом и следствием не была; в антипартийных группировках не участвовала; родственников за границей не имею.

Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» 03.04.1947 г. Румянцева». Награждена также Медалью «За трудовое отличие», отмечена премиями и благодарностями.

За работы в Якутии – награждена орденом «Знак почета», 2-я грамотами Верховного Совета ЯАССР, занесена в «Книгу почета» Амакинской экспедиции, имеет значок

«Отличник социалистического соревнования», награждена денежными премиями, имеет авторские свидетельства на изобретения и печатные труды. По возвращению в Москву вновь работала по алмазной тематике на Русской платформе.

В 1957 г. вышла фундаментальная работа «Алмазы Сибири» (Министерство геологии и охраны недр СССР: Государственное научно-техническое издательство литературы по геологии и охране недр – 1957. с. 158), написанная коллективом сотрудников Амакинской экспедиции Главуралсибгеологии Министерства геологии и охраны недр СССР в составе: А. П. Бобриевич, М.Н. Бондаренко, М.А. Гневушев, Н.В. Кинд, Б.Я. Корешков, Н.Я. Курылева, З.Д. Нефедова, Л. А. Попугаева, Е. Э. Попова, В. Д. Скульский, Г. И. Смирнов, Р. К. Юркевич, Г. Х. Файнштейн и В.Н. Щукин. Научные редакторы : А. П. Буров и В.С. Соболев. Это фундаментальная работа, определенный итог многолетних поисков алмазов и геологических исследований в регионе. И хотя в работе не указывается, кто же писал тот или иной раздел, но как пишет в своей книге В.Л. Масайтис «Где там алмазы?» (ВСЕГЕИ, Санкт- Петербург, Издательство «Всегеи»: 2004. с. 213) «намерение оставить в тени конкретный характер и объем работы, выполненной отдельными авторами, читателю легко преодолеть, если он знает характер деятельности, профессиональные и научные интересы, а также возможности каждого из них». Он пишет (с.165):»... геология Далдынского района, возможно, является результатом коллективного труда В.Н. Щукина, В.Д. Скульского, возможно еще кого-то. ...Россыпные месторождения алмазов описаны, по-видимому, В.Д. Скульским и Г.Х. Файнштейном, возможно при участии З.Д. Нефедовой.». Таким образом, хотя о Скульском В. Д. современные исследователи истории открытия алмазов забыли и не упоминают , однако свой, задокументированный след в алмазной эпопее он оставил. Следует отметить, что практически во всех книгах, написанных первопроходцами уральских и якутских алмазов, фамилии Скульского В.Д. и Румянцевой В.В. упоминаются.

Следует отметить, что все написанные и опубликованные книги и статьи отражают личную точку зрения на то или иное событие того или иного автора работы. При этом суждения бывают не только субъективными, но и не всегда точными даже в воспоминаниях очевидцев событий, а в исторических эссе, составленных на основе опубликованных и неопубликованных воспоминаний, документов и домыслов отличий от реальных событий становится еще больше. Потому публикация воспоминаний, написанных когда-то «в стол», становится заметным явлением для заполнения исторических пробелов и большей объективности алмазной эпопеи.

В своих воспоминаниях В.Д. Скульский описывает героический труд людей, которых, естественно, давно нет в живых, о многих из них никогда и нигде не писали, но труд которых, а это более 300 фамилий, позволил наладить производство алмазов прежде в СССР, а теперь в Российской Федерации. Практически в его воспоминаниях нет места бытовым условиям, жуткой составляющей, в которой жили первопроходцы: отсутствие жилья, тепла, еды, одежды, лекарств, врачей. А ведь они были молоды , у них рождались дети, которые делили все невзгоды со своими родителями. Конечно, особенно трудно приходилось специалистам женщинам-матерям. Нужно было не только успешно работать, разъезжать по бескрайним просторам Урала и Якутии, оставляя даже больных детей на посторонних людей, т.к. никаких педиатров, яслей и детских садов не было, но и поддерживать семейный огонь, создавать уют и заботу.

Мне было 5 лет, когда родителей перевели с Урала в Якутию и мы приехали в Крестях – первую базу Амакинской экспедиции. Поселили в избушке - практически без крыши, с земляным настилом наверху, постоянно протекающим потолком во время дождей, а так как никаких общественных зданий в ту пору не было, то командированные специалисты останавливались и у нас – спали, естественно, на полу. При этом пол по жесткости ничем не отличался от топчана, на котором спали дети с родителями. Бани не было, все удобства за пределами избушки, за водой надо было ходить на Виллой.

Мама была беременна моим младшим братом Володей, но была вынуждена сразу же включиться в работу – строительство обогатительной фабрики, которую летом нужно было пустить в строй. Отсутствие людей, материалов, жуткий быт: печка буржуйка, совершенно не держащая тепло, отсутствие минимальных бытовых удобств, беспризорная пятилетняя дочь, поездка в Якутск в роддом и возвращение оттуда с грудным младенцем в течение месяца с оказией на попутных самолетах, тем не менее обогатительная фабрика с конструированным мамой египетским колесом вступила в строй. Несколько раз мой родной брат находился между жизнью и смертью и не всегда родная мать была возле него, вынужденная строить обогатительные фабрики в разных частях Якутии. Привожу письма детей из Нюрбы, якутского периода, когда семья жила «по – королевски» в финском доме, а не на съемных квартирах, и когда в доме была домоправительница – Лидия Федоровна Данилова, приехавшая из Ярославля.

« 24.04.1959 г. Дорогая мама!

Как ты живешь, как твое здоровье? У нас в Нюрбе погода теплая, все тает, на улицах грязь. Поздравляю тебя с праздником 1 Мая. 23 апреля я выступал в школе и в тот же день у нас в школе был сбор дружины, я ходил в пионерской форме. Тетя Лида купила яйца и скоро пошлет посылку. Ждет, кто поедет в твою партию. В посылке лежит пакетик к 1 Мая. Я получил посылку из Ярославля: галстук и ремень. Напиши – получила ли ты мое письмо? Я два дня подряд получил 3. У нас в Нюрбе так тепло, что я хожу в осеннем пальто, в ботинках с галошами или в сапогах. Привет от тети Лиды. Целую. Вова».

“ 1957 г. Здравствуй мама! Как ты живешь в партии? Как ты себя чувствуешь? Мама, почему ты так долго не едешь? У нас несколько дней было прохладно и мы закрывали огород тряпками и одеялами. Теперь тут у нас тепло даже жарко. Но тетя Лида купаться нас не пускает, потому что ты ей сказала. Мама, приезжай скорей в Нюрбу. Так хочется купаться, а не разрешают. Папа улетел. Мама, тут продаются купальные тапочки. Мама, мы тебя тут ждем с минуты на минуту, а ты все не прилетаешь. Улетела-то ты уже давно и все еще не прилетаешь. Ну все, прилетай, мама, скорей. Целую тебя, твоя дочь Мила».

В 1999 г. вышел сборник статей «Страницы алмазной эпопеи» 1949-1999 – 50 лет находки первых якутских алмазов (Мирный 1999 г., 152 с.), в котором была опубликована статья В.В. Румянцевой (Скульской) «От Вилюя до Дьяхи» (с.12-24). В послесловии журналистов Мэри Софианиди и Евгения Бориса (с.150) сказано: «Книга, которую вы держите в руке, уникальна. Чем же она не похожа на другие издания? В ней собраны воспоминания романтиков-первопроходцев, которые 50 лет назад или чуть позже ступили на якутскую землю, чтобы искать «минерал номер один». Но таких книг, скажете вы немало. Но в этой книге большая часть авторов впервые взяли в руки перо, чтобы поведать нам о минувших событиях, многие из которых широкому кругу читателей были неизвестны.

Вся тяжесть изнурительного труда первопроходцев легла на плечи и тех, кто представлен в этой книге. Но их беззаветное служение любимому делу было столь велико, что они не замечали ни ужасающей бедности, ни тяжелых условий быта, ни сверхсложных условий работы. Порой они были лишены самого необходимого, но движимые светлыми помыслами, не замечали этого.

Мы постарались сделать все возможное, чтобы донести до читателя те страницы былого, которые были раньше достоянием немногих и вспоминались только «у костра», – по соображениям секретности об этом нельзя было писать. Но это наша история, и ее должны знать все – и события, и людей, творящих ее..

Не только мужество, не только высокий профессионализм... высокий уровень духовности как бы нисходит на нас, когда мы вчитываемся в строки, написанные теми, первыми... Почему их имена мало знакомы читателю? Это наша вина, геологов, журналистов и писателей, это мы проявили близорукость, заиклившись на двух-трех именах и не желающих видеть тех, кто предпочитает по соображениям этики держаться в тени. И мы рады поэтому представить Веру Румянцеву – Скульскую...

Она была обогатителем, отвечала за эффективную работу всех обогатительных установок экспедиции. От ее организаторских способностей, смекалки, квалификации и добросовестности в немалой степени зависело количество извлекаемых алмазов. Ей, молодой женщине, приходилось преодолевать десятки километров – пешком, на лошадях, вброд через речки, по льдинам и лишь изредка на машине и самолете, – чтоб посещать участки. Сквозь скупые, лаконичные строчки проглядывает ее портрет – скромной, милой, обаятельной женщины. Его в галерее женщин – первопроходцев можно поставить рядом с портретами знаменитых геологинь».

Книга «За нами встают города», написанная Г. Файнштейном (Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988. – 252 с.) и подаренная с надписью «Владимиру Скульскому – первооткрывателю Мархинского алмазного района на память об авторе от автора. Файнштейн.08.09.89» имеет немало пометок, сделанных рукой В.Д.Скульского. На странице 98 автор вольно или невольно существенно исказил проблему .

Отрывок из книги: «В одной из партий на Тунгуске работал механиком Иван Долженков, очень предприимчивый и изобретательный человек. Оказался он также и талантливым рационализатором. Рыжий, со светло-голубыми глазами, немного выше среднего роста, он легко сходился с людьми, но был весьма меркантилен, любил денежку.

Долженков соорудил на своей фабрике «египетское колесо», за что как рационализатор получил большую премию. Это колесо было изобретено в Египте еще несколько тысяч лет тому назад и использовалось для полива полей. Узнав об этом колесе, я попросил руководство командировать Долженкова к нам на Вилюй, помочь построить такое колесо и у нас.

Вскоре Долженков прибыл в Крестях, и на Соколином было построено египетское «чудо». Оно представляло собой огромное сооружение – высотой до четырех метров, состоящее из двух скрепленных между собой деревянных колес с толстыми деревянными «спицами». Между этими двумя ободами по всему периметру вделаны черпаки из тонкого листового железа. В ступицу колеса вмонтирована толстая железная ось на роликовом подшипнике. Ось колеса вделана в толстые деревянные стояки-сваи, также на роликовых подшипниках. Сильное течение Вилюя, вращая «египетское» колесо, непрерывно подавало воду в приемник на фабрику и, кроме того, вращало шесть отсадочных машинок. Так из глубины тысячелетий к нам в двадцатое столетие переключало изобретение египетских феллахов...» Замечание на полях В.Д. Скульского « Египетское колесо на Вилюе было спроектировано и построено В.В. Румянцевой (Скульской) в 1950 г. и подавало воду на обогатительные установки «Соколином».

Г.Х. Файнштейн в своей книге очень скупо характеризует деятельность Веры Васильевны , отдавая предпочтение другим специалистам.

«В. В. Румянцева, жена В. Д. Скульского, отличалась неиссякаемым трудолюбием и высоким мастерством. Скромная, молчаливая, она делала свое дело, увлекая подчиненных ей инженеров, мастеров, техников и лаборантов личным самоотверженным трудом. То, что служба обогащения в партиях и экспедициях в целом была поставлена на высоком инженерно-техническом уровне, мы обязаны именно Румянцевой и, конечно же, Романчикову» (с.211).

Владимиру Дмитриевичу Скульскому, с которым Григорий Хаимович работал бок о бок многие годы и с которым в Нюрбе мы жили в одном доме, уделено несколько больше строк, хотя и не всегда лестных (с. 202-203). «Владимир Дмитриевич – один из старейших геологов-алмазников. Много лет проработал на поисках и разведке месторождений алмазов на Урале. На Вилюе появился в 1950 году в амплуа главного геолога Второй восточной комплексной партии, быстро вошел в коллектив геологов, техников и рабочих.

Скульский был опытным и весьма грамотным геологом, прекрасно чертил и рисовал, излагал свои мысли хорошим литературным языком, сносно владел французским языком. Был заядлым охотником, причем высокого класса. Несмотря на то, что в быту он был

человеком прижимистым, даже скуповатым, на приобретение охотничьих ружей не жалел денег и даже стал владельцем ружья, судя по вензелю, выгравированному на металлической части, принадлежавшего великому князю Николаю Николаевичу.

Человек весьма миролюбивого склада, Скульский не любил углов и старательно обходил их, боялся ссор, конфликтов, всяческих психологических неурядиц. Люди с таким характером в старое время становились либералами. Либерал не либерал, но бойцом он, во всяком случае, не был. Зато тружеником был отменным. Знаниями и опытом делился охотно, рассказчиком был хорошим.

Именно Скульский и коллектор Зоя Ищенко отобрали первые пробы на одной из кос Мархи, в которых и были найдены первые алмазы и открыт алмазоносный район, так что Владимир Скульский по праву является одним из первооткрывателей Якутской алмазоносной провинции.

С 1954 года он руководил поисками и разведкой Мархинской группы месторождений. Где-то в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов он уехал из Якутии. Проводы ему устроили теплые, даже чересчур. Поскольку был он не только заядлым охотником, но и рыбаком, то амакинцы по инициативе физиков принесли ему в аэропорт сувенир в виде огромного якоря и блесны весом до полуцентнера. Помогли погрузить его в самолет, «заботясь» о том, чтобы Владимир Дмитриевич не бросил сувенир на аэродроме.

После Якутии Скульский работал на поисках алмазов в Гвинее, а затем несколько лет в Москве – в Зарубежгеологии».

Замечания В.Д. Скульского: «Разработал и применил метод мелкообъемного опробования, участие в открытии алмазов на Мархе, налаживание разведки на Соколином и 1-й подсчет запасов на Соколином – Сказочной; на Мархе и для Иереляхской россыпи».

В.Л. Масайтис в своей книге «Где там алмазы?» неоднократно упоминает фамилию В.Д. Скульского и в частности на с.67: «на одной из кос у устья Верхнего Вилюкана, когда неожиданно выдались теплые дни, удалось отобрать мелкообъемную пробу галечников. Метод опробования малыми объемами для поиска россыпных алмазов едва начал распространяться с легкой руки геолога В.Д. Скульского, хотя не был официально признан. Он был так и назван – «метод Скульского», хотя сам автор называл его «методом нахала». В.Д. Скульский ряд лет занимался поисками алмазов на Урале, приехал в Сибирь в прошлом году и был старшим геологом комплексной партии Амакинской экспедиции, которая под руководством В.Б. Белова начала поиски и исследования в среднем течении реки Мархи. ... Странное название «метод нахала» никоим образом не отождествлялось с личными качествами В.Д. Скульского, который был мягким и деликатным человеком. Оно просто отражало нарушавший установленные инструкции подход, когда геологи, нахально отвергнув какие-то пункты этих инструкций, отбирали для опробования не десятки и сотни кубических метров рыхлых песков и галечников, а, надеясь на счастливый случай, или на «фарт», всего 2-3 кубических метра или менее, которые можно обогатить вручную за короткое время. Открытие мархинских россыпей было сделано, таким образом, в течение одного дня, с минимальными затратами и, что, пожалуй, любопытнее всего, без различных согласований, утверждения планов, составления смет и пр., просто следуя разумной геологической инициативе В.Д. Скульского, Г.Х.Файнштейна и В.А. Буханевича.»

Мои разъяснения по поводу характеристики Г.Х. Файнштейна о скупости и бережливости В.Д. Скульского состоят в том, что В.Д. помогал многим родственникам, отсылая им деньги, а также выручал сослуживцев, просящих в долг и не всегда этот долг возвращавших. Легенды, созданные о Скульском как о «миллионере», были основаны на его доброте и взаимовыручке. Вот что пишет сам В.Д. «Примечательно, что заработанное ценили, но над деньгами «не дрожали» и при нужде друг друга выручали. Вот пример из личной практики. Моя среднемесячная зарплата за последние 10 лет составляла 531руб.50 коп. (или 5315 руб. до реформы 1961 г.). Это было столько же или чуть меньше того, что получали другие сотрудники экспедиции. Деньги хранились в нюрбинской сберкассе; на

прожитие расходовалось 3-3,5 тыс. в месяц, а остальное копилось на книжке. Поскольку отпуск предоставлялся один раз в три года, накопления достигали 45-65 тысяч. «Проценты на капитал» меня не интересовали и поэтому я не считал себя вправе отказывать тем, кто обращался за временной выручкой. Операция осуществлялась примерно так: мы являлись в сберкассах, я выписывал расходный ордер, а мой спутник принимал деньги и после, уже без меня, возвращал деньги на мой лицевой счет. Никаких расписок не бралось, т. к. слово считалось превыше всяких расписок.

Помнится, что я выручал таким путем местную милицию и больницу, когда в банке не оказалось денег, а в сберкассе они были. Бывало и так, что при срочной необходимости кого-то рассчитать, когда денег в кассе не оказывалось – обращались опять же к моей сберкнижке.

Надо сказать, что другие товарищи, заработок которых был даже выше, вели себя менее легкомысленно и оберегали «тайну вкладов». За такое «поведение» меня считали миллионером. С подобными утверждениями я не пытался спорить, следуя пословице «мели Емеля – твоя неделя».

Сохранившаяся переписка отца и матери показывает рабочие будни первопроходцев. Привожу по тексту отца письма без ведома авторов, но письма – это как дыхание жизни ушедшего времени и благодаря им можно расставить акценты, написанные между строк в воспоминаниях.

Скульская Людмила Владимировна

ДЕТСТВО

Отец Владимира Дмитриевича Дмитрий Аркадьевич – депутат Первой Государственной Думы, подписавший в Гельсингфорсе «Выборское воззвание» и отсидевший за это 3 месяца в Любимской тюрьме летом 1908 г, в советский период был неоднократно арестован. В сентябре 1929 г. ОГПУ по обвинению в антисоветской деятельности и организации контрреволюционной церковно-монархической группы арестовал 117 человек. Первым в списке руководящего центра назван Скульский Дмитрий Аркадьевич, бывший член Государственной Думы, юрисконсульт Митрополита Агафангела (Преображенского Александра Лаврентьевича), прославленного в лике святых в 2000 г. Заключен был в Соловецкий ГУЛАГ, строил Беломорско-Балтийских канал. Реабилитирован Д.А. был только в 1989 г. Даже на похороны отца в феврале 1943 г. сын не смог приехать.

Дмитрий Аркадьевич Скульский родился 4 сентября 1875 г. в Ярославле. Отец его – Аркадий Васильевич Скульский был председателем Губернской Земской Управы, а до работы в земстве служил в армии, участвовал в обороне Севастополя и в битве при р. Альме, был тяжело ранен и попал в плен. Мать – Анна Николаевна, дочь отставного секунд-майора Николая Тимофеевича Черевина. Д.А. принадлежал XI поколению рода Скульских. (И.П. Ельчанинов – генеалогия дворянства Ярославской губ. 1915. Ярославская типография губернского правления).

По окончании Ярославской гимназии он поступил на юридический факультет С.Петербургского университета и окончил его в 1897 г. «кандидатом на судебные должности» при московской судебной палате.

В 1899 г. переведен в «старшие кандидаты» при Кашинском окружном суде. В 1901 г. назначен исправляющим обязанности судебного следователя сперва в Бежецком уезде, а с 1904 г. служил в г. Рыбинске. С 1901 г. состоял «гласным» Любимского уезда, а с 1905 г. «гласным» Ярославского губернского земского собрания и почетным мировым судьей в г. Любиме.

В 1906 г. женился на Марии Петровне Куломзиной, окончившей в 1906 г. женский медицинский институт в С.Петербурге и в том же году был избран в 1-ю

Государственную думу от Ярославской губернии по списку конституционно-демократической партии (кадетов) (Выборгский процесс. С.Петербург, 1908, типография «Общественная польза»).

В связи с избранием уволился с государственной службы и перешел в адвокатуру (стал присяжным поверенным). После разгона Госдумы участвовал в подписании «Выборгского воззвания», за что вместе со всеми участниками был осужден и отбыл 3-х месячное заключение в Любимской тюрьме летом 1908 г. В дальнейшем продолжал работать присяжным поверенным в г. Ярославле вплоть до 1918 г.

У супругов Скульских родилось двое детей – 14.04.1908 г. сын Владимир – автор этих строк, впоследствии геолог – алмазник (ум. 31.03.1993) и дочь Татьяна – (10.02.1910 – 20.06.1990).

В 1913 г. родители купили в Ярославле на Воздвиженской улице деревянный дом с мезонином и двухэтажным флигелем во дворе. В доме поселилась семья Скульских, а во флигеле, на 2-м этаже бабушка – Анна Николаевна со старшей сестрой Дмитрия Аркадьевича – Клавдией Аркадьевной.

Зимой Скульские жили в Ярославле, а на 2 месяца летних каникул уезжали в г. Любим, где у Марии Петровны имелась усадьба «Колычево» - двухэтажный деревянный дом с надворными постройками, и деревянный одноэтажный флигель, два сада – старый с березовой и липовой аллеями и новый с ягодными кустами и грядками овощей. К дому примыкал участок пахотной земли площадью три десятины, а на левом берегу реки Обноры стояла деревянная водяная мельница, сдаваемая в аренду.

Февральскую и Октябрьскую революции Скульские встретили в Ярославле, где они прошли спокойно и без жертв, а когда в начале 1918 г. стало очевидным, что голода не миновать, семья решила перебраться в Колычево и заняться натуральным хозяйством на имевшихся 3-х десятинах земли, благо в сельском хозяйстве Мария Петровна разбиралась.

6-го июля 1918 г. в Ярославле вспыхнул белогвардейский мятеж, возглавляемый полковником Перхуровым, а 7.07 пришел к нам кто-то из знакомых и предупредил, что отца, как бывшего члена Госдумы, кадета и дворянина вот-вот должны арестовать. Пришлось немедленно уходить из дома.

Вернулся он домой летом 1922 г. после объявления амнистии и когда страсти утихомирились. Годы отсутствия он прожил в Тверской губернии, работая в различных кооперативных организациях.

В августе 1923 г. вступил в Ярославскую коллегию защитников и до 1925 г. работал в г. Любиме, а затем переехал в Ярославль, где работал до 1930 г., сперва рядовым членом, а затем членом ее правления.

Следует сказать, что сельским хозяйством отец никогда не увлекался. Собственных поместий не имел, а после смерти Аркадия Васильевича унаследовал лесные пустоши, необходимые ему для ценза при выборах на общественные должности.

В свободное от работы время отец любил с ружьем с гончими быть в приятной компании и, живя в Любиме, несколько раз ходил на охоту, правда, без больших трофеев. Он явился первым моим наставником на охотничьем поприще и его заветы, несмотря на то, что с тех пор минуло без малого 70 лет – я помню до сих пор.

По своей натуре отец был общественный деятель, любил организаторскую работу и серьезно относился к каждому общественному поручению.

На первом же собрании Любимских охотников его избрали секретарем общества, а вскоре он стал его председателем и много сделал полезного для этой организации и ее членов.

Он сумел наладить сдачу пушнины на наиболее выгодных для охотников условиях, наладил снабжение членов общества боеприпасами и добился того, что общество завоевало авторитет среди районных организаций. Никаких денежных вознаграждений за свою деятельность он не получал и трудился бесплатно «не за страх, а за совесть».

Пока отец жил в Любиме, власти его не трогали, но когда он перебрался в Ярославль – привлёк внимание «органов», были вызовы в ОГПУ и кратковременные задерживания, но ничего особенно страшного тогда не угрожало. Так продолжалось до 1930 г.

В 1930 г. в связи с ужесточением классовой политики и связанными с этим репрессиями, отец был подвергнут «чистке соваппарата» и «вычищен» из коллегии защитников по 1-й категории – самой свирепой, дающей только право – умереть с голоду.

После долгих «хождений по мукам» и хлопот, 1-ю категорию заменили на третью, позволяющую работать на «черных работах» и, наконец, областная комиссия, руководившая чисткой по Ивановской области, куда входил и Ярославский округ, в связи с отсутствием каких-либо проступков и нарушений сняла 3-ю категорию, ограничив пределы чистки воспрещением занимать какие-либо судебные должности и должность члена коллегии защитников. Это решение не было обжаловано, т.к. 17 ноября 1930 г. отец был арестован ОГПУ и постановлением тройки по Ивановской промышленной области осужден по статье 58 пункты 10 и 11 уголовного кодекса на 5 лет в Соловецкие лагеря. Это решение коснулось и меня, учившегося в то время в Пермском медицинском институте, из которого меня немедленно исключили.

Когда отца подвергли «чистке», нависла над Колычевым угроза «раскулачивания» со всеми вытекающими последствиями. Пока все было благополучно – «Колычево» имело право на существование благодаря тому, что мать – Мария Петровна Скульская была единственным опытным глазным врачом на Любимский и Даниловский уезды, а больных глазами было великое множество, в т.ч. больных трахомой.

«Раскулачивания» удалось как-то избежать, но оставаться в «Колычеве» было уже нельзя. Был за бесценок продан большой дом, надворные постройки, скот и все имущество и мать перебралась в Ярославль, а после осуждения отца перебралась в Ленинград, где жила в то время сестра и приехал из Перми я.

Отцу в общем-то повезло: допросы обошлись без битья и пыток, в лагере на общих работах он пробыл недолго и был назначен с 1.02.1932 г. юристом-консультантом 10-го отделения Беломорско-Балтийского комбината. Пробыл в этой «должности» до 21 июня 1934 г. и был освобожден досрочно с зачетом «трудодней». Жить ему в Ленинграде с семьей не позволили и он поселился в г. Костроме у Н.Н. Исакова, двоюродного брата жены – Марии Петровны и поступил на работу экономистом отдела снабжения машиностроительного завода им. Красина, с 11.11.1934г. назначен юристконсультom завода.

18 июля 1935 г. умерла Мария Петровна Скульская и Дмитрий Аркадьевич остался один. Смерть жены он переживал трудно.

Началась война 1941-1945 гг. Четыре сына Н.Н. Исакова ушли на фронт, а один (Геннадий Николаевич) женился. Я работал на Урале в Исовском районе Свердловской области в геолого-поисковой партии на алмазы. Сестра Таня жила в Ташкенте в трудных материальных условиях. Я пытался перевезти отца на Урал, но из этого ничего не получалось. И тогда отец, которому в Костроме стало очень одиноко и тоскливо, решил перебраться в Рыбинск, где у него сохранились старые знакомства и связи.

Там отец принял решение объединить свои жизненные усилия с таким же старым человеком, чтобы заботясь друг о друге как-то полегче просуществовать. Таким человеком оказалась Инна Сергеевна Блинова, с которой отец и зарегистрировал свои отношения. В Рыбинске Дмитрий Аркадьевич поступил на работу в Горжилуправление юристконсультom. Проработал с 17.07 по 20.11.1942 г. и уволился вследствие перехода на инвалидность. Я в то время хлопотал о получении пропуска на поездку в Рыбинск за отцом. 5 февраля разрешение на пропуск я получил, а на телеграфе мне вручили телеграмму, что отец скончался 3 февраля 1943 г. и ехать даже на похороны было уже поздно. Он похоронен на старом кладбище близ церкви, занятой под какие-то мастерские в могиле родственников И.С. Блиновой.

25.05.1943 г. Письмо И.С. Блиновой В.Д. Скульскому на Урал.

« Дорогой Володюша!

Получила два Ваших последних письма и перевод на 500 руб. Сердечно благодарю Вас за все – за добрые, хорошие письма и за заботу обо мне. Они как-то согревают, поддерживают меня, читая их на душе становится легче. Простите, дорогой мой, мое долгое молчание. Как это трудно писать и говорить о себе. На Ис не писала, т.к. ждала Вашего нового адреса. Пишите – где будете работать в дальнейшем. Почему Вы не пишете о Тане и Мише? Где они? Мне грустно ничего не знать о них. При жизни папы я была в курсе жизни всех Ваших.

Время идет, а рана не заживает, тоска не проходит и не пройдет. Как я любила папу, его интеллект, оставшийся нетронутым несмотря на физическую болезнь. Если бы не перенесенное еще в Костроме крупозное воспаление легких, он бы еще пожил, а болезнь ослабила сердце, подорвала организм, после чего он стал быстро разрушаться.

Так хочется поговорить о нем с близким ему, родным человеком. Он мне часто говорил, что дети у него хорошие. Вот его буквальные слова: «Мне еще покойница Мария Петровна говорила: Ты не беспокойся, дети у нас хорошие». И мне говорил, что Володя тебя не оставит.

Похоронен он рядом с моим отцом, сестрой и племянником. Если буду жива, то скоро буду отделявать могилку. Папа был человек верующий и потому я сделала все как нужно по христиански.

Дорогой Володюша, со мной случилось большое несчастье, о котором я еще Вам не писала, не хотелось расстраивать Вас.

Беда, говорят, никогда не приходит одна. В ночь с 21.03 на 22.03 после воздушной тревоги и бомбежки меня обокрали. Взяли буквально все – мое и папино: одежду, обувь. Разбили и вырезали окно с улицы, раскрыли обе рамы и проникли в комнату, выходящую на улицу. Опустошили два полных шкафа, все приобретенное трудом многих лет. Я вернулась из школы поздно, усталая, ночью долго не спала, т.к. была тревога, после отключения которой легла на диван в столовой. Дверь в первую комнату, выходящую на улицу, была раскрыта. Я не слыхала ничего. Соседи тоже. Были профессиональные воры. Их нашли, сняли с одного из них папину куртку. Остальных вещей нет. Я разута и раздета. Лучше бы все продать, променять и быть сытой. Можете представить мое душевное состояние. Это окончательно сломило меня и я слегла. Долго болела, нервное потрясение, имела больничный лист, лежала. В школу больше не хожу, не могу. Доктор категорически запретил ходить такое расстояние. Не над было и ходить, может быть тогда сохранила бы вещи. Сейчас меня оформили преподавателем во вновь открывающийся техникум при военном заводе. Но занятия будут лишь с 1 октября, а пока работа чисто организационная. Откроется ли он, и будут ли там уроки иностранных языков – неизвестно. На июнь я обеспечена карточкой хлебной, а дальше полная неопределенность. Да и думать нельзя. Сегодня ночь была очень тревожной. Буду ли жива еще. Да, пожалуй, смерть для меня лучший исход.

Я чувствую себя очень виноватой перед Вами и после случившегося я не имею морально никакого права на присланные Вами деньги. Лучше бы Вы оставили их для себя. Мне очень тяжело и я потеряла и энергию, и желание бороться с жизнью.

Мне так хотелось быть Вам чем-нибудь полезной, и я думала, что если Вам понадобится когда-нибудь свой человек в доме, Вы вспомните обо мне. Свой человек лучше чужого. Еще раз благодарю Вас, дорогой Володюша, за все. Будьте здоровы. Берегите себя. Пишите, не забывайте меня. Ваша И.Б.»

Скульский Дмитрий Аркадьевич

Город Рыбинск, кладбище,
Здесь, близ бывшего храма,
(в нем теперь мастерская и

моторы шумят)
Есть могила, в которой
Мой Отец похоронен
в 43-м Военном
Пятьдесят лет назад.
Перед ней две березы,
Слева тополь высокий,
Бузина и крапива
И по пояс трава.
Каждый год ненадолго
Я сюда приезжаю,
Поглядеть на могилу,
Побывать у отца.
Вкруг могилы оградка,
Крест железный и надпись
«Скульский Дмитрий Аркадьич»
И две даты рядком.
Постою, повздыхаю,
Посмотрю на могилу
И на год попрощаюсь
Со своим стариком...
Был он добр и отзывчив,
Бескорыстен и честен,
Всем всегда помогал,
Как умел и в чем мог
Испытал он не мало
И беды и невзгоды
И за все, что он вынес
Да простит его Бог.
Был он в первой ГосДуме,
Отсидел за Воззвание
И в восьмом и в тридцатых,
Как в те годы велось.
А когда он остался
И больным, и голодным
Навестить и помочь
Мне ему не пришлось...
Что ж, прости мне, что не был,
Не помог, не простился,
Что в последний твой час
Сын не видел отца.
Ты остался примером,
Как жить и трудиться,
И как совесть и честь
Пронести до конца.

В. Скульский

НАЧАЛО ПУТИ

Работа на алмазы на Средней Урале - это «утро» - или, - точнее, начало - начал алмазных исследований и зарождения отечественной добывающей алмазной промышленности. Здесь, на Среднем Урале, отрабатывалась методика геолого-

геоморфологических исследований, поисков и разведки алмазоносных россыпей; разрабатывалась и проверялась обогащательная аппаратура; выросли кадры первых алмазников-геологов, горняков, обогащателей, геофизиков, эксплуатационников и других специалистов, которым довелось налаживать работы и передавать свой опыт алмазникам Якутии, исследователям Северного Урала и других краев и областей нашей необъятной Родины.

Все сделанное на Урале, что явилось, как бы фундаментом при организации и проведении работ на алмазы в других районах Страны, - это труд и заслуга большого числа людей, которым пришлось трудиться в чрезвычайно тяжелых, голодных условиях военных лет, не имея порой самого необходимого, но продолжавших работать честно и самоотверженно, не взирая на трудности и лишения.

Настоящие записки следует рассматривать, как попытку одного из очевидцев и участников рассказать о людях, с которыми довелось встречаться и работать, а также о событиях и делах, участником коих пришлось быть.

С той военной и ранней - послевоенной поры минуло много-много лет. Много забылось и восстановить в памяти события и образы людей становится все труднее. Многие, из числа тех, кто начинал работы на Урале - ушли из жизни, а другие, которые в то время лишь приобщались после студенческой скамьи к этим работам стали почтенными пенсионерами.

Пройдет еще немного лет, уйдут в «мир иной» последние очевидцы и участники, а память о тех, кто "прокладывал первые тропы" и о том, как они прокладывались, может навсегда исчезнуть. Чтобы этого не случилось необходимо тем товарищам, кто в те годы работал на Урале, вспомнить и написать (пока не забылось) о людях, с которыми трудился, о проведенных, совместно с ними исследованиях.

Автор этих записок рассказывает только о том, что видел, досконально знал и в чем принимал непосредственное участие. О том, что делалось на других объектах упоминается лишь при необходимости и при условии, что без этих упоминаний не обойтись. Он надеется, что подробно об этом напишут другие очевидцы и участники работ и событий.

Пытаясь вспомнить о всех тех, с кем довелось трудиться "во славу уральских алмазов", им приводится много имен и фамилий. Но, память не всегда бывает надежной, порой она подводит.... По этой причине автор просит извинения у товарищей, о которых он незаслуженно не упомянул.

Настоящие "Воспоминания" автор рассматривает как фактический материал, который пригодится при написании **правдивой** и **объективной** истории об открытии, разведке и освоении алмазных богатств в нашей стране. Он верит, что настанет время и такая книга будет создана и что она будет честной, и безусловно правдивой. Он надеется, что "никто из участников тех событий не будет забыт. Участники их это по праву заслужили.

В 1829 году, в районе Крестовоздвиженских золотых приисков на Среднем Урале, принадлежавших графу Шувалову, был найден первый Уральский алмаз. Находка возбудила большой интерес и послужила стимулом и постановке на Урале многочисленных поисков. В них участвовали помимо русских и иностранцы. Эти поиски оказались, в общем-то безрезультатными и были прекращены. За весь дореволюционный период было найдено около 300 алмазов. Алмазы обнаруживали попутно - при промывке золотоносных и платиноносных песков на Среднем, а также на южном Урале, кроме того отдельные находки были известны в Енисейской тайге на р. Мельничной, по Точильному ключу и в др. районах страны.

Начало систематических работ на алмазы с целью создания собственной сырьевой базы, относится к 1938 году. Постановлением Правительства для руководства этими работами, при Комитете по делам геологии было создано Алмазное бюро, которое возглавил зам.пред. Комитета-Георгий Корнеевич Волосюк - молодой в те годы и очень инициативный геолог.

Основные документы по разведке и добыче алмазов на Урале:

1. Постановление Экономического Совета СНК СССР № III4-316 от 19/06.1940 г. Об организаций добычи и регулирования употребления в промышленности АЛМАЗОВ. Подписано А. Микояном
2. Приказ Комитета по делам Геологии при СНК СССР от 8.07. 1940 г. № 214 (Издан во исполнение постановления ЭКОСО от 19/06.) Об организации стационарной Уральской Алмазной экспедиции с центром в поселке Кусье-Александровское Молотовской (б. Пермской) области.
3. Постановление Совета Министров СССР № 1978-832 от 7/09.-1946 г. О реорганизации Уральской алмазной экспедиции в Геологическое управление по разведке месторождений алмазов с местопребыванием в г. Ленинграде и организации отделения Геологического управления в г. Красноярске.
4. Постановление Совета министров СССР № 4877-1874 от 23.09.1949 г. О реорганизации 3-го Геологического управления в Ленинграде в 3-е Главное Геологическое управление в г. Москве.

Работы по поискам были поручены двум специально организованным группам при ВСЕГЕИ в Ленинграде и ВИМС - в Москве.

(Приведенные в главе материалы взяты в значительной мере из статьи *Открытие алмазоносных провинций в СССР* авторы Е.П. Орешникова, Б.И. Прокопчук, В.С. Трофимов . "Разведка и охрана недр» № 10-11 октябрь-ноябрь 1967 г.)

Ленинградскую группу возглавил Михаил Федорович Шестопалов, а научным руководителем стал Александр Петрович Буров.

В группу вошли Александр Анисимович Аверин (геолог), Николай Сергеевич Алимов (инженер обогатитель), Нина Петровна Вербицкая (геоморфолог), Антонина Ивановна Волкова (инженер обогатитель), Григорий Абрамович Виллер (геолог), Николай Николаевич Гераков (геолог), Самуил Андреевич Годован (геолог), Николай Павлович Кленовицкий (геолог), Нина Рейнгольдовна Лийц (геолог), Мария Исаковна Плотникова (геолог), Яков Иванович Польшкин (геолог), Владимир Сергеевич Трофимов (геолог) и другие.

Начальником Московской поисковой группы был назначен Василий Аникеевич Ружицкий. В группу вошли Михаил Григорьевич Богословский, Дмитрий Васильевич Борисевич (геоморфолог), Наталья Викторовна Введенская (геолог), Иван Никифорович Герасимов (геолог), Григорий Аркадьевич Коц (инженер обогатитель), Михаил Иванович Маланьин (инженер обогатитель), Георгий Прохорович Романов (геолог), Наталья Ефимовна Романовская (обогатитель), Л.Г. Солдатов (инж. обогатитель) и другие.

В разработке методики обогащения алмазоносных «песков» и в создании обогатительной аппаратуры приняли участие сотрудники Ленинградского Института "Механообр" Е.Н. Вишневский, Н.П. Титков, К.П. Чиркова, П.И. Яшин и др.

Работы начались с ревизии известных мест находок алмазов. Ленинградская группа приступила к опробованию старательских эфелей на речке «Полуденка» - притоку р. Койвы и геолого-геоморфологическим исследованиям и поискам в долине среднего течения р. Койвы, выше и ниже пос. Промысла; а также по р. Вижай, в районе пос. Пашия и в районе пос. Кусье-Александровская. Москвичи приступили к поискам по Тырымову Логу - притоку р. Койвы и на др. участках.

В 1940 г. работы по поискам алмазов на Урале были значительно расширены, созданы новые геологические и геоморфологические партии и, в том числе, Вильвенская партия в составе: Софья Рудольфовна Самойлович - начальник партии, Скульский Владимир Дмитриевич - прораб и Скульская Нина Александровна (б. Иванова) - ст. коллектор - оба студенты географического факультета Ленинградского Университета - по специальности геоморфология и четвертичная геология.

Первоначально Ленинградцы и Москвичи вели работы раздельно. Но в июле 1940 обе группы были объединены в единую алмазную экспедицию. Этому предшествовало постановление экономического совета Совнаркома СССР (№ 1114-316 от 19/У1 1940 г.) об организации добычи и регулирования употребления в промышленности алмазов, подписанное А.Н. Микояном.

Во исполнение этого постановления, Комитетом по делам геологии при СНК СССР был издан приказ за № 214 от 8/У11 1940 г. об организации стационарной Уральской алмазной экспедиции с центром в поселке Кусье-Александровское Чусовского района Пермской (а в то время Молотовской) области. Ее начальником назначили Николая Спиридоновича Зайцева, а главным геологом и научным ее руководителем стал Александр Петрович Буров. Вскоре Н.С. Зайцева сменил Михаил Федорович Шестопалов.

В 1940 г. в составе экспедиции действовали 7 партий*)

1. Кусьинская поисково-разведочная, с базой в поселке Кусье- Александровское - начальник А.А. Аверин;
2. Койвинская поисково-разведочная - с базой в пос. Промысла, начальник С.А. Годован;
3. Усть-Тырымская поисково-разведочная - с базой в поселке Усть-Тырым - начальник В.О. Ружицкий;
4. Вижайская - с базой в пос. Пашия, нач. В.С. Трофимов;
5. Усьвинская - поисковая - проводила работы в среднем течении р. Усьвы - нач. партии Г.П. Романов;
6. Вильвенская геоморфологическая - нач. С.Р. Самойлович
7. Косьвинская- нач. И.И. Краснов

*) В перечне партий возможны неточности.

Список геологов, обогатителей и других специалистов алмазников, работавших в Уральской алмазной экспедиции, с момента ее организации представлен в Приложении 1.

Некоторая, незначительная часть из числа перечисленных, вскоре покинула экспедицию, но подавляющее большинство ее сотрудников связали свою судьбу с поисками, разведкой и другими видами работ и исследований на алмазы, сперва на Урале, а затем и в других районах страны, где эти работы были организованы.

Многие сотрудники экспедиции (если не сказать подавляющее большинство их) никогда раньше не работали на поисках алмазов и ДОЛЖНЫ были набираться "ума-разума" в процессе работ. В результате проведенных поисков, в долине реки Койвы и по р. Вижай были открыты промышленные (по понятиям того времени, теперь подобные «месторождения» рассматриваются как «проявления» полезного ископаемого) алмазные россыпи. Некоторые из них были разведаны и подготовлены для эксплуатации. В 1940-1941гг. в районе пос. Промысла и на Тырымском месторождении началось строительство фабрик по промывке и обогащению алмазоносных «песков» - первых в нашей стране промышленных предприятий по добыче алмазов.

Алмазные месторождения на Среднем Урале представлены, в основном, аллювиальными россыпями, малыми по своим размерам и очень бедными по содержанию, с ничтожными запасами полезного ископаемого. Россыпи имеют двухчленное строение: Верхний горизонт, сложенный «торфами» (старательское название пустой породы), глинами, суглинками часто со щебнем и галькой, не содержит полезного ископаемого. Мощность этих отложений составляла от 2-х до 6-10 метров; Нижний горизонт или "пески", мощностью от 1-1,5 до 3-4 метров сложен глинистыми-песчано-гравийно-галечными отложениями, в которых содержится золото и зерна алмазов. «Плотиком» служат известняки, доломиты, песчаники и филлитовидные рассланцованные породы, являющие собой основание, на котором лежат рыхлые отложения.

Поискам предшествовали геолого-геоморфологические исследования в долинах рек и на междуречьях; выявление развитых по долинам террас, их описание, изучение и

описание отложений, слагающих эти террасы, промывка шлихов и выделение участков, для более детальных, собственно поисковых работ с горными выработками, отбором проб и их обогащением, для извлечения алмазов.

В 1940 году было организовано несколько таких партий и в том числе, как упоминалось выше, Вильвенская - геоморфологическая.

ВИЛЬВЕНСКАЯ ПАРТИЯ

Вильвенская геоморфологическая партия ВСЕГЕИ отправилась из Ленинграда в конце мая 1940 г. Начальником партии, как сказано выше, была назначена Софья Рудольфовна Самойлович (дочь известного полярника, трагически погибшего в 1937-38 гг.); прораб - Скульский и старший коллектор Иванова-Скульская Нина Александровна - оба студенты геоморфологи, только что успевшие сдать экзамены и перейти на У курс.

Путь лежал до станции Пашня горнозаводской линии железной дороги, а далее по узкоколейке до пос. Вильва на р. Вильва, откуда намечалось начинать работы. Эта узкоколейка еще в прошлом веке предназначалась для доставки древесного угля в Вильвенского углежжения на Пашийский металлургический завод, один из многих Уральских заводов, выплавлявших на древесном угле высококачественный чугун. В то время, о котором рассказывается, Пашийский завод прекратил свое существование, уголь на Вильве не выжигали и теперь по узкоколейке доставлялись необходимые Вильвенскому участку продовольствие, горючее и фураж для лошадей. Обратно, в Пашню вывозили понемногу лес, а основная масса древесины сплавлялась водой. Дорога пришла в упадок и маленький паровозик - "кукушка" пробирался по ней с похвальной осторожностью.

Остановились на квартире у начальника лесоучастка Николая Павловича Перминова и его супруги - уральских старожилов. Арендовали лошадей (не помню, то ли в Кусье, то ли в Пашийском леспромхозе), наняли на время работ двух рабочих - Васева и Мухамедзянова и двинулись в путь. Начальник и старший коллектор отправились в верховья р. Вильвы - на "Вильвенскую Рассоху", а прораб пошел на Басеги - небольшой по протяженности горный хребет, вытянутый в меридиональном направлении между реками Вильвой и Усьвой. Встреча отрядов намечалась в "спецпоселке" - Коростелевка.

Район, где предстояло трудиться, в начале 1940 года был почти безлюден. В верхнем течении р. Вильвы находились 3 спецпоселка, построенные присланными сюда, на лесозаготовки, в тридцатых годах, так называемыми "спецпоселенцами". Они соединялись между собой и поселком Вильва сланью - дорогой из бревен, проложенной по болоту. В то время в поселках жило по 2—3 семьи, оберегающих жилье от огня, и в каждом доме обитало великое множество клопов.

На Басеги наш отрядик добрался по тропе, идущей на север от поселка Щегровитый - стоящего на полпути между Вильвой и Коростелевкой. Тропа привела на площадку нагорной террасы, окаймленной с запада скальной грядой, приподнятой над долинами речек, примерно на 500 метров. Там, внизу, все было зелено, а здесь еще лежал снег, но через его покров уже пробивать тонкие зеленые стрелки травы. Через месяц довелось вновь побывать в этих местах. За это время трава вымахала, чуть ли не на 1,5 метра в была мне, когда в сидел в седле на своем малорослом коне, по кличке Колька - по пояс. Басегские поляны являлись сенокосными угодьями Пашийского леспромхоза. Здесь, под защитой скалы, стоял сарай, в котором хранился покосный инструмент (косы, грабли, вилы, посуда в прочий скраб) и банька; - в которой летом мылись сенокосчики, а в другое время жил сторож Зырянин - родственник нашего Мухамедзянова. Банька, буквально кишела клопами, но ее владелец как-то с ними уживался. Что до нас - то заходить в это логово мы не решались. Через день, по приходе на Басеги снег испарился и, буквально на глазах начался буйный рост травы.

За время работы удалось обеспечитья свежим мясом, что было

реч. Коростелевка, правый приток р. Вильвы

камень Дикарь, вдали долина
р. Коростелевки и горная гряда

весьма кстати. А случилось вот что: Зырянин ставил капканы на медведя и в один из них попался зверь. Он сорвал капкан и ушел. Зырянин обратился за помощью. Зверя догнали, добились, а мясо поделили. В память об этом событии хранится фотография. Что касается мяса, то оно было весьма съедобным.

После Басегов, спустились в долину р. Усьвы, пересекли ее приток - речку "Порожнюю" с чистой водой. При промывке донных отложений нашли прозрачный камешек, оказавшийся, к сожалению, кварцем, а не алмазом, как того хотелось. Вскоре вышли к лагере отряда партии Г.П. Романова, проводившего поиски в бассейне Усьвы.

Было воскресенье и в лагере находились начальник отряда Дмитрий Васильевич Борисевич и его помощники, в то время еще студенты У курса Московского университета - Эдмунд Иосифович Равский и Фарида Сабировна Шарипова (сменившая в том же году фамилию на Равскую). Подобные встречи бывают особенно приятны. Хозяева напоили нас чаем, а через полчаса Фарида доказывала мне, до хрипоты преимущества Москвы, а я отстаивал честь Ленинграда. Подобные споры извечны и бесцельны: спорщики остаются

при своем мнении и сбить их с отстаиваемых позиций, невозможно. Д.В. Борисович научил как нужно правильно мыть шлихи и подарил старательский ковш, чем нас выручил и заслужил искреннюю благодарность. Расстались мы друзьями. От Усьвы пошли на речку Порожную, перевалили через водораздел и спустились в долину р. Коростелевки.

Подходя к поселку увидели бредущую во сланям колонну хорошо одетых и в конце измученных людей - мужчин, женщин с детьми и стариков, тащивших какие-то узлы и чемоданы. Сзади, на двух или трех волокушах - коротких санях, единственных "экипажах", пригодных для перевозки грузов по болотам и бездорожью, везли разный скарб. Оказалось, что это шли поляки - так называемые «Осадники», - из Западной Белоруссии, и те, кто спасаясь от немцев, успели убежать на территорию, освобожденную в 1939 г. Красной Армией. Теперь их переселяли на Урал, под «Недреманный» комендантский надзор... Забегая вперед скажем, что прожили они в этих гиблых местах сравнительно недолго. С началом войны их переселили в жилые места, а по окончании ее они возвратились в Польшу.

Существует правило - выходя в маршрут, съесть густо посоленный кусок черного хлеба, выпить кружку горячего чая и в походе до привала не пить воды, как бы ни хотелось. Это золотое правило я нарушил, за что и был тотчас же наказан. Шагая вверх по течению речки Коростелевке в жаркий солнечный день, я вдосталь напился холодной и вкусной воды. Прошел с километр, - опять хочется пить, причем пьешь, а напиться не можешь! Так продолжалось весь день, а на следующий повторилось то же самое. Пришлось брать себя в руки и "отвыкать" от питья, что оказалось вовсе не легко. Но... наука пошла впрок, что весьма важно.

В конце августа партия переместилась ниже поселка Вильва и продолжала свои работы в нижнем течении реки и по ее притокам. Там тоже были спецпоселки, где жили те, кого «раскулачивали» и вывозили на север. Но в отличие от Коростелевки и Щегровитого, дома стояли на возвышенностях, а не в болоте; у жителей были огороды - своя картошка и капуста и они держали скотину. Поселенцы трудились в леспромхозе, работали крепко и на заработки не жаловались.

В сентябре Нина Александровна получила телеграмму, что наш сын Мишка, которому шел 2-й годик, заболел скарлатиной и что необходим ее приезд. У Софьи Рудольфовны эта весть вызвала слезы сочувствия и Нина отбыла в Ленинград. По счастью болезнь оказалась придуманной, а посылка телеграммы заранее согласованной...

Партия продолжала работать и возвратилась в Ленинград в конце октября. Последние маршруты на междуречье Вильва - Усьва проходили по снегу и были не из легких. За опоздание на занятия - меня собирались исключить, но спасло ходатайство Уральской алмазной экспедиции, сотрудниками которой мы стали с 1 июля 1940 года.

В заключение хочется сказать, что у всех нас, сотрудников алмазной экспедиции, было огромное желание найти алмазы и не наша, порой, вина, что результаты поисков не оправдывали наших устремлений и надежд. В то время знали мы очень мало, опыта не было и первые годы - были годами учебы. Иногда желаемое выдавалось за действительное: так, в то время, когда мы трудились на Вильве, в Молотовской (Пермской) газете "Звезда" появилась заметка, что партия И.И. Краснова, в которой работал наш однокурсник Г.С. Ганешин, нашла на р. Косье алмазы. По видимому, автору заметки очень хотелось, чтобы это случилось и он опередил истинный ход событий по меньшей мере на 25 лет.

В ИСОВСКОЙ ПАРТИИ

В начале 1941г. меня перевели в поисковую партию, начинавшую свои работы на восточном склоне Урала в Исовском районе Свердловской области. Начальник ее - Владимир Сергеевич Трофимов, в то время еще кандидат геолого-минералогических наук

имел уже опыт работы на алмазы. Он был также автором, чуть ли не единственного в то время пособия "Ресурсы алмазов в зарубежных странах".

Я готовился к госэкзаменам и работал под его началом на половинной ставке. В марте положительно разрешился вопрос о нашем направлении в Уральскую алмазную экспедицию и мы могли спокойно завершать свои учебные дела.

Как-то в апреле меня вызвал начальник экспедиции М.Ф. Шестопалов и предложил не позднее 5 мая отправляться к месту будущей работы в пос. Ис. Я сообщил, что в этом году, в июне оканчиваю университет, бросить его не могу и не хочу, но по окончании, в июне месяце, выеду незамедлительно. На это было сказано: «ну, что же, если так, нам придется распрощаться...» Пошел к главному геологу А.П. Бурову, сообщил о беседе, решении начальства и неизбежном близком уходе. - "Ну, дитятко, (Александр Петрович всех нас именовал "дитятками"), чего он ерунду порет! Конечно, университет надо кончать, вот Вы и кончайте, а тогда и приедете" ... На том и порешили. Но, чтобы ускорить отъезд, мы обратились в деканат за разрешением сдавать госэкзамены с любыми группами, что давало экономию во времени в 10-12 дней. Разрешение было дано, а 16 июня сдан последний экзамен и на утро 23 июня взяты билеты на поезд.

А 22 июня, в 12 часов дня выступил по радио Молотов и произнес слово - **В О Й Н А!** Вечером по радио был объявлен приказ о мобилизации.

Приказ есть приказ ... Соответственно переодевшись и положив в полевую сумку смену белья, мыло, полотенце и пару бутербродов я отправился в райвоенкомат. Было около 23 часов, когда я туда явился. Старший лейтенант просмотрел документы, командировку, билет и сказал: "вот и хорошо; утром отправите жену, сдадите свой билет и приходите сюда. Кстати, Ваше воинское звание? Ах, Вы не аттестованы ... Так пройдите в товарищу N ". Офицер, к которому меня направили - имел интендантские петлицы. Он внимательно пересмотрел все документа и заявил: "Езжайте в свою экспедицию, а будет в Вас нужда - вызовем" • На недоуменный вопрос - не окажусь ли я в числе дезертиров, - он добавил, - "не окажетесь, уезжайте спокойно и не бойтесь, что о Вас позабудут".

Так, благодаря случайностям, я оказался на Урале. Вскоре на мужчин - алмазников была получена "бронь" и путь на передовую стал возможен, только через штрафбат.

Районный поселок Ис - Центр Исовского района Свердловской области - являлся, также центром платинодобывающей промышленности. Поселок большой, располагался по правому берегу р. Ис - притоку р. Туры. Здесь находилось приисковое управление, которому подчинялись все больше и малые прииски, в том числе Косьинские, Кытлымские и другие, размещались склады и управление "Золотопродснаба", имелся горный техникум, где готовились кадры специалистов и командиров среднего звена для производства. Директор техникума – В.В. Ложкин, человек думающий и увлеченный, много сделал для подготовки достойной смены... Во время войны техникум был закрыт, в его здании разместился трест Уралзолото, а В.В. Ложкин стал заведовать его минералогической лабораторией.

С "внешним миром" поселок Ис был связан узкоколейной железной дорогой Ис - Выя с выходом на ширококолейный путь Серов- Кушва и далее по Горнозаводской линии ж.-д. - на Свердловск или Пермь, а также шоссейной дорогой на пос. Нижн. Туру. От станции Ис узкоколейка шла на Косьинский прииск, а вторая ветка - на Кытлым. Узкоколейные дороги были построены еще в прошлом веке, но продолжали служить более-менее исправно, перевоза людей и грузы.

Платина на р. Ис была обнаружена в середине прошлого века и с тех пор ведется ее интенсивная добыча. В 1941 году государственные разработки проводились в пределах современной долины р. Ис. Там работали две электродраги – «красная» и "синяя" и драги по реке Косье. Они перебивали старые обработки и нижележащие платиновые пески, нетронутые работавшими здесь ранее паровыми драгами с незначительной глубиной черпанья. Помню, что на прииске Глубокая работала также Государственная гидравлика, а

рядом размывала исовские террасы - старательская артель. Тысячи старателей трудились на притоках реки Ис, разрабатывали его террасовые и "увальные" россыпи. Работа велась обычно побригадно. Бригада состояла, как правило, из 2-х реже - 3-х человек. Ей отводилась делянка, размером 10 x 10 метров, на площадях, разведанных Исовским геологоразведочным бюро (ГРБ). По данным разведки определялось количество платины, которую следовало извлечь и сдать, и устанавливались месячные задания. Намытая старателями платина сдавалась в контору участка по цене 1 руб. - золотобонами — за 1 грамм. При перевыполнении плана — цена соответственно увеличивалась до 1 руб. 50 коп. Золотобоны отоваривались в специальных магазинах, куда доступ обычным смертным был закрыт. На каждый рубль старатель мог получать муку – крупчатку, по цене то ли 23, то ли 27 коп. за килограмм, сахар - 20-27 коп. и другие продукты и товары по соответственным ценам. Какова была цена этих продуктов на "черном" рынке - не берусь судить. Помню, что буханка черного хлеба продавалась в 1942 г. за 300 (!) рублей, а стакан махорки "самосада" стоил тридцатку ... После полного отоваривания продуктами, у старателя оставалось по несколько копеек с рубля на которые можно было приобрести табак. Такие "остатки бонов" — старатели продавали по 50 руб. за 1 рубль, а мы, курильщики, за эти деньги приобретали пачку слабого и «невкусного» табака.

Горные работы - проходка 2-х дудок вертикальных горных выработок круглого сечения, проходимых без крепления и "рассечен" или штреков - по "пескам" - глинистым галечникам со щебнем - иначе говоря продуктивному горизонту - содержащему металл - выполнялась хозяевами делянки. Для вывозки "песков" к местам промывки - нанимали коновозчика с лошадью с оплатой 1 руб. 50 коп, а для промывки породы - 3-х женщин. Им платили по 50 коп. золотобонами. Одна из работниц качала воду насосом - "подергущей", а другие - протирали породу "на станке"- (вашгерде). Ежедневный намыв на станок составлял от 5-7 до 12-20 г. Но иногда, на особенно богатых площадях он доходил до 100 и более грамм. Старатели трудились основательно, но и жили, по понятиям того времени весьма богато: имели в досталь продуктов, варили брагу и смотрели на тех, кто жил на зарплату – свысока. Что касается приезжих - то их рассматривали как людей 3-го сорта.

В годы войны реальная цена грамма драгоценного металла, в переводе на стоимость продуктов питания, достигла наивысшего предела. В эти годы весь, или почти весь добытый металл сдавался Государству. Вашгерды не опечатывались и съём металла производился самими старателями. Иное положение было в прошедшие годы и особенно во времена НЭПа. Охотников до платины и золота было много. Они приезжали преимущественно из Москвы, разумеется тайком, останавливались в г. Кушве. Туда приезжали старатели, привозили металл и получали за него в 2-3 раза дороже той цены, что платило приисковое управление. Чтобы пресечь воровство металла - вашгерды (станки) опечатывались, съём производил специально назначенный служащий прииска, именуемый «баночником». На дорогах старателей подстерегала горная стража. Но, несмотря на все принимаемые меры, металл воровали и в достаточно больших количествах. Способов, как украсть, было изобретено множество и описание их заняло бы не один десяток страниц. Сколько металла оседало у старателей не берусь судить ... Продащица хлебного магазина, где мы «отоваривали» свои карточки как-то похвасталась, что ее дедушка, старатель, подарил ей на свадьбу винную бутылку платины (общим весом - пуд). Понятно, что дедушка отдал внучке далеко не все что имел, а оставил и себе кое-что на черный день.

Первый алмаз на восточных склонах Урала был найден в 1884 году на Николо-Святительском прииске по ручью Журавлик, его вес 5/8 карата (125 мг). В 1935 г. при обработке дражных шлихов из русловой части р. Ис, мастером Бородиным был обнаружен алмаз, весом 0,05 карата (10 мг). В 1939 г. партией Золоторазведки при промывке старательских эфелей Журавлинского Лога был найден осколок алмаза, размером 1 мм. Отмечена также находка в районе деревни Елкино, где исследовались красноцветные песчано-глинистые отложения, содержащие кварцевую гальку, залегающие на

закарстованных известняках силурийского возраста. В 1941 г. в районе пос. Маломальский, в дражных шлихах был найден алмаз, весом 125 мг и I кристалл обнаружен в верхнем течении реки близ деревни Мостовая. Все эти разновременные случайные находки, а также характер отложений, выдвигали район в число перспективных и оправдывали постановку поисковых работ.

Проведение этих работ было поручено Исовской поисковой партии Уральской алмазной экспедиции.

рис.3

Старательская промывка платиносодержащих песков.

Начальником ее назначили Трофимова Владимира Сергеевича. К нашему приезду партия была в полном сборе. Геолог партии Наталья Владимировна Кинд, минералог - Михаил Андреевич Гневушев, инженер-обогащитель Клавдия Михайловна Макарова, старший коллектор Антонина Дмитриевна Корсакова и другие - имена их я, к сожалению, позабыл. Н.А. Скульскую (Иванову) прикомандировали к Н.В. Кинд и она отправилась в маршруты, а мне поручали работы на Журавлике. Потом были проведены поиски в районе деревни Елкино и др. местах.

Шла война. Жизнь становилась все труднее. С продовольствием день ото дня было все хуже и хуже и приближающаяся зима не обещала ничего хорошего. Все труднее становилось и с рабочими. Почти все взрослые горняки ушли в армию и им на замену пришлось брать 15-16 летних парнишек. На обогащательной установке трудились женщины, преимущественно молодежь.

Осенью из Москвы приехали профессор Валериан Иннокентьевич Громов с женой и сыном, Ксения Владимировна Никифорова с дочкой, Лидия Дмитриевна Шарыгина и Елена Николаевна Щукина - все сотрудники ВСЕГЕИ. Из осажденного Ленинграда прибыли сотрудники ВСЕГЕИ - профессор Сергей Владимирович Обручев и Мария Львовна Лурье с сыном. К.М. Макарова осенью 1941 года перевелась в другую партию, а на ее место приехала Наталья Ефимовна Романовская.

Работы 1941 года не принесли положительных результатов. По-видимому, одной из причин был недостаточный опыт их исполнителей и невысокое качество опробования.

Наступившая зима оказалась трудной. Жали все скученно, далеко не сытно и не очень дружно. Помыслы были направлены на то, где достать продовольствие и ... курево.

Огромную радость вызвала весть о разгроме немцев под Москвой. Сразу стало легче на душе и местные невзгоды и неурядицы потеряли остроту. С наступлением весны - завхоз партии - Федор Алексеевич (фамилию его забыл) - очень дельный и деятельный человек - раздобыл семена ячменя и организовал его посев. Собранный осенью урожай,

переделанный на крупу, явился немалым для нас подспорьем. С его же помощью каждый посадил картошку и наступление зимы 1943 года не казалось столь страшным.

В начале лета из блокадного Ленинграда приехала Мария Ивановна Иванова - мать Нины Александровны, и привезла сынишку - Мишу. Как она доехала - уму непостижимо. Выглядела она ужасно, а мальчонка, благодаря заботам и самопожертвованию бабушки не был сильно истощен.

Летом 1942 года продолжались поиски в районе пос. Ис, вблизи дер. Елкино и в долинах притоков реки Туры. Все они оказались безрезультатным. По-видимому, восточные склоны Урала еще беднее, чем Западные, а возможно, что наши работы были недостаточно профессиональными.

Нина Александровна в тот год работала самостоятельно, где-то в районе дер. Именной. Когда она возвратилась, то выяснилось, что продолжать совместную жизнь невозможно и чем скорее это будет юридически оформлено, тем будет лучше, что и было выполнено.

Письмо Д.А. Скульского сыну 22 октября 1943 г. « Дорогой мой Володя! Что с тобой? Должно быть тебе очень плохо, т.к. ты вовсе перестал мне писать, думаю, что состояние твоего духа угнетено внешними обстоятельствами – тебе и поделиться, и размыкать свое горе не с кем, так бы мне хотелось быть ближе к тебе и помочь добрым словом и советом! Но это возможно лишь при одном условии, если бы ты приехал сюда. Я, Володюшка, заболел, на этот раз пожалуй, не менее серьезно, чем зимой: у меня парализовались руки и ноги – не могу одеться, подняться с кровати без посторонней помощи. Представляешь, какая мука со мной Инне Сергеевне? Хворать долго мне нельзя, ведь по закону больничные листы при службе менее 6 месяцев оплате не подлежат. А я служу только с 17 июля. Я могу лишь просить у Бога христианской кончины моего живота. Смерть явилась бы лучшим и желательнейшим выходом из этого ужасающего тупика. Для Инны Сергеевны я становлюсь тяжким ярмом. А постоянная необходимость искать продукты питания? Картошка стоит уже 40 рублей, молоко – 50 и дороже, дров нет, добыли сырых досок, которые не разгораются и тепла не дают. Хлеба получаем по 400 граммов и, конечно, голодаем при таком пайке. Тряпья и золота, которые можно было бы поменять на хлеб или картошку, у нас нет.

Мне бы очень хотелось, чтобы взаимные отношения между тобой и Инной Сергеевной и при жизни моей, и в случае моей смерти стали как можно ближе: она чуткий, добрый человек, таких хороших людей, как она, мало. Вот тебе вся серьезная правда обо мне. Ничего не скрывай, не скрывай и ты самую горькую правду о себе от меня. Хорошо, если бы смог приехать. Но на случай моей смерти приезжать не трудись: к похоронам из твоих дальних краев все равно не приехать. Жду с нетерпением твоего обстоятельного письма. Горячо тебя любящий отец Дмитрий Скульский.»

В январе пришло известие о смерти отца, скончавшегося в Рыбинске, а весной 1943 года меня перевели в Уткинскую партию.

Работа в Исовской партии явилась отличной школой ведения горных работ и других, практических приемов и способов, знать которые обязан каждый геолог. Что касается алмазов, нами не обнаруженных, то имеются сведения, что В.В. Ложкин, после ликвидации Исовской партии, при просмотре дражных шлихов обнаружил еще один алмаз. Правда ли это - не знаю, но, кажется, что правда.

В УТКИНСКОЙ ПАРТИИ

С начальником Уткинской партии - Ниной Петровной Вербицкой мне довелось трудиться совместно 3 или 4 месяца. Ее группа вела геоморфологические исследования в долине р. Чусовой, а базировалась в поселке у станции Пашня. Здесь Нина Петровна арендовала домик, в котором жили ее мать и дочка Оксана и обитали также все сотрудники: прораб - очень милая девушка, студентка МГУ (не помню ни имя, ни

фамилию), рабочий Илья Сюркаев и я - назначенный геоморфологом в партию. В этом же поселке проживали Ольга Ивановна Никифорова и Иван Иванович Краснов с сыновьями; Сергей Феликсович Бискэ с женой, мой однокурсник - Сергей Булапель и Дмитрий Васильевич Борисевич с родителями. Все обзавелись огородами, сажали картошку и прочие овощи и трудились в экспедиции по мере сил, каждый по своей теме. Жили неплохо, т.к. снабжение продуктами к тому времени несколько наладилось и имелась в достатке своя картошка. До выездов в поле я также успел вскопать 2-3 грядки и произвести посадки.

Выбрались мы своим ходом на телеге. Остановились на берегу р. Чусовой в деревне (названия ее не помню), сняли помещение и приступили к геоморфологическим маршрутам. Начальник и прораб ходили в паре, а геоморфолог ходил в одиночку и, кроме того, его обязанностью было снабжение партии продовольствием. Карточки отоваривались в Свердловске, и раз в неделю, около 10-11 часов вечера я забирал рюкзак, переправлялся на лодке через Чусовую и шагал 14 км до станции Кузино. Там садился на 3-х часовой свердловский пригородный поезд. Шел в геологическое управление, во дворе которого имелся магазин и происходило отоваривание, а в 6 час. вечера садился в обратный поезд, через 2 часа был в Кузино, а 3 часа спустя являлся домой.

В этих поездках мне систематически не везло. Выходил я при безоблачном небе, а через час набегали тучи и начинался дождь, а иногда гроза, продолжавшаяся 1,5-2 часа. В последний час пути я «высыхал» на ходу и в Свердловск прибывал почти сухим. Обратный путь совершался без приключений.

Дорога на станцию пролежала сперва через лес, потом, помнится, мимо какой-то ограды с воротами, дальше было кладбище, затем поля, перелески, деревни и, наконец, Кузино. Шагая как-то на рассвете мимо этой ограды, я увидел, как из ворот выехала телега, запряженная парой коней с грузом, покрытым выгоревшим брезентом. Рядом шагал возница. Я догнал его, пошел рядом и спросил: "Что везешь?" - "Узбеков", равнодушно ответил он "???!"; на мой недоуменный вопрос пояснил, везет покойников-узбеков - трудармейцев, присланных на лесозаготовки. Некоторая часть из них, как правило, не работает, а продает то, что привезли съедобного из дома, вплоть до хлебного пайка. Итог накопительства и самоистязаний налицо ...Воз повернул на кладбище, а я пошагал дальше...

Пайковых продуктов нам более или менее, но хватало. Кроме того, мы научились готовить подобие жаркого из сердцевины репейника и суп из "пиканов" - зонтичного растения - при нужде «съедобного». Рыбы мы не ловили. В реке Чусовой, отравленной отходами Уткинского и Пышманского заводов, никакой живности в те годы не водилось: но этой же причине купаться и пить воду из нее было нельзя.

Жили мы дружно, никаких ссор между нами не было и я с теплотой вспоминаю о тех днях, проведенных в Уткинской партии и ее сотрудниках. В июле 1943 г. меня перевели в Койвинскую поисково-разведочную партию в пос. Промысла.

КОЙВИНСКАЯ ПАРТИЯ

Койвинская партия была, пожалуй, самой «старой» из числа поисково-разведочных партий экспедиции. С 1938 г. она проводила систематические геолого-геоморфологические исследования, поиски и разведку на алмазы в бассейне верхнего течения р. Койвы - на западных склонах Уральского хребта. Работами партии разведаны в с 1941 г. разрабатывались Промысловским прииском россыпи Крестовоздвиженская и Адольфов Луг, где в 1829 г. были найдены первые Уральские алмазы; разведаны россыпи Кладбищенская, русло речки Полуденки и другие.

В 1942 г. были найдены алмазы в верхнем течении р. Койвы на урочище «Медведка», Шалдинка, по речке Тискос и выделены участки для более детальных поисковых работ и опробования.

За прошедшие, с начала деятельности партии – 4,5 года, ее коллектив выполнил очень большую работу по геологическому изучению района и выяснению его алмазности. Ядро партии составляли ленинградцы, в недавнем прошлом, – сотрудники ВСЕГЕИ. Начальник – Самуил Андреевич Годован – опытный геолог и неплохой администратор, руководил работами с самого их начала; старший или главный ее геолог, Николай Павлович Кленовицкий – знающий специалист и очень скромный и глубоко порядочный человек – занимался геологическими вопросами; его жена Нина Рейнгольдовна Лийц – геолог – вела документацию разведочных выработок Крестовоздвиженской, Кладбищенской и других россыпей в районе пос. Промысла, а их воспитанница Верочка Жилко – трудилась коллектором (вскоре она сменила фамилию и стала Верой Казимировной Годован). Вторым коллектором работала Вера Якушева – местная промысловская жительница – выученица Нины Рейнгольдовны – толковая и симпатичная девушка. На участке Тискос – на восточных склонах Урала – начальником участка была Мария Исааковна Плотникова – энергичная и очень милая женщина и к тому же весьма толковый геолог, а старшим коллектором – Александра Петровна Минченкова.

В 1940-1942 гг. в Койвинской партии работали Иван Никифорович Герасимов и его жена – Наталья Викторовна Введенская. Их трудами были обнаружены алмазы на урочищах Медведке и Шалдинке. (Позднее в 1943 г. они работали уже в другой партии, южнее р. Чусовой). Из обогатителей следует упомянуть Николая Сергеевича Алимова, Веру Васильевну Румянцеву, а на участке Тискос – Валентина Ивановна Абрамова. Их трудами осуществлена организация обогатительных работ и качественное их проведение, обеспечившее оценку разведываемых месторождений. Механиком партии был Николай Андреевич Пелевин – скромный трудяга, который по-видимому, так и родился в своем старом, промасленном ватнике ...

В начале войны были призваны в армию прораб партии – Александр Иванович Минченков и геолог Григорий Абрамович Виллер..

Основное ядро партии размещалось в поселке Промысла, в 6 км от ж-д. станции Теплая гора, Горнозаводской линии ж.д. Своих домов партия не имела и все жилье, а также помещения конторы, склада, конного двора и др. – арендовывались у местных жителей. Те сотрудники, что прибыли до войны, устроились более или менее удовлетворительно, но приехавшие позднее – вынуждены были арендовать бани и другие, мало пригодные для обитания помещения. Для одиночек – таких как Пелевин, я и другие, а также приезжающее из экспедиции начальство, – снималось полдома у очень симпатичной старушки – Ирины Федоровны (фамилию не припомню), проявлявшей о нас, ее квартирантах, подлинную заботу. К 1943 году, сотрудники экспедиции обзавелись огородами и жили, если не в достатке, то более или менее сытно: хлеба хватало, картошка уродилась..., а о большем, в те трудные и голодные – военные годы – никто и не помышлял.

Жили Койвенцы дружно. Иногда устраивали в складчину, в доме Ирины Федоровны, вечера. Каждый участник вносил свой пай сахара (на бражку) и что возможно – по карточным талонам на совместный стол и закуску. Все было весьма скромно, но доставляло радость и способствовало товарищескому сближению сотрудников, в лучшем понимании этого слова.

Рабочими в Койвинской партии были местные – промысловские жители – бывшие старатели или их потомки, спецпоселенцы и присланные в 1940 г. на Урал поляки. Местные жители имели в поселке свои дома, огороды, держали коров, овец и поросят и жили в достатке. Работать они умели. Горные выработки, пройденные ими, не вызывали нареканий у самых придирчивых представителей гортехнадзора.

Мужчины работали забойщиками, а женщины воротовщицами – выкручивали добытую породу «на-гора». Работа трудная, не женская, но в годы войны женщинам приходилось трудиться на самых тяжелых (тяжких), вовсе не женских работах, заменяя мужчин. Не могу не перечислить лучших забойщиков того времени:

- это Илья Степанович Веселков, Василий Иванович Мозырин, Николай Павлович Селиванов, Михаил Захарович Галкин, Половников и другие. Из женщин - воротовщиц - Фаина Тарасова, Шура Ярославцева, Драничникова и другие. По возрасту многие из них были еще девчонки 17-18 лет.

Вторую группу рабочих составляли спецпоселенцы и их дети, те кого "раскулачивали" и ссылали на Урал в 1930- 1933 гг. Семьи их жили в "Спецпоселках" под «недреманным» комендантским надзором; а отцов семей и подростную трудоспособную женскую молодежь направляли на работы - кого в Леспромхозы, кого в геологические партии Уральской экспедиции. Мужская молодежь, достигшая призывного возраста, была мобилизована и сражалась в то время на фронтах Отечественной войны.

Причем, по словам тех же комендантов, их бывшие подопечные - воевали отлично, и те, кто остались в живых вернулись с орденами и медалями. Спецпоселенцы были большими тружениками, работали добросовестно, с полной отдачей, но жили они материально, куда хуже местных - промысловских рабочих. Им приходилось разрываться между работой по найму и домашним хозяйством, без которого, в те годы трудно было просуществовать. Из числа эти тружеников запомнились - забойщик Ларионов, воротовщицы Шалгина, Коханенко - в то время 17-18-ти летние девочки, Ярушникова с сыном, семейство Саитовых и многие другие.

Третью группу рабочих составляла поляки, что были доставлены в 1940 г. на "Коростелевки" и другие - мало уютные места. С началом войны их перевели "в жилуху", места более освоенные, где жить было полегче, но, поскольку никакого хозяйства у них не имелось, то существовать им было труднее нежели спецпоселенцам.

Замой 1942 г. на Средний Урал прислали узбеков, мобилизованных в трудармию и направленных на лесозаготовки. В геологические партии их не посылали и с ними я "познакомился" только при поездке на Шалдинку, где предполагалось возобновить новые работы, а пока, там размещался лесоучасток. Запомнился барак, в котором жили узбеки с двухъярусными койками, заправленными белыми простынями, по которым ползали крупные серые вши ... Работать вновь прибывшие не хотели, не умели, работали очень плохо и в скорости этот участок был закрыт...

На особом положении находились старатели, разрабатывавшие, разведанные Койвинской партией Крестовоздвиженскую россыпь и «Адольфов Лог». Артель подчинялась Промысловскому прииску, сдавала ему все добытые алмазы по цене 45 коп. за мг (90 руб. за карат = 200 мг) в оплату «золото-бонами», отовариваемыми мукой, крупой, сахаром и прочими драгоценными в те времена продуктами, и все за бесценок. При реализации этих «богатств» по рыночным ценам, каждый золото-боновый рубль вырастал по меньшей мере в 300 раз! Старатели жили в полном достатке, на нас смотрели, как на людей второго сорта и продавали нам табак по 50 руб. за пачку.

Летом 1943 г. они вели разработку Крестовоздвиженской россыпи, все алмазы которой, что хранились в ее недрах, уместились бы в поллитровой бутылке. Но, даже и такие нищенские запасы в те годы, как видится, было целесообразно использовать!

Отработка карьера, заложенного на месте разрушенной церкви и кладбища, велась с помощью мониторов. Алмазосодержащие «пески» (глинистые галечники), залегающие здесь на глубине 5-7 метров от поверхности, а верхнюю часть разреза слагали суглинки и глины - (по старательски «торфа» или пустая порода).

В верхней части этих отложений в отвесной стенке карьера, торчали почерневшие, но еще не сгнившие торцы гробов. Тугая струя воды подрубала галечники в самом их основании и обрушивала огромные глыбы породы со всей их «начинкой». Вторым монитором порода размывалась. Глинистый раствор (пульпа), содержащая гальку, песок и полезные компоненты, поступала по трубам на фабрику для последующей обработки (обогащения) и извлечения алмазов и золота, а в карьере оставались черные доски и кости предков. Останки отцов - "благодарные потомки" куда-то убирали, а доски сжигали на месте. Много лет минуло с тех пор, но не могу забыть эту яму и торчащие из отвесной стены

карьера почерневшие гробы - оскверненные потомками, последнее прибежище их предков...

В 1943 г. помимо Промыслов, алмазы добывали на Тырыме и в районе Кусьи. Но добывалось их очень мало, а потребность в них все увеличивалась. И тогда приисковое управление, размещавшееся в Кусье-Александровское (там же, где и экспедиция), объявило о приеме "вольноприносительских" камней и под эту марку - ограненных алмазов т.е. бриллиантов. Те, у кого сохранились родительские или дедовские колечки и броши с камнями, воспрянули духом и смогли улучшить питание. Что касается "приносительства", то оно свелось к хищению алмазов, что особенно опасно при разведке месторождений, результаты которой из-за воровства могут быть сведены «на нет».

Принимая решение о поступлении алмазов от граждан, приисковое управление, по-видимому, предполагало, что алмазы могут быть обнаруживаемы особо - "глазастыми" людьми на площадях, где велись разведочные или добычные работы и откуда вся вынутая порода вывезена. Алмазы, по их мнению, могли затеряться в пустой породе и после дождей "блеснуть" и попасться на глаза. В теории такие находки возможны, но практикой подобные предположения что-то не подтвердились. Алмазы чаще всего "обнаруживали" люди с никудышным зрением, но в той или иной степени связанные с лицами, работавшими на рентгеноустановках, завершающих стадию обогащения... И когда, спустя несколько лет, алмазное и прочее старательство было прикрито, - разведчики- недр облегченно вздохнули.

В начале осени, ночью, с пастбищ, у нас угнали трех коней. Что это дело рук старателей (разумеется не местных), а с Косьи, Качканара или других приисков - было очевидно. Кони им нужны для подвозки "песков", купить их не так-то просто, а украсть - не представлялось особого труда у охранявшего их четырнадцатилетнего пастушонка. Мы предположили, что угнали лошадей куда-то на Косьинские прииски, где по глухим логам трудились старатели, а некоторым из них помогали скрывающиеся от закона разные "личности" и в том числе дезертиры.

Сотрудничество между старателем и "личностями" начиналось, обычно с того, что к работающим где либо в укромном месте людям выходил из леса, обросший бородой, зачастую вооруженный, гражданин и предлагал приобрести платину на сходных условиях: за сданный металл он получал продукты, либо полностью, либо в какой-то доле принятого отоваривания, а вступивший с ним в сговор старатель с его помощью перевыполнял план сдачи и получал за весь металл полуторную цену и, кроме того, имел выторгованную им долю. Такие договоренности выполнялись неукоснительно, а их нарушение или обман со стороны старателя могли закончиться трагически.

На поиски пропажи решено было послать меня и на следующие утро, захватив «на всякий случай» ружье, нож и топор, вместе с пастушонком мы отправились и путь. На Косьинском прииске разыскали милицееское начальство в чине младшего лейтенанта и приступили в объезде старателей. К вечеру, когда исколесили не мало троп и дорог, уполномоченный посоветовал: «Езжай-ка обратно и с конями простись. Хуже будет, если их найдешь, тогда тебя обязательно убьют и так запрячут, что и я не отыщу... Позднее узналось, что лошадей угнали на прииск "Валериановский", куда в одиночку лучше было не соваться. Пропажу списали актом и на том все покончили.

МЕДВЕДКА

В октябре 1943 г. было получено указание экспедиции о проведении в 1944 г. поисково-ревизионных работ на Медведкинской россыпи, где отрядом М.Н. Герасимова и Н.В. Введенской в 1942 г. были обнаружены алмазы. Медведкинская россыпь расположена на правом берегу р. Койвы, в верхнем ее течении, на пологом, местами заболоченном склоне долины, ширина которой, на данном участке достигает 2-2,5 км. Россыпь сложена галечниками, залегающими на цоколе I, II, III, и IV террас р. Койвы,

перекрытыми делювиальными суглинками и глинами, мощностью от 2-3 до 8-10 метров. Цоколем (плотиком) россыпи служат известняки и доломиты, местами разрушенные и превратившиеся в темно-бурые глины. Левый берег р. Койвы высокий, сложен рассланцованными филлитовидными породами, на поверхности которых галечных образований не сохранилось.

Здесь, на левом берегу, стоят два барака, несколько домиков, баня и конный двор, принадлежащие Теплогорскому леспромхозу, проводившему в конце 30-х годов лесозаготовки на Медведкинском участке. Тут же стоит кордон лесничества - дом под железной крышей, с надворными постройками, в котором живет лесник Бусарев с семьей. Свое название поселок и прилежащий участок получили по имени речки Медведка, впадающей в р. Койву справа, в 2-3-х км выше поселка. С поселком Промысла Медведку связывает дорога, построенная задолго до «Великой Октябрьской Социалистической Революции» и выходящая на шоссе Косья-Промысла - Теплая гора. Общая длина пути (до Промыслов) 24 км. В 5 км от Медведки расположен поселок из 5-6 домов - Кордон «Комаров Лог». Здесь живут лесники. К северу, в 6 км от Медведки стоит большой поселок Леспромхоза, Тюшевский, построенный в тридцатые годы спецпоселенцами. В начале 1944 г. в ней жило всего 3 семьи. Дорога идет еще дальше на север - к лесным кордонам на р. Усьве. Последнее жилье на р. Койве - кордон «Усть-Койва», где проживает один лесник.

В долине р. Койвы издавна велись заготовки дров на углежжение для Теплогорского металлургического завода. Вся эта территория разбита на кварталы. Лесоустройство здесь проводилось давно, и многие просеки успели сильно зарости молодым лесом. Кое где, на полянах - (расчищенных старых вырубках) сохранились бараки лесорубов, с большими чугунными печами, изготовлявшимися на уральских заводах еще в прошлом веке. По рассказам старожилов работы велись следующим образом: заготавливались дрова длиной 1,25 м, которые складывались в поленницы и 2 года сохли в лесосеках. Потом их вывозили на берег Койвы и по весенней воде сплавляли «модем» до Теплой горы. После выгрузки дрова сохли на берегу еще около двух лет и лишь тогда поступали на углежжение, а полученный древесный уголь шел на выплавку высокосортного чугуна. По-видимому, такие заготовки велись с давних пор, подтверждением чему служили многочисленные находки полененных дров на глубине 1-1,5 м от поверхности при проходке выработок в пойме р. Койвы.

Поселок пустовал уже несколько лет. «Охраняла» его семья С.М. Марасова, находившегося в действующей армии. Теплогорский леспромхоз разрешил нам поселок занимать. Подновили один из барачков, поправили печи, окна, двери. В феврале 1944 года «Медведкинский» отряд приступил к работам.

КОРДОН МЕДВЕДКА 8 марта 1944 г.

Для начала была подобрана группа из 19 человек, наиболее надежных, на кого можно было положиться. Завхозом, конюхом, плотником и шорником назначили Алексея Макаровича Порозова - очень толкового, хозяйственного и инициативного товарища из спецпоселенцев. Забойщики - они же креподелы, а при нужде - плотники и на все руки

мастера - были местные, промысловские: Веселков, Мозырин, Селиванов, Галкин и Половников. Воротовщицами были женщины - Фаина Тарасова, Шура Ярославцева, Д.М. Шалгина, Коханенко, Дранишникова и Бражкина-все молодежь, но народ работающий и безотказный, а также двое мужчин - Стасюк и Луферов, оба спецпоселенцы. Коновозчиками была вовсе "зеленая" молодежь в возрасте до 17 лет - Лиза Спехова, Вася Зорин, Лина Ярославцева и Коля Бражкин. Коллектором и нормировщиком отряда поехала Вера Якушева, а начальником и геологом Медведкинского отряда назначили пишущего эти строки. Обслуживающим персоналом: уборщицей, поваром и пекарем - послали Шуру Гущину-Ярославцеву.

Отряду выделили 4-х наиболее надежных коней – «Джона», Беглого, Саврасого и Воронка. На дорогу дали немного сена, а на "первый случай" малость овса и мы тронулись в путь. Люди шли пешком, а кони везли горный инструмент и всякий скарб. Добрались за 6 часов, затопили печи, обогрелись, устроились, выпалились и с утра приступили к подготовке и работам. Геолог с коллектором отправились наметать разведочные линии и горные выработки (шурфы); забойщики - заготавливать крепь; воротовщицы пошли рубить лес на дрова и расчищать площадку под "рудный двор", а Порозов с коновозчиками отправились пробивать дорогу к санным "зародам" в 29 -й квартал, где у Койвинской партии было заготовлено сено. Заметим, что снежный покров в тот год на западных склонах Урала достигал 1,2-1,4 метра и проложить в нем дороги было вовсе не просто. А затем наступили "геологические будни": проходка горных выработок - шурфов с рассечками, вывозка "песков" и прочее и т.п...

Продовольственные карточки отоваривались Алмазпродснабом (быв. Золотопродснаб) в Промыслах, куда мы раз в неделю должны были посылать кого-либо из коновозчиков. Ему же поручалось привозить "дополнительное питание" Промысловским рабочим. Первая поездка прошла благополучно, но в следующий раз посланец привез только хлеб и записку начальника партии, сообщившего, что Алмазпродснаб снял по непонятным причинам, всю Койвинскую партию со снабжения, что удалось в леспромхозе достать только хлеб, соответствующие меры принимаются, но что будет дальше - пока неизвестно, а пока нужно как-то продержаться.

Для отряда - снятие со снабжения было равносильно катастрофе и чтобы как-то прокормить людей было решено организовать котловое питание и добывать продукты любыми дозволенными и мало-дозволенными путями. Самооправдание тут же нашлось: люди работают и хотят есть, кормить их надо, а ведомственные несогласия их желудков не должны касаться...

Организацию самоснабжения возложили на А.М. Порозова. Нужно, к примеру, жителю пос. Тюшевский доставить в Промысла 4 мешка картошки, отряд принимает заказ, но за доставку берет на котлопункт один мешок. Нужно охотнику - Леньке Кусову вывезти из леса убитого им лося - вывозим, но четвертую часть - забираем себе и т.д. С .А. Годован разрешил смолоть на ручных жерновах полученный для коней овес. Овес смолотли, получили крупу и несколько дней варили каши, а шелуху замочили и сделали овсяный кисель. Вот так и кормились. По вечерам собирались втроем - я, Порозов и повар Гущина и ломали головы – как и чем накормить людей. Велся самый строгий учет добытого продовольствия и его расходования. Но добывать продукты становилось все труднее и тогда мы надумали заключить договор о «производственной взаимопомощи» с промысловской старательской артелью.

На правом берегу Койвы, в районе наших горных выработок имелись старательские сенокосы и стояли зароды сена. Каждую неделю нам приходилось ездить в Промысла за оборудованием для горных работ и летнего обогащения, различными материалами, хлебом и т.д. Чтобы избежать "пустых" ездов - предложили артельщикам - "мы вам доставляем из Медведки ваше сено, а вы нам за труд будете платить бонами с полным их отовариванием". За первый рейс артель немедленно расплатилась, что нас "окрылило" на дальнейшие "подвиги". 3 или 4 рейса мы совершили под клятвенные обещания..."да разве

мы обманем"... а после последней поездки, когда мы потребовали погасить задолженность - артель заявила, что платить продуктами отказывается, а готова рассчитать нас "совзнаками" по государственным расценкам. Это было "нарушением конвенции" и явным обманом. Тогда было единогласно и единодушно решено - нарушителей наказать и в возмещение наших трудов вывезти их сено на наш конный двор. Сказано- сделано: сено увезли и стали ожидать развязки. Вскоре повалил снег, дороги перемело и скрыло все следы. Прошла неделя - другая и как-то вечером, мимо нашего барака, на правый берег Койвы проследовало с десятков подвод... Наш отряд был "приведен в боевую готовность" и приготовился к встрече. Диалог проходил в таком примерно духе...

- "Где наше сено?" - "Вам лучше знать, а мы Вам не сторожа"...

- "Вы увезли наше сено?" - Вы что, совсем обалдели! У нас в 29-м квартале своего хватает, впору его вывезти, а с вами, после того, как вы нас обманули, мы никаких дел не имеем и не желаем иметь!..." Тут в "собеседование" вмешивается один из наших рабочих -

- "А мы-то думаем, что перед снегопадом вы за сеном приезжали, подвод 12 было. Спрашивать не стали, какое наше дело..."

В общем покричали, пошумели, поматерились и с тем разъехались. Сказать, что «добродетель (наша) восторжествовала» язык не поворачивается, но "порок был наказан", что всех нас утешило. Кони получили "дополнительный паек", что также было очень кстати, ибо незадолго перед этими событиями отряд получил пополнение из "доходяг"- дистрофиков, которых следовало спасать от голодной гибели.

А случилось вот что: Койвинская партия не получила запланированного фондового сена, и оказалось, что кормить лошадей нечем. Кони отощали и, чтобы уберечь их от падежа всех дистрофиков передали Медведкинскому отряду, у которого в лесосеках было сено. Часть лошадей самостоятельно осилила весь путь, а двух "доходяг" пришлось везти на санях. По счастью, все обошлось благополучно. Ни одна лошадь не издохла и некоторых из них, после того как они пооткормились, можно было использовать на легких работах.

С продовольственным снабжением дело также наладилось. Сперва "кормил" ОРС леспромхоза, а позднее все вернулось к Алмазпродснабу, который больше никаких "фокусов не вытворял".

Месяц спустя на Медведке работало уже более 30 человек. Пришли 3 забойщика - Ларионов и еще двое (фамилий их не помню), слесарь-механик и мастер на все руки Антон Иосифович Прохоров - мрачноватый, но очень толковый и знающий механик, Ярушников с 12-ти летним сынишкой, семья Саитовых и другие. В подавляющем большинстве - все «спецпоселенцы». Пришлось организовать на месте выпечку хлеба, т.к. с наступлением весны возить хлеб было бы невозможно. Муку отпустил ОРС леспромхоза, а пекарем стала Шура Гущина.

Хоть снабжение по карточкам кое-как наладилось, но прожить на пайке, работая на тяжелых горных работах или в лесу, можно было лишь впроголодь, особенно трудно было тем, кто не имел домашнего подспорья, а таких было большинство... И тогда пришла идея организовать нечто вроде поощрительного питания для тех, кто выполняет и перевыполняет нормы. Разработаны нормативы по которым выполнивший дневную норму получал порцию каши - "затирухи" из 20 г ржаной муки, от 101 до 130%

- 2 каши, от 130% и выше - 3 порции т.е. 60 г муки по исходному "затируха" готовилась так: мука заваривалась крутым кипятком, размешивалась - (затиралась), подсаливалась. Получалось нечто среднее между клейстером и густой замазкой. Теперь такое блюдо вряд ли кто бы стал есть, но в то военное - голодное время оно казалось вкусным и являлось «палочкой-выручалочкой». По утрам перед работой люди «заправлялись», а возвращаясь готовили обед из пайковых продуктов.

Но где взять главный исходный продукт - муку? И тут я принял вполне неразумное решение использовать разницу между припеком при выпечке подового хлеба, дающего небольшой припек, и формового - для которого норма припека значительно выше. ОРСу

леспромхоза сообщили, что в нашей непригодной печке можно выпекать только подовый хлеб, а в действительности выпекали формовой и так называемая экономия - поступала на "затирухи". Но сэкономленной "припечной" муки не хватало т.к. кормить приходилось всех, в том числе и слабых (а может быть - слабых то и следовало кормить в первую очередь?) Пришлось залезть в фондовую муку... Пекарь предупредила о неизбежности растраты, но я не "внял голосу разума" и распорядился "продолжать..." Через три месяца приехала ревизия и установила факт растраты хлебного карточного фонда, что грозило очень серьезными неприятностями. Пекарь была не виновна. Распоряжение, пусть устное, пусть без свидетелей, дал начальник, за что ему и следовало отвечать. По счастью, мы вели точнейший учет, отмечая каждый день кто сколько «затирух» получил и сколько муки каждый день тратилось. Цифры съеденного и растраты совпадали, не было только муки ... Началось следствие. Виновника вызывали в разные учреждения, но, в конце концов "помиловали", удержав 800 рублей.

Оглядываясь назад, и вспоминая те очень трудные месяцы, могу с удовлетворением отметить, что на Медведке, хоть и было порой весьма туго, никто с голода не опухал и не умер (что, к сожалению, случалось в других, более мощных и благополучных партиях и отрядах). За эти месяцы помимо пайков и "затирух" отряд "съел" 2-х лошадей из числа присланных нам "доходяг" - мерина по кличке Христофор, околевшего, как мне представляется, по причине гельминтоза (зараженность личинками овода) и жеребца "Быстрого", утонувшего в старице р. Койвы в мае 1944 г. на глазах у охранявшего коней Стасюка. То, что лошади погибли своей смертью - не явилось препятствием для использования их мяса в пищу. Каждый получил свою долю и был очень тому рад.

По весне все занялись огородничеством: вскопали целину, посадили картошку и еще кое-какие овощи, сумели уберечь свои посадки от весенних заморозков и хоть немного, но все же обеспечили себе более сытное существование. К середине 1944 г. улучшилось и снабжение по карточкам, появились дополнительные "стахановские" талоны на продукты питания. Стало жить полегче. Главное, что придавало силы и окрыляло, это то, что на фронтах Великой Отечественной войны Советская Армия гнала немцев. Близилась Победа, которую ждали, в которую верили даже тогда, когда казалось, всякая надежда иссякла.

х х х

На Медведке все горные выработки проходились, как и положено, до "плотика" т.е. до подстилающих галечники плотных горных пород. Шурфы крепились сверху донизу и "развандручивались", а по «пескам» задавались «рассечки» - горизонтальные горные выработки (штреки), из которых набирались "представительные" пробы, каждая объемом 50 м³, т.е. пробы достаточные по своему объему для улавливания одного зерна алмаза. Порода из расщелин выбиралась полностью, до плотика, но "задирка плотика" т.е. зачистка всех его неровностей и выемка верхней, разрушенной поверхности известняков, не велась, т.к. эти отложения считались "пустыми". Чтобы убедиться так это или не так, решили посмотреть, что же представляют собой самые "низы". С этой целью из расщелин в двух соседних выработках «наскребли» - из одной 1,5 м³, а из другой около 1 м³ разрушенных известняков и глины с единичной, вымытой в породу галькой. А когда летом 1944 г. обогатили добытые за зиму пробы, то оказалось, что все 50-ти кубометровые пробы были пустыми, а пробы "задинок" дали алмазы. В первой нашли отличный кристалл "чистой воды" - весом 89 мг, во второй - осколок алмаза на 40 мг. Опыт этот был учтен и в последующие годы "задирка" осуществлялась во всех выработках и материал из "низов" давал наилучшие результаты.

В конце зимы на Медведку притянули 25-ти сильный локомотив, а весной из Промыслов приехала, назначенная инженером-обогатителем Медведкинского участка Вера Васильевна Румянцева, которая занялась проектированием и строительством обогатительной установки (громко именуемой «фабрикой») и в дальнейшем, в течение 5 лет руководила обогатительными работами на Медведке.

От налаженности и качества обогащения зависит судьба разведки месторождений, в особенности бедных по содержанию полезного ископаемого, таких, как Медведка. Здесь на многие кубометры "песков" приходится одно маленькое алмазное зернышко и чтобы найти и извлечь его нужно приложить много труда и умения. Можно, без преувеличения сказать, что с обогатителем Медведкинской россыпи явно повезло: проект был составлен «на отлично» и к началу обогащения фабрика построена, отлажена и вступила в установленный срок в число действующих предприятий.

Строить было нелегко, т.к. во всем, за что ни возьмись - от гвоздя до листа железа и инструмента - ощущался недостаток, тес пилили вручную старик Берестень и Луферов. Здание строили своими силами Порозов, Стасюк и с ними 2 или 3 забойщика, а монтажом занимался А.И. Прохоров с выделенными ему в помощь 16-17-ти летними мальчишками Пищальниковым, Никитиным и другими.

Пришлось инженеру-обогастителю обучать своих будущих помощников: мастеров Адамовича Юрия Петровича, Марусю Шалимову, Таню Никитину и др. Следует отметить, что качество обогащения медведкинских песков оценивалось экспедицией весьма высоко.

Во время постройки фабрики произошел такой случай. В конце апреля 2 коновозчика 17-ти летний Мальцев и 16-ти летний Быков вывозили на фабрику лес и наткнулись на волка. Первым увидел его Малышев, испугался и погнал лошадь обратно на стройку - за подмогой. Младший коновозчик - Быков поспешил в лесосеку и увидел сидящего у дерева зверя. Волк не пытался уйти и лишь скалил зубы на человека. Быков вырубил «стяжок» (дубину) и несколькими ударами убил волка. Когда сняли шкуру, то на крестце увидели свежий кровоподтек, след удара, нанесенного

Медведкинская россыпь. Промывка алмазосодержащих «песков» вручную - на ваяхгерде. Берег р. Койвы, июнь 1944 г.

лесом. По-видимому, волчья стая напала на сохатого, оказавшего сопротивление и один из нападавших получил сильнейший удар ногой. Он тотчас покинул стаю (чтобы не быть съеденным своими же собратьями) и пустился наутек. Всю ночь волк бродил вокруг нашего поселка, видимо пытался поймать собаку, но безуспешно... Ослабев, он добрался до лесосеки и далее идти уже не мог.

х х х

В феврале или марте 1944 г. М.Ф. Шестопалов ушел из экспедиции во вновь организованное управление «Уралалмаз».

Начальником Уральской Алмазной экспедиции назначили Самуила Андреевича Годована, а начальником Койвинской партии стал Николай Павлович Кленовицкий. Осенью, когда обогащение всех добытых проб завершилось, настало время составления отчета по выполненным работам. Отчет был написан на месте и доставлен главному геологу экспедиции А.П. Бурову на просмотр и утверждение. Справедливости ради следует сказать, что написан он был плохо и... , поворчав немного, Александр Петрович переделал его полностью. Черновик с его правками хранится у меня в памяти в назидание, как не следует и как надо писать геологические отчеты.

В личной жизни в 1944 г. произошли существенные изменения: начальник и инженер-обогаститель Медведкинского отряда соединили свои судьбы. В начале зимы мы выехали в отпуск в Москву. Вера Васильевна осталась там в ожидании прибавления семейства, а

пишущий эти строки возвратился к исполнению своих обязанностей на участок. Работа на россыпи были продолжены. Их объем значительно возрос и приходилось усиленно трудиться. По всему было видно, что близится победный конец войны. Это придавало силы.

Письмо Скульского В.Д. из Промыслов Румянцевой В.В. в Москву от 08.08.1945 г.

«Милая, дорогая Верочка!

Более полутора месяцев я не имею о тебе никаких вестей. Последнее письмо было от Зинаиды Ипполитовны с сообщением о рождении дочки (кстати, о том, что у меня есть дочь я узнал после всех Промыслов, т.к. письмо было распечатано и стало всеобщим достоянием). Напиши ты мне, как ее здоровье, как ее зовут, какая она. Напиши о себе, ведь я ровно ничего не знаю.

Ты-то как себя чувствуешь, оправилась ли после родов? Вера, пойми, что я беспокоюсь о тебе, и не имея никаких вестей не знаю, что думать.

Я написал Волосюку о поездке в Москву и получил вчера из экспедиции письмо, что для разрешения выезда требуется анкета, всякая прочая мура для оформления пропуска. Все это посылаю в экспедицию для оформления. По-видимому, числа 20 августа я сумею явиться к тебе. Для тебя я приготовил около 15 банок (по 570г) колбасных консервов и еще кое-чего. Привезу денег. Я перевел через Абрамова тебе 1000. Этого слишком мало (правда, я не получил еще майской зарплаты), но я не могу попасть в Промысла, чтобы сделать тебе настоящий перевод. Поэтому деньги привезу с собой.

Внес деньги на квартиру в Ленинграде на 3-х. По приезде обсудим, где будем жить – в Москве или Ленинграде, или еще что-либо придумаем.

Официальный начальник фабрики Абрамов, но этот с/с предпочитает пребывание в Промыслах – пребыванию на участке. Здесь и без него обойдутся – меня это более чем возмущает.

Ширинкин волынит. Уже месяц как он «болен» - повредил ногу, в спешном порядке умирал, а теперь смылся с участка совсем – на предмет лечения. Пользы от него, кроме вреда, никакой, а неприятностей воз. Кухаря посадили на 2 года за растрату. Жаль парня, а в общем этого следовало ожидать.

От Орловского руководства «лицо покрывается мраком» - ничего хорошего нет. Распоряжения одно другого лучше. Например: 1. Мне было категорически запрещено косить, по той причине, что Промысла должны поставить сено себе и мне, а я при своем малолетстве должен только заниматься прямым производством.

Сейчас, на 9.08. в Промыслах поставлено всего 3 т, следовательно, прославленная бригада явится ко мне не ранее половины ноября – понимай сама, что это значит.

Я, предполагая, что ничего путного от начальства ждать нельзя, начал косить самостийно. Ободрал людей отовсюду, наскреб постоянную бригаду в 5 человек и уже поставил 5 или 6 т. За то, что я осмелился косить, а идиотского приказа не послушался, мне была дана очень резкая нахлобучка. На которую я, правду говоря, не обратил даже особого внимания, рассуждая, что работаю я не для Орлова, а для своей страны и выполнять обязан только то, что не вредит делу.

Во всяком случае план июля нами выполнен на 136-140% (разумеется благодарности за это не получил – только выговор за сенокос).

2.Машиниста во 2-ю смену нет. Обучили и поставили Луферова, работают теперь 2 смены и все идет, с Божией помощью, нормально. Неожиданно получил распоряжение. Луферова, как используемого не по специальности, послать в забой или передать в Промысла.

Помятуя, кто писал, я это распоряжение, разумеется, не выполнил и работу фабрики не остановил.

3.Мне было запрещено давать овес лошадям, подвозящим пески на эстакаду – причину и объяснение ее я что-то не уразумел и т.д.

Во всяком случае будущее не столько покрыто мраком неизвестности, сколько мраком, точнее черной краской окрашены перспективы.

В общем положение рисуется в следующем.

а) Зимние работы будут сорваны из-за бескормицы, которая наступит не позднее ноября в Промыслах и декабря на Медведке.

б) Лошади, не будучи закармлины с лета, к зиме, без овса и сена совсем протянут ноги, а тогда вывозка песков, дров и прочие работы встанут.

Пожалуй на этом хватит, скажу только, что положение участка и партии, внушает опасения.

В настоящее время фабрика работает в 2 смены, причем как только промывка пробы заканчивается, весь зернистый обогащается, чтобы избежать минимум потерь при переносках и хранении на улице. Все концентраты пересушены и к просмотру готовы. Производится вывозка песков с 19 линии, на 15 осталась часть 94-го шурфа, а все прочее, за исключением прошлогодней пробойки, вывезено.

Подобран весь зернистый, оставшийся с прошлых лет и складирован у фабрики, причем подобран с задиркой почвенного слоя.

Пески возят таратайками, прямо по болоту, на эстакаду и обеспечивают работу монитора в 2 смены, это выгоднее чем тратить время на узкоколейку. На мониторе работает по 4 человека, пятые заняты на покосе. Контрабандой, тайком от начальства кошу, чтобы, хоть на первое время обеспечить себя сеном, чтобы закончить хотя бы вывозку и обогащение того, что добыто. А добыто не мало, более 1600 м³ (С Гераковскими).

Картошки в этом году у нас будет вполне достаточно, значит жить можно будет (но лучше бы нам жить в Москве).

Дамка выросла и нашему поколению будет с кем играть. Николай Павлович живет со мной и шлет тебе привет.

Верушка, ты мне пиши хоть немного. Между прочим, оказывается (узнал об этом 20 мин. назад), что денег тебе не перевели, такое хамство. Я передал (только что), чтобы тебе переслали не 1000, а 2000.

Крепко, крепко тебя и дочку целую. Привет З.И. Твой В.Скульский.»

В бараке бывшие хозяева участка оставили телефонный аппарат. Пользоваться им было нельзя, но с его помощью прослушивалась трансляция последних известий и мы были в курсе событий, несмотря на то, что газеты доходили к нам от случая к случаю. Помнится, что 9 мая я снял трубку я вдруг услышал **П О Б Е Д А!** Через 5 минут об этом знали все. Трудно передать сколько было радости. Учинили в складчину торжественный обед.

И хоть вместо браги пришлось ограничиться скороспелым квасом, но им чокались и кричали ура!..

Горные работы в 1945 г. прошли более успешно, нежели работы 1944 г. Добытые пробы в большинстве своем были вывезены к фабрике и с наступлением тепла должны были начаться их промывка и обогащение. На Медведке побывал А.Д. Буров. Александр Петрович обошел все разведочные линии и выработки и дал задание, что в как нужно делать. Когда начались промывочные работы из Куся приехал старший инженер-обогачитель экспедиции Н.С. Алимов для проверки качества работ и остался ими доволен. Летом на Медведку приезжали Н.П. Кленовицкий и М.И. Плотникова. Каждый из них чем смог- помогал в решении геологических вопросов и производственных задач.

По окончании войны многие москвичи и ленинградцы стали возвращаться домой. Уехали и Н.П. Кленовицкий с Н.Р. Лейц. Начальником Койвинской партии назначили Константина Осиповича Орлова, бывшего до этого секретарем парткома экспедиции. В геологии, поисках и разведке новый начальник был, мягко выражаясь, не силен, также как

в хозяйственной и административной областях. Старшим геологом назначили Нину Александровну - урожденную Иванову - также не слишком опытного специалиста.

К тому времени выявилась возможность организовать работы так, чтобы подсчитать первые запасы в пределах маленького участка (полигона), обещавшего быть «интересным». Начальник был поставлен в известность, но... случилось непредвиденное... На разведываемой нами площади от лесозаготовителей сохранилась деревянная узкоколейка и к ней тележка на деревянных колесах, с помощью которой подвозились к реке дрова. Узкоколейка подходила вплотную к одной выработке, вокруг которой лежали 3 «погоризонтные» пробы, общим объемом 150 м³. Орлов загорелся идеей использовать лесовозную дорогу и тележку и распорядился вывозить в первую очередь то, что лежит вблизи дороги. Доводам, что эти пробы расположены за пределами полигона - перспективной, но нашему мнению, площади, а их следует вывозить и обогащать во вторую очередь - он не внял и потребовал, чтобы его распоряжение выполнялось. Чтобы выполнить задуманный подсчет пришлось пойти на обман начальства. Мы продолжали форсировать вывозку нужных нам проб, но, лишь только вдали, на склоне горы появлялся принадлежащий Койвинской партии «Форд» с начальником и его помощницей старшим геологом, все коновозчики скрывались в лесу, а одна из них - Шура Лесниченко выпрягала своего коня - здорового, но ленивого и флегматичного мерина, впрягала его в тележку и полегоньку тянула ее от шурфа в направлении фабрики. Начальство убеждалось, что его приказ выполняется и скоренько отбывало, а Шура со своим Саврасым и остальные - продолжали свое дело. За все лето тележка так и не доехала до фабрики... Зато нам удалось вывезти и обогатить намеченные пробы и подсчитать первые запасы, в начале очень маленькие, но определившие дальнейшее направление работ и судьбу россыпи.

Осенью меня вызвали в Кусью для написания очередного промежуточного отчета, дополненного подсчетом запасов, а затем я уехал в отпуск и вернулся на Медведку только в феврале 1946 г. Орлова и его окружения в Промыслах уже не было.

Начальником стал некто Шафранов - не имевший к геологии никакого отношения, в прошлом сержант, неплохой человек и большой любитель выпить. Вернулся из армии Г.А. Виллер. В начале он занялся поисками в районе поселка Комаров Лог, на южном продолжении Медведкинской россыпи, а вскоре его назначили техруком Койвинской партии. Свое вступление в должность он ознаменовал тем, что срезал мне зарплату на 100 рублей. Вскоре зарплата была восстановлена, но наши отношения были основательно испорчены.

В 1946 г. стало очевидным, что Медведкинская россыпь является пожалуй наиболее богатым месторождением из известных на Среднем Урале и заслуживает самого серьезного к себе отношения и внимания. Разведочные работы были нацелены на подсчет запасов, начата топографическая съемка в масштабе 1:2 000, руководителем и исполнителем которой стал Г.Г. Иотко, толковый топограф и хороший охотник и товарищ. На Медведку прислали более 20 человек - женщин с детьми, юношей, девушек и стариков, из числа так называемых "оуновцев" и «бендеровцев» - жителей Западной Украины, репрессированных "за связь с националистами", а может просто оговоренных по злобе соседями, что в те годы было не редкостью. Прислали несколько горняков, в том числе забойщика по фамилии Корнев из числа попавших в плен солдат, отправленных, по возвращении из плена отработать 5 лет в места «не столь отдаленные». Осенью я отправился в экспедицию писать отчет с подсчетом запасов, для последующей его защиты в ВКЗ (Всесоюзной комиссии по запасам), а начальником Медведки назначили Валентина Ивановича Абрамова.

Поездка в Кусью была последней потому, что 7 сентября 1946 г. Совет Министров СССР принял Постановление (№ 1978-832) реорганизовать Уральскую алмазную экспедицию (УАЭ) в 3-е Геологическое управление по разведке месторождений алмазов с местопребыванием в г. Ленинграде. Начальником его стал Вениамин Семенович

Красулин, главным инженером Адриан Дмитриевич Ишков, а главным геологом Александр Петрович Буров. Заком по общим и хозяйственным вопросам назначили Евгения Петровича Орлова. Тогда же было создано Красноярское отделение 3-го Г.У. начальником которого утвердили Алборова, а позднее его сменил Корулин.

На базе Койвинской партии организовали экспедицию № I, вскоре переименованную в Петровскую, в пос. Пашия — Владимирскую экспедицию. Названия других экспедиций, созданных на базе геологических партий, не могу припомнить. Медведкинский отряд реорганизовали в партию № I экспедиции № I. Начальником назначили К.А. Жесткова, а техруком утвердили меня. Ко времени реорганизации (апрель-май 1947 г.) в партии насчитывалось около 100 человек. В первых числах августа 1947 г. Жестков и приехавшие с ним Гришин, назначенный начальником Медведкинского участка, Окаткин - прораб и начальник Комаровского участка вместе с семьями покинули экспедицию и начальником партии № 1 утвердили Скульского.

Ранее, не поладив с новым начальством, покинули Медведку Антон Иосифович Прохоров и Алексей Макарович Порозов, а до этого, в начале 1947 г. ушли в Промысла старые забойщики — Веселков, Мазырин, Галкин, Селиванов и Половников. Ушел также десятник Ясниченко, а если быть правдивым, то выжил его Бусаревский козел. (Получилось, примерно, повторение злостных деяний деда Щукаря в «Поднятой целине»). Ясниченко пришел к нам после армии. Парень работающий, толковый, но в результате полученной контузии обладающий очень слабым зрением. Лесник Бусарев держал несколько коз, а к ним козла - озорную тварь, готовую на всякие пакости. Козел почему-то избрал Ясниченко для своих хулиганств и буквально издевался над ним. Достаточно было десятнику сойти с крыльца, как козел, находящийся где-то поблизости, подбирался к нему и бил рогами в зад. Тот падал, козел ждал, когда жертва встанет, чтобы повторить удар, после чего удалялся довольный. Отучить хулигана было бы просто — следовало ухватить его за рога и обычной плеткой или хорошим прутом, что «тело не калечит, а от дури лечит» проучить так, чтобы до конца жизни запомнилось. Но Ясниченко этого не сделал, а животное, оставаясь безнаказанным, день ото дня наглело...

Довелось стать очевидцем такой сцены. Раннее утро. Ясниченко выходит из барака для совершения утреннего туалета и прежде чем спуститься вниз начинает кричать: -"фу, фу, уйди", полагая, что так он прогонит своего врага. Козел спал с другой стороны барака. Услышав голос «друга», проснулся и осторожно, крадучись и прижимаясь к стене направился к жертве. Ясниченко поверив, что врага поблизости нет, спустился с крыльца и тут же получил сокрушительный удар... Кончилось все печально. Ясниченко не вынес борьбы с вредной скотиной и уволился, а на начальника партии легла дополнительная нагрузка по дополнительному обеспечению надзора за горными работами.

В 1947 г. разведка россыпи шла полным ходом. Горные работы велись круглогодично, а водоносные выработки проходили в 3 смены. Вывозка песков проводилась на "пенах" железных корытах на тракторной тяге, а не только на лошадках, как это было год назад. На фабрике, вместо старичка - локомотива установили два дизеля "макларен" и она работала в две смены. И главное - почти все выработки были с находками, что обеспечивало прирост запасов в недрах и повышало ценность месторождения.

Следует сказать, что наш первый, самый предварительный подсчет запасов, выполненный в 1946 г., заинтересовал соответствующие организации и они торопили нас ускорить оценку россыпи, чтобы приступить к проектированию карьера и большой обогатительной фабрики.

На Медведку прислали нового механика - Владимира Александровича Болотова, в недавнем прошлом служившего на Северном флоте и молодого геолога Валентину Александровну Харчистову, только что окончившую Ростовский институт. Очень старательного и подающего надежды специалиста. Партия «разбогатела». Нам дали 5 коров и теперь работники на рентгене, ребяташки, подземники и другие - получали

молоко. Пусть по малу, но это было уже достижением. Кроме того, люди раскопали под огороды все, что было возможно и обеспечились картошкой и другими овощами.

Первым начальником экспедиции № I назначили Иванова - ленинградского геолога, ранее не работавшего на поисках алмазов. К сожалению, начальник несколько «более, чем нужно» увлекался спиртным и, по-видимому, по этой причине его место занял Евгений Петрович Орлов, бывший заместитель Красулина, а его помощником стал Григорий Федорович Куликов.

Работы в Комаровой Логу не дали положительных результатов, но в районе Тюшевского, в 6-ти км севернее Медведки, был найден первый камешек и там начала работать новая партия, начальником которой назначили горного инженера Стыриковича, а геологом - Маргариту Павловну Бархатову.

С соседями поддерживались деловые и товарищеские отношения. Чтобы разместить всех работающих, пришлось начать стройку нового жилья. Общежития всем надоели и каждый хотел иметь хоть какой-то, пусть маленький, но свой "закуток".

Наступил 1948 год. В конце января на Медведку прибыло новое рабочее пополнение. Прислали 10 человек из числа бывших солдат РОА - так называемая «русская освободительная армия», созданная немцами из изменников Родины, сражавшаяся против Советской Армии до последних дней войны, а в просторечии "власовцев". Это были молодые здоровые парни в возрасте от 21-22 до 30-35 лет - украинцы и русские, ничем, казалось, не примечательные. В административном и производственном отношении их подчинили руководству партии, а специальный надзор за ними осуществлял назначенный «помощником коменданта» Петя Гасиаров, сын нашего завмага - Григория Ивановича.

Все, кто помнит огневые военные годы, много слышали плохого и очень плохого о "власовцах", предававших свою Родину и отчаянно сражавшихся на стороне немцев. Рассказывали, что жестокостью и упорством они превзошли, даже своих хозяев. В плен их не брали, а обычно убивали сразу же, или после допроса. Да и то сказать, что зная, что их ожидает за совершенные преступления, - власовцы дрались до последнего патрона. Все это было известно, но только по слухам, а увидеть их довелось впервые и хотелось понять - как смогли простые русские и украинские парни стать врагами своей Родины? Вот что рассказал мне рабочий Белов, бывший "власовец", а до немецкого плена - капитан Советской Армии – артиллерист. При каких обстоятельствах он попал в плен, Белов не рассказывал. Пленных поместили в тюрьму. В камеру набилось 27 человек. Людей морили голодом и избивали. Однажды к заключенным пришел немецкий офицер, отлично говоривший по-русски и предложил вступить в РОА. Предупредил, что с теми, кто откажется - церемонится не будут. Голод и угроза подействовали и 18 человек записались. На вопрос, а что случилось с остальными 9-ю? Белов ответил, их, наверное, расстреляли... О том, как немцы готовили «власовцев» поведал другой рабочий.

Вначале, получив оружие, многие сдавшиеся в плен, уходили к партизанам. Немцы это учли и приняли ответные меры. Вступивших в РОА, отводили в тыл, где они проходили обучение. Вновь сформированные из них воинские части направляли на различные мелкие, а затем и крупные карательные операции. Подразделение шло в бой, а сзади были с пулеметами немцы. После нескольких таких операций, их участники, достаточно замаранные русской кровью, становились надежными приспешниками и путь к своим был для них отрезан. Среди власовцев были не только пленные, но и добровольцы, а также мобилизованные мальчишки, в основном украинцы, которых запугали, одели в немецкую форму и погнали на фронт.

Те, что были присланы, были взяты при массовых сдачах в самом конце войны, прошли многократные проверки и я полагал, что особых "фокусов" от них ожидать не следует. С прибывшими была проведена беседа и сказано, что прощение Родины они могут заслужить только честным трудом и, что от того, как они будут вести себя и относиться к порученным обязанностям, будет зависеть отношение к ним самим.

Поместили их в мужском бараке, выдали спецодежду, постельные принадлежности и продуктовые карточки наравне с другими рабочими и распределили по бригадам.

Но не прошло и 2-х недель как вновь прибывшие «показали зубы» - объявили забастовку и отказались выйти на работу. Поводом явился плохо выпеченный в тот день хлеб. (На Медведке к тому времени была построена пекарня Уралалмазпродснаба, выпекался хлеб, обычно не плохой, а тут, как назло вся выпечка оказалась сырой) Объяснения, что это случайность, что пекарю за брак "нагорит", что у нас в стране забастовки не приняты - были отвергнуты. Отказчики заявили - "не пойдем работать и все". Стало очевидным, что это проба сил и сырой хлеб - лишь удачный предлог для скандала. Следовало немедленно принимать меры и быть готовым ко всяким неожиданностям. Отправляясь на собрание к забастовщикам, я пригласил механика Болотова, бывшего моряка-североморца быть ассистентом и, когда я буду вести собеседование, - встать сзади - затылок в затылок, так, «на всякий случай», чтобы уберечься от неожиданного удара сзади по голове, ведь от новых "подопечных" можно было ждать все, что угодно, особенно если "страсти разгорятся". На всякий случай под ватником имелись ножи, чтобы "разговор" при необходимости велся на равных.

Беседа была "вполне душевной". Пришлось напомнить кто такие "власовцы" и за какие "заслуги" их привезли на Урал. А своих, что к ним пристали - устыдить: "За кем вы увязались, кого слушаете". Все «обошлось» по счастью без эксцессов. Большинство учло все сказанное и отправилось трудиться на свои места, а от так называемых "закоперщиков" пришлось отказаться и те, кто их доставил на Медведку - увезли их обратно. На этом наш разговор не кончился. Пришлось посетить каждое рабочее место, спуститься в каждую выработку и с каждым поговорить. Разговоры были "по душам" и, как я понял, достигли цели. Впоследствии, те, что осталась на Медведке влились в коллектив, хорошо трудились, обзавелись семьями и я убежден, что со временем они стали полноценными советскими людьми.

Сохранился список личного состава партии № I на февраль месяц (после событий с забастовщиками и их "отбытия"). Он помещается для того, чтобы напомнить о тех, кто в ту пору трудился на разведке россыпи. (Приложение 2)

Весной на Медведку прибыл Александр Иванович Минченков, назначенный прорабом. До войны он трудился в Койвинской партии, с 1941 г. воевал и вернулся с войны капитаном. С ним приехала его жена - Александра Петровна Минченкова, работавшая в Койвинской партии старшим коллектором на участке Тискос, а после в Промыслах. Сразу стало легче и мне и Вале Харчистой, т.к. надзор за ведением горных работ после ухода Ясниченко полностью перешел на нас двоих.

Осенью уехал Грищенко с женой, не поладивший с начальником экспедиции Е.П. Орловым, порой необоснованно горячим и не терпящим возражений, и на его место прислали Алексея Гавриловича Пахматова - человека не молодого, рассудительного и что всего существеннее – «болеющего» за порученное дело и разбирающегося в хозяйственных вопросах.

Можно без ложной скромности сказать, что в 1947- 1948 г.г. партия работала совсем неплохо. Она отмечалась в приказах по Управлению и Министерству и даже вышла один раз победительницей во Всесоюзном социалистическом соревновании. Все эти успехи - результат деятельности всего коллектива и каждого из его участников в отдельности. Говорится это не «для красного словца», а как признание и утверждение истины.

Отчет с подсчетом запасов за 1947 г. был написан в Ленинграде, защищен в ВКЗ с хорошей оценкой и мне дали в награду путевку в Ялту. Однако использовать ее полностью не удалось. Оказалось, что Г У Л А Г МВД, в чьем ведении в те годы находились разработки месторождений драгоценных металлов, а так же алмазов, готовится начать работы на россыпи и начальнику партии следует торопиться к себе на объект. Из г. Перми (по-тогдашнему г. Молотов) приехала комиссия, ознакомилась с обстановкой и

просила оказать помощь в ремонте зданий в поселке Тюшевском для прибывающего начальства. Мы чем могли- помогли и на этом успокоились.

Наступил ноябрь с морозами и снегом и как-то утром мы услышали собачий лай и увидели спускающуюся с Медведкинской горы людскую ленту, медленно ползущую по лесной дороге в направлении поселка. Впереди шли автоматчики с овчарками, а за ними будущие строители Медведкинского прииска со своими котомками. Колонну замыкали овчарки и автоматчики. Шествие проследовало в сторону Тюшевского, а через час пришел А.Г. Пахматов и спросил – «что будем делать? ведь они оставили на дороге тех, кто обессилел и упал...»

Времени для рассуждений и раздумий не оставалось. Сняли мы всех лошадей с вывозки песков, "палубы" - (ящики, в которых вывозят породу) заменили коробами - большими плетеными полукорзинами, набили их сеном, собрали, что было теплого и послали этот обоз собирать отставших. По счастью никто не замерз и все подобранные были доставлены в пос. Тюшевской в целости и сохранности. Вскоре между Медведкой и Тюшевским вырос лагерь, огороженный сплошным забором с колючей проволокой и вышками по углам.

Партия продолжала свои работы, а лагерь приступил к постройке жилья, подготовке в строительстве фабрики, и ремонту, а точнее - прокладке заново дороги от пос. Медведки до выхода на шоссе - Косья-Промысла и далее до ст. Теплая Гора, которую наши партии привели в полную негодность.

В 1949 г. партия № I продолжала форсировать свои работы вверх и вниз по р. Койве. ГУЛАГ требовал разведанных запасов и приходилось спешить.

Близость лагеря не могла не сказаться на жизни партии. В поселке стали появляться незнакомые люди, родственники тех, кто находился «за оградой». Те, кого "расконвоировали" тянулись в наш поселок, где они были не «зэками», а обычными гражданами.

Несмотря на отсутствие замков и не запирающиеся двери, за все время, что я помню, была совершена лишь одна кража. Преступник был сразу же обнаружен и наказывали его "свои", да так, что сама потерпевшая за него вступилась. Но ее заступничество отвергли, сказав, что учат за нарушение "законов гостеприимства" и чтобы прочим неповадно было их нарушать.

В начале 1948 г. Первушина покинула Медведку и ее место занял Александр Иванович Рябов, человек примечательный, о котором стоит рассказать подробнее.

Военную службу Александр Иванович начал в 1914 г. "Набрал" полный Георгиевский бант (4 креста) и был послан в школу прапорщиков. Завершил войну 1914-1918 г.г. он в чине штабс- капитана. Воевал в Гражданскую войну. В 1939 г. был вновь призван и участвовал в Финской кампании, начал ее капитаном и окончил в том же звании. До войны жил и работал в поселке Тюшевском, где находится в настоящее время его многочисленная семья.

Отечественную войну он начал в звании капитана. Набирал ордена и звания и так же терял их - и все через штрафбаты...

За время войны он трижды побывал в штрафниках, кровью смывал свой «грех» и демобилизовался капитаном при единственном уцелевшем ордене Красного Знамени... Вернулся в Тюшевский, где оставалась его семья, очень не приспособленная к жизни... , и голодная. Рябов занял должность кладовщика, рассчитывая, что дома он как-то сумеет прокормить свое изголодавшееся потомство. Но он не учел, что работы в районе Тюшевского не ведутся, продукты, что имеются на складе, списывать не на кого и расходовать их нельзя. Из продовольствия на складе имелась только ячменная мука. 400 или 300 кг он скормил своему семейству, за что получил 2 года тюрьмы. Выйдя из заключения пришел к нам, рассказал начистоту все, как оно было и был принят на оказавшемся вакантным место нормировщика.

Работал он быстро, аккуратно все расчеты выполнял в срок и досрочно, со временем не считался (что в те годы, кстати сказать, было обычным) но просил: после представления каждого месячного отчета отпускать его на три дня. И тогда он напивался... А когда кончался отгул А.И. Рябов вновь сидел за расчетами - по-прежнему точный и аккуратный. Только его рыжие буденовские усы топорщились чуть более чем обычно.

Из-за «договорных» дней были стычки с начальником экспедиции, требовавшим, чтобы исполнитель был постоянно на месте. Приходилось объяснять, что это отгулы за переработку, которые мы обязаны предоставлять...

Осенью случилось несчастье. Умерла Валя Харчитова за год до того, в 1948 г. она вышла замуж за Болотова, подарила ему сына, а вскоре, в 1949 г. скончалась по причине болезни печени. Летом 1949 г. был закончен и утвержден ВКЗ очередной отчет с подсчетом запасов за 1948 г. и предложено немедленно подводить итоги за текущий - 1949 г.. Последнее задание пришлось выполнять в Промыслах, но об этом будет рассказано несколько позднее.

х х х

23 сентября 1949 г. Постановлением Совета Министров СССР № 4877 - 1844 - 3-е Геологическое управление, находившееся в Ленинграде, было реорганизовано в 3-е Главное Геологическое управление с местонахождением в Москве. Начальником нового Главка утвердили Вениамина Семеновича Красулина, главным инженером - Николая Дмитриевича Меркурьева, а главным геологом Александра Петровича Бурова. Сотрудниками нового главка стали Георгий Прохорович Романов; Михаил Иванович Маланьин, Шутов и Литвинов, сконструировавшие рентгеновский аппарат ЛШ-2 - верой и правдой служивший многие годы всем партиям и экспедициям, занятыми поисками алмазов, Всеволод Иванович Попов, Карзова, Надеждинская, Бонас и другие.

Организация главка означала, что работы на алмазы увеличиваются и будут вестись по единому плану и под единым руководством, захватывая все новые и новые районы и области.

Ведь осенью 1949 г. партия Иркутского геологического управления под началом Г.Х. Файнштейна при содействии В.О. Ружицкого и геолога Богословского обнаружила алмазы в среднем течении р. Виллой, а годом раньше алмазы были найдены на притоках Нижней Тунгуски - Большой и Малой Ереме. Но, пока мы об этом ничего не знали и форсировали разведку Медведкинской россыпи.

х х х

В ноябре 1949 г. я сдал партию некоему Иванову, присланному из главка на должность начальника, а мы переехали в Промысла - меня назначили старшим геологом, а Веру Васильевну - инженером-обогастителем экспедиции, практически же я должен был заняться отчетом за текущий год, а еще точнее - наращиванием запасов за счет разведанных в текущем году площадей.

Составлялся этот отчет в самых "диких" условиях. Сам Е.П. Орлов геологических отчетов не писал, запасов не считал и, как видится в этих вопросах разбирался весьма смутно. Он установил не реально короткий срок и вызвал из Чусового фельдъегеря для доставки нашего труда в Главк. С исполнителем он не говорил и не советовался, а поставил его в известность о дне приезда фельдъегеря.

Написание проходило в таких условиях: автор пишет, торопится, на проверку не остается времени, т.к. каждый лист тут же передается сидящей рядом машинистке (начальнику спецчасти), не слишком-то опытной, делающей на странице от 15 ошибок и более того.

Через каждые полчаса из своего кабинета появляется начальник экспедиции, спрашивает, что сделано и напоминает, что вот-вот появится фельдсвязь... и что за задержку в его отправке отвечаю я.

Через 2 или 3 недели отчет был как-то «сбит» и без правок, проверки и всего того, что необходимо выполнить при выпуске в свет ответственного документа - увезен в Москву, а там он провалялся более месяца в спецчасти. В.С. Красулин поручил его проверку некой не шибко грамотной геологине, сумевшей при пересчетах наделать уйму ошибок. После, в Москве, пришлось все, что было проделано рецензентом - считать и пересчитывать вновь.

В результате всех «страданий» отчет был утвержден с удовлетворительной оценкой, которая, на мой взгляд не была заниженной...

В декабре, по окончании работы с отчетом мы уехали в отпуск в Москву, а там получили назначение в Якутию.

Расставаться с Медведкой было грустно, хотелось завершить ее разведку и как должно - передать месторождение в промышленную разработку. Всего по россыпи мною составлено и утверждено ВКЗ 3 отчета с подсчетами запасов, что явилось отличной школой для геологоразведчика.

х х х

Побывать на Медведке еще раз - так и не пришлось. По дошедшим слухам Иванов в скорости покинул партию и окончательный отчет составлял, кажется, Блинов. Фабрика на месторождении была построена, год или два там велись разработки, но в связи с открытием алмазов в Якутии, они оказались нерентабельными и были прекращены.

Спустя 27 лет, в 1976 г. мне, вместе с В.О. Ружицким довелось побывать в Промыслах. Поселок несколько разросся. Выше по речке Полуденке появились постройки, принадлежащие геологоразведочной партии Пермской экспедиции, продолжающей работы на алмазы в этом районе. Велось опробование филлитовидных пород, слагающих возвышенность между поселками Промысла и Теплая гора, с целью выяснения местных коренных источников алмазов.

Из тех, с кем довелось трудиться в бытность в Койвинской партии и на Медведке, встретил только одного человека. Узнали мы друг друга не сразу...

Уральские коренные месторождения, до сих пор остаются загадкой, требующей своего решения и очень хотелось бы, чтобы разгадка ее поскорее настала.

Автор рассказал только о 5 подразделениях Уральской алмазной экспедиции, в которых ему довелось много или мало работать: Вильвенской геоморфологической, Исовской поисковой, Уткинской геоморфологической, Койвинской геологоразведочной партии и участке «Медведка» (впоследствии партия № I), являющихся лишь малой частью того, что объединялись экспедицией.

ЯКУТИЯ 1950-1962 гг.

ВТОРАЯ ВОСТОЧНАЯ КОМПЛЕКСНАЯ ПАРТИЯ (2 ВКП)

Открытие россыпных и коренных месторождений алмазов в Якутии, их разведка и последующая организация алмазодобывающей промышленности – принадлежат к числу крупнейших событий в геологической науке и практике нашей Родины.

Прежде всего – это результат труда многих тысяч советских людей. И участие в этом, поистине общенародном деле вправе гордиться каждый, кто внес свою лепту в их открытие и освоение.

Деятельность одних оказалась ярче и была замечена, труд других, не менее нужный и ценный, был воспринят как нечто обыденное и их имена позабыты.

Настоящая записка является попыткой вспомнить и рассказать о событиях, участником или очевидцем которых довелось быть и людям – (их вершителях, больших и малых. О том, что делалось на соседних объектах упоминается только вскользь, и лишь тогда, когда

без этих упоминаний нельзя обойтись. О них должны рассказать те, кто в то время там трудился).

За 3 десятилетия, прошедшие с той поры, многое позабылось и восстановить в памяти тех лет и имена участников, год от году становится труднее. Пишущий эти строки заранее просит извинения за пропуски и неточности, которые невольно будут иметь место и приносит благодарность за все советы и исправления, способствующие установлению истины.

Чтобы соблюсти хронологическую точность повествование ведется соответственно записям в трудовой книжке автора (приложение 3), которые помогают памяти, служат как бы вехами, которые следует рассказать.

Настоящие воспоминания рассматриваются как материал, который пригодится тем, кто возьмет на себя труд – написать честную и правдивую историю об открытии, разведке и разработке алмазных месторождений Якутии и в целом по нашей стране.

Будем надеяться, что такая книга будет создана...

В начале 1950 г. нас вызвали в Москву и начальник 3-го Главного геологического управления Вениамин Семенович Красулин сообщил, что с Урала мы переводимся в Сибирь, во вновь организованную Амакинскую экспедицию.

Заявление о необходимости написать окончательный отчет с подсчетом запасов по Медведкинской россыпи, разведываемой с 1944 г. было отвергнуто: «Разведка в основном закончена, а отчет и без Вас напишут»... Красулин лишь разрешил выбирать между должностью главного инженера 1 Восточной комплексной партии на Тунгуске и главного геолога 2-ой ВКП на Виллое.

Выбрали мы Виллой и в марте, имея на руках приказ № 173-к, вместе с пятилетней дочерью Милкой отправились в путь.

В приказе говорилось:

«Для укрепления Амакинской экспедиции квалифицированными кадрами инженерно-технических работников **перевести** с 1 марта 1950 г. в порядке Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19.X.1940 г.

1. Скульского Владимира Дмитриевича – начальника партии № 1 Петровской экспедиции на должность главного геолога Второй комплексной партии Амакинской экспедиции.
2. Румянцеву Веру Васильевну инженера-обогапителя Петровской экспедиции на должность старшего инженера-обогатителя Второй Восточной комплексной партии Амакинской экспедиции.

Подписал Министр геологии П.Захаров.

xxx

Амакинская экспедиция 3-го Главного геологического управления была организована в самом начале 1950 г. (Возможно это произошло в самом конце 1949 г. и вообще весь этот раздел пишется по памяти...) на базе одноименной экспедиции Иркутского геологического управления, объединявшей две партии – Тунгускую и Виллоускую, которые начали работать по алмазной тематике с 1947 г. Начальником экспедиции был в то время **Сафьянников**, геологическими работами руководил Михаил Михайлович **Одинцов**.

На реках Большой и Малый Иерелях – притоках Нижней Тунгуски – **алмазы** обнаружены в 1948 г. в нескольких точках работами геологов Н.С. Соколова, Середкина П.П., Волковой и других. На Виллое алмазы найдены в 1949 г. на галечной косе, названной Соколиная, расположенной под Крестяхским порогом, вдоль правого берега р. Виллой.

Открытию предшествовал геологический (поисковый) маршрут, проведенный в 1948 г. иркутским геологом Григорием Хаймовичем Файнштейном совместно с коллектором Юрием Ивановичем Хабардиным по рекам Чоне и Виллою до пос. Сунуары.

По заключению исследователей, галечные отложения р. Виллой в среднем его течении перспективны для поисков россыпей, что и явилось основанием для организации поисковой партии.

Партию возглавил **Г.Х. Файнштейн**, его заместителем стал Алексей Иннокентевич **Коненкин** – смелый и деятельный человек – по специальности экономист; прорабом назначили **Ю.И. Хабардина** – в то время еще очень молодого, но уже опытного техника и толкового исполнителя; старшим коллектором был **Дойников**, тоже отличный полевик. (Стараюсь перечислить всех, кого удалось припомнить, ведь в литературных трудах упоминается обычно один человек, что явно несправедливо... К сожалению, здесь перечислена лишь малая часть участников этого трудного похода). Инженер-обогащитель **Паулер**, мастер по обогащению **Лисицын**, рентгенолог **Сторожук**, другие товарищи (их имена я не могу припомнить).

Партия была сформирована в поселке Ербогачен. Зимой по санному пути партия перебралась на реку Чону (правый приток Виллой) построила лодки. По большой воде преодолела Виллойские пороги – самый страшный из них Улахан Хан и более проходимый Кучугуй Хан. На правобережной галечной косе, лежащей непосредственно под Крестьянским порогом провела опробование на **алмазы** (о том, как проводилось опробование лучше всего расскажут Г.Х.Файнштейн, а также В.С. Трофимов и В.О. Ружицкий, прилетавшие во время этих работ на участок «Соколиный») взяла несколько проб, общим объемом 20-30 м³, обогатила их и обнаружила около 20 мелких алмазов. Косу наименовали «Соколиная». Осенью того же года партия приступила к постройке жилья, а с наступлением зимы – к горным работам как на самой косе, а также на террасах по правому и левому берегам реки.

Новый поселок, названный «Соколиным», явился базой производственного участка, а для размещения партии и ее служб выбрали село Крестьян, расположенное на левом берегу Виллой, в 6 км ниже порога.

В 1949-1950 гг. в с. Крестьян находилось правление колхоза, магазин, почта, наслагсовет (сельсовет), школа и фельдшерский пункт, а кроме того он был связан грунтовой дорогой с районным центром – пос. Сунтар. Дорога (проезжая круглогодично), что было очень существенно, ведь дальше от Крестьян – вверх по Виллой шли только «зимники».

Рабочие и ИТР, участники Виллойского похода составили основной костяк партии. Рассчитывать на пополнение рабочих кадров за счет местного населения было нельзя, т.к. якуты горными работами сроду не занимались, а нужны были рабочие в первую очередь на эти виды работ.

Файнштейн отправился в Якутск и там завербовал группу из числа отбывших сроки «**колымчан**», по каким-то причинам задержавшихся на севере. Доставили их в Крестьян на попечение Коненкина, оставшегося за начальника, а сам уехал в Иркутск заниматься проектированием работ на 1950 г.

Часть из вновь прибывших принялась работать и даже неплохо, а группа из 6-8 человек обосновалась в Крестьянх и повела себя «по-колымски»: терроризировала местных якутов, отбирала у них что хотела (проще говоря – грабила их), кого-то изнасиловали и т.д. и т.п.

Шайку арестовали и до вывоза в Сунтар поместили в освобожденное для этой цели помещение, рядом с конторой. Охрану несли приехавшие из Сунтар милиционеры. Кто-то из дружков арестованных передал им пару бутылок спирта, те напились, вышибли двери, отделявшие их помещения от конторы, ворвались туда и учинили погром. Добрались до шкафа с отчетностью и принялись рвать папки с делами и, что было самым страшным – расходными документами.

Дело в том, что Виллойская партия в то время находилась на авансовой подотчетности. Коненкин получал деньги и в их расходовании отчитывался документами – ведомостями, счетами и расписками. Этих документов накопилось чуть ли не на миллион рублей и теперь они уничтожались на глазах милиции и местных жителей.

Алексей Иннокентьевич находился в это время на «Соколином» и проводил там собрание. Кто-то из очевидцев догадался поехать и предупредить о неожиданно-негаданно нагрянувшей беде.

Коненкин немедля примчался в Крестях и бросился в контору. Там творилось что-то невообразимое: пол был устлан бумагой, в воздухе летали квитанции с расписками, а шесть громил рвали и крушили все, что могли. Коненкин никогда не носил и не имел при себе оружия. Но он знал, что в этих летающих клочках бумаги его судьба, его будущее и что он должен либо победить, либо...

У входа, когда он распахнул двери, стояла скамья – старая, добротная, сделанная из лиственницы. Один из бандитов метнулся навстречу, но скамья не подвела и он растянулся на полу. На выручку товарища бросился другой, но и его постигла та же участь. Вбежали осмелевшие милиционеры и остальные сдались без сопротивления.

После был суд, но... один из шайки, менее всех виноватый принял «по колымским законам» все на себя и главные виновники отделались «легким испугом» - небольшими сроками заключения, но самым главным было то, что партия смогла от них навсегда избавиться.

Вот такой был А.И. Коненкин, один из организаторов «Вилуйского похода» и участник открытия Вилуйских алмазов, незаслуженно теперь забытый.

xxx

В 1950 г. штаб Амакинской экспедиции 3-го Главного геологического управления находился в Иркутске и размещался в здании ИГУ. Начальником экспедиции был назначен Прокопий Кузьмич **Кузьмин** – знающий геолог, имеющий опыт работы на алмазы, бывший до того начальником одной из уральских алмазных экспедиций. Старшим обогатителем являлась Антонина Ивановна **Волкова** – его жена. Главным геологом оставался Михаил Михайлович **Одинцов**, но летом 1950 г. его сменил Михаил Андреевич **Гневушев**, тоже уралец, посланный перед этим главным инженером на Тунгуску. Главного инженера по началу не было, позднее им стал Борис Яковлевич **Корешков**, так же начинавший свой алмазный путь на Урале. Остальные руководящие работники экспедиции были иркутяне: **Сапеуз** – в прошлом моряк – зам. начальника по общим вопросам, Эдуард Станиславович **Вилутис** занимался рентгеновскими установками, Георгий Иванович **Титов** ведал плановым отделом, топографической службой руководил С.П. **Малышин**, а ему помогал **Ткачук**. Отдел снабжения был в ведении Павла Ивановича **Медведчикова** и Семена Григорьевича **Барнбаума** – многоопытных в этом деле. Главным бухгалтером был **Имшенецкий**. Фамилии остальных товарищей не могу припомнить, а вспомнить их следовало, ведь все они обеспечивали совместными усилиями и действиями нормальную работу полевиков на самых трудных начальных их шагах.

Общая численность экспедиции не превышала в то время 300-400 человек. Работы велись на двух объектах – на притоках Нижней Тунгуски работали поисковые партии, объединяемые 1-ой Восточной Комплексной партией (1 ВКП), а на Вилую партии 2-ой Восточной Комплексной партии (2-я ВКП).

xxx

В Крестях прилетели в первых числах апреля 1950 г. В Иркутске было тепло, солнечно, а здесь повсюду лежал снег, и встретили нас мороз и метель.

Село Крестях растянулось по левому берегу Вилуя на добрых 1,5-2 км. В нем насчитывалось около сотни построек. Помимо перечисленных ранее сельсовета, почты и прочих служб на берегу реки стояли склады «Холбос» -Якутской потребительской кооперации. При высокой воде пароходы с баржами, везущими на Север продовольствие и товары доходили до Сюльдюкээра, где имелись складские помещения. Но при ранних спадах воды они разгружались в с. Крестях, т.к. пройти через порог было невозможно и все грузы доставлялись потребителям уже зимой и в основном оленьим транспортом.

Большинство домов в поселке не имели крыш. Их заменял двухскатный потолок из толстых плах, засыпанных сверху на 10-20 см. землей. Дерево и земля хорошо удерживают тепло, а малый дождь не успевает насквозь промочить земляную насыпку. Но при продолжительных, да вдобавок ливневых дождях, которые хоть раз в год, да случаются, земля пропитывается водой, промывается и грязевые потоки, через щели в потолке устремляются в помещение. Но, поскольку такие дожди случаются редко, а крыша обходится дорого, местные жители предпочитают перетерпеть одно или двухдневные неудобства и не нести излишних расходов.

К особенностям якутской постройки, рассчитанной на суровую и холодную зиму, относятся: настилка пола на балки «утопленные» в землю, (это для того, чтобы с пола не дуло и он был теплым), отсутствие форточек, которые заменяют прорубленные на стыке бревен четырехугольные отверстия, затыкаемые тряпкой (когда это необходимо), а чтобы стены не промерзали, т.к. якутский лес тонкомерный, тонкослойный и при температуре - 50 градусов промерзает полностью, их обмазывают с наступлением зимы снежно водяной кашей, намерзающей на стены и являющейся отличной теплоизоляцией. Внешний вид у домов после такой обработки «не блестящий», но внутри тепло, а это главное.

Чтобы удержать тепло – двери обивают оленьими шкурами, а окна прорубают небольших размеров. Рамы обычно ординарные, по причине отсутствия стекла.

Все «коммунальные удобства» находятся, естественно, на улице и в самом непригодном для пользования состоянии.

Крестээхский колхоз занимался в основном животноводством. Были и посеы, но очень маленькие. Рыбу ловили немногие – и только для себя. Охотников-промысловиков среди крестээхских якутов я ни одного не знал. Занимались местные жители еще извозом на лошадях и оленях и мы их подрядили на вывозку «песков» с косы Соколиная на склад проб (рудный двор) к будущей фабрике.

В большинстве крестээхские якуты были малорослы, с широкими плоскими лицами, но несколько человек по облику были точь-в-точь американские индейцы – горбоносые, широкоскулые, большеглазые – такие, как их изображают в хрестоматиях.

Взаимоотношения местных жителей с комплексной партией были вполне приемлемые, особенно после ликвидации шайки «колымчан», о которой сказано выше. Файнштейн и Коненкин отлично ладили с местным начальством и проводимые партией мероприятия с их стороны встречали поддержку.

Весной всех нас пригласили на местный какой-то праздник. Угощали **кумысом**, кисловатым и чуть хмельным напитком. Подавали его в «чоронах» - искусно вырезанных деревянных сосудах, вместимостью от литра чуть ли не до ведра. Одна беда, чороны никогда не моют, а только смазывают до или после употребления коровьим маслом, а по сему пьющий кумыс должен позабыть о брезгливости...

Письмо от Владимирской (ур. Куломзиной) Елизаветы Петровны, родной тети Скульского В.Д. «Дорогой мой Володюшка! На днях получила от тебя письмо. Зачем ты устроил себе самовольную ссылку, да и не только себе, но и жене с дочкой. Скажи, пожалуйста, кто же погнал тебя в такой медвежий угол и надолго ли ты там думаешь обосноваться? Не могли же тебя послать туда насильно, после того как ты уже несколько лет прожил тоже в таком же медвежьем углу? А теперь? Ты должен хоть улучшить твою домашнюю обстановку. Почему твоя жена должна работать без отдыха целый день? Почему твоя дочка должна расти беспризорным ребенком? Почему, придя домой даже и в скверный дом, не устроить уголка? Где бы ты мог и хорошо поесть и хорошо отдохнуть? Ведь и вся-то наша жизнь хороша только домашним уютом. Что же заставляет тебя так работать вместе с женой? Неужели тебе бы не хватило на жизнь? А как жизнь ребенка? Ведь она сейчас всем интересуется и обо всем спрашивает. Что же, Вы вырастите ее какой-то дикаркой? Я бы присылала Вам книжек. Да не знаю, какие у Вас есть. Напиши –

я буду Вам доставать книжки и присылать. Долго ли Вы думаете пробыть в этой ссылке?...”

xxx

В апреле 1950 г. работы велись только в двух партиях - №№ 126 и 127. Организация других, предусмотренных проектом поисковых партий - №№ 128,129,130 и 131 намечалась в летние месяцы.

Партия № 126 продолжала начатую в 1949 г. разведку косы «Соколиная» и поиски на террасах, по обеим берегам реки. Усиленно на лошадях, оленях и единственной автомашине «Виллис» вывозились на рудный двор добытые пробы. Кроме того, один отряд проходил канавы на галечной косе, названной «Орлиная».

Партия № 127 занималась поисками на левом берегу Вилюя в районе поселка Тэнке. Здесь на галечной косе «Рыбачья» проходились канавы, глубиной до 6-7 метров, велась вывозка проб и на террасах правого берега было заложено несколько шурфов.

Техническая оснащенность обеих партий была в начале 1950 г. ниже всякой критики: пригодным горным инструментом и оборудованием они были обеспечены, в лучшем случае, на 30-40%. Если придерживаться утвержденных правил « по технике безопасности на горных работах», то эти работы следовало бы закрыть, так по нищенски они были обеспечены самой примитивной и необходимой техникой. Для обогащения не было движков, насосов и т.д. и т.п. Куда легче перечислить, что имелось во 2 ВКП, нежели то, что требовалось и без чего нельзя было работать...

Винить в отсутствии необходимого было некого: ведь перспективы района определились в конце 1949 г., когда реки обмелели и навигация прекратилась. Оставалась единственная возможность – доставлять грузы воздушным путем из Иркутска в Крестээх, за 1450 км с посадкой на лед реки Вилюй. Эту нелегкую работу пришлось выполнять экипажам Унчеева и Безродного, на самолетах ЛИ-2 (типа «Дуглас»), которые трудились в Иркутском геологическом управлении, возили грузы во все его партии и экспедиции и выделялись так же для обслуживания неотложнейших нужд 1-ой и 2-ой комплексной партий Амакинской экспедиции.

За один рейс самолетом ЛИ-2 удавалось доставить не более 1,1-1,3 т., а таких рейсов за месяц приходилось 4, а иной раз и ни одного... Поэтому каждый прилет Унчеева или Безродного был праздником, и их встречали как самых дорогих гостей.

Прибытие основной массы оборудования, снаряжения и продовольствия ожидалось только после начала навигации, а пока... обходились как могли и умели...

Так, например, чтобы обеспечить подачу воды на обогащение... (казалось, чего проще – ставь движок, насос и качай воду сколько понадобится). Но движки и насосы отсутствовали, а по сему старший инженер-обогачитель В.В. Румянцева занялась расчетами и конструированием «египетского колеса» наподобие тех, какими в Египте 5000 лет тому назад подавали воду на поля.

Колесо сделали, установили и оно проработало верой и правдой все лето 1950 г. Вместо механического рассева породы по ее же указанию сделали ручные шейкеры-качалки и успешно на них работали.

Старенький «Виллис», обладавший большой проходимостью, но не приспособленный для перевозки грузов, переоборудовали: сняли задние сиденья, поставили ящик на 400 кг и умудрялись вывозить за день по 4-6 куб.м проб, что в тех условиях было «великим» успехом и достижением. Так было во всем, за что ни возьмись..

В геологических партиях не хватало людей, а у работающих не доставало опыта. Но, «опыт - дело наживное – было бы желание», а желание научиться у всех имелось, что и являлось залогом успеха... (Заметим, что помогать набираться опыта и знаний тем, кто хочет научиться – всегда приятно).

В лучшем положении находились «Соколинцы», законченное высшее образование среди них имели: геолог партии Александр Георгиевич **Дьяков** – только что окончивший Воронежский университет (а в недавнем прошлом – участник войны) способный, очень

любопытный и добросовестный молодой специалист, а также Любовь Константиновна **Комина** – геолог, воспитанница Иркутского университета. На «Соколином» она была временно, т.к. с наступлением тепла ей следовало отправляться на поиски по реке Джербе. Из обогатителей – инженер **Паулер** – прямой и непосредственный участник открытия Вилуйских алмазов и инженер **Дойникова**.

Остальные либо были практики, либо закончили краткосрочные курсы мастеров и коллекторов при ИГУ. Обязанности начальника партии № 126 исполнял **Лисицын** – по специальности мастер обогатитель, прорабом был Кеша (Иннокентий) **Прокопьев**, дисциплинированный энергичный и добросовестный сотрудник. Коллекторы и старшие коллекторы: **Т. Курочкина**, **Самойлова**, **Арсений Панкратов**, **Шипунова**, **Иван Галкин** и др. Горным десятником был **Клычев**, из мастеров обогатителей помню **Панченко**, рентгенологом партии оставался **Сторожук**. (К сожалению, не могу припомнить всех основных работников «Соколиного», а они заслужили своим добросовестным трудом, чтобы о них упомянули добрыми словами).

Работы зимой 1950 г. на косе шли полным ходом. Нельзя сказать, чтобы все было сделано и делалось так, как положено, но, когда непосредственные исполнители понимают какие ставятся цели и задачи и что требуется от них, – вносить исправления легко и просто. Короче сказать – к середине мая, за неделю до подъема воды в Вилую и начала ледохода работы на объекте были закончены в соответствии с требованиями инструкции подсчета запасов, проведена топографическая съемка участка работ в масштабе 1: 2000, пробы вывезены и оставалось только ждать результатов обогащения.

На косе «Орлиная» дело обстояло значительно хуже. Здесь работала бригада бывших «колымчан» под руководством **Анциперовича**. Фамилия эта значилась в его паспорте как основная, а за ней следовало: «он же»... и перечень из 18 фамилий. Небольшого роста с колючим, сердитым взглядом – он запросто управлялся со своими гвардейского роста громилами, сильно уступавшими ему в житейской цепкости и сообразительности.

На косе, вопреки рассудку и по полной неопытности исполнителей, было задано 6 канав длиной в 40 метров каждая, все они были пройдены на глубину 2 метра, дошли до воды и на этом попытки углубить их прекратились.

Документацией ведал старший коллектор Костя **Урбанович**. Громилы требовали от него всяких приписок, угрожая, что его убьют, а чтобы он стал покладистей – задабривали спиртом. Кончилось тем, что Костю «допугали» и допили до нервного расстройства – «белой горячки», длившейся около месяца.

Работы на «Орлиной» выправлять было уже поздно и их переделывали в 1951 г. Анциперович перешел на «Соколиный» механиком, хорошо себя зарекомендовал, женился, взял фамилию жены и «отрубил» тем самым, тянувшийся хвост их 18 фамилий.

Партия № 127 начала работать в феврале или марте текущего года. В ней «главным действующим лицом» был геолог партии Владимир Владимирович **Алексеев**, очень толковый геолог, но... склонный к излишнему употреблению «напитков», что впоследствии имело для него самые неприятные последствия. В 1950 г. он «держался» и работал в полную силу.

Из обогатителей помню мастера **Верхотурова**, рентгенолога, а затем мастера – **Рыкова** и ст. коллектора Васю **Сотникова** – очень славного, исполнительного, безотказного, но... поклонника Бахуса, не брезговавшего также «чифиром» (25 г чая на кружку кипятка)...

Партия № 127 оказалась на крайнем юге распространения Вилуйских алмазов. Ниже «Рыбачьей» были опробованы русловые галечники на перекате – в излучине реки и там обнаружили 1 или 2 очень мелких алмазика. На самой «Рыбачьей», на 300 или 400 куб.м проб при обогащении в 1950 г. нашли меньше десятка мелких камней, что свидетельствовало о малой перспективности этого участка.

В 1951 г. поиски в этом районе продолжались с тем же успехом. Окончательный отчет о работах в районе Тэнкэ написан и защищен молодым геологом Н. **Елкиной** в 1953 г.

Для **В.В. Румянцевой** этот участок едва не оказался роковым: горные работы велись там, как известно, на левом берегу реки, по которому шла лесная дорога на Крестээх, а обогатительная установка строилась на правом, вблизи поселка. Перед самым ледоходом **В.В. Румянцева** приехала на участок, благополучно перешла по льду на установку, а когда собралась обратно – лед тронулся. По счастью она сумела как-то перебежать по движущимся ледяным полям семисотметровую водную полосу и выбралась на левый берег... (примечание **Л.В. Скульской**. Об этом даже написала газета «Известия»).

xxx

Последним зимним самолетом прибыли из Иркутска лаборанты и мастера, подготовленные на экспедиционных курсах Вилутисом, Паулером и другими. Опыта у этой молодежи вовсе не было и ее пришлось обучать на рабочих местах. Этим занялась **В.В. Румянцева**, а позднее – старший (или главный?) обогатитель **З ГГУ М.И. Маланьин**, более месяца проработавший на установках «Соколиного» и «Рыбачьего».

В июне прибыли баржами долгожданные грузы, и можно было начинать комплектацию новых партий. Начали прибывать не менее долгожданные молодые специалисты только что окончившие вузы и направленные в экспедицию. Из Москвы приехали **Рита Метелкина** и **Галя Шилина**, из Харькова – **Юрий Белик** и другие (К сожалению, фамилии многих забылись).

Первым отправился в путь **Джербинский** отряд – (**Л.К. Комина**, **Иван Галкин** и несколько рабочих). Перед этим провели облет долины речки **Джерба** и пришли к заключению, что особых надежд возлагать на нее не следует (прогнозы наши подтвердились). Отряд работал добросовестно и с его заключением о бесперспективности работ в долине **Джерби** следовало согласиться.

Выше по **Вилую**, на галечной косе у поселка **Вилючаны** начала работать партия № 131. И.о. начальника назначили **Кешу Прокопьева**, обогатителем послали **Лисицына**, а геологом **Алексеева**.

Между **Крестээхом** и **Тэнкэ**, против поселка **Кокун** – присмотрели длинную галечную отмель, назвали ее «Сказочной» и приступили к ее опробованию.

Геологом назначили **Маргариту Павловну (Риту) Метелкину**, а кто там был обогатителем – не припомню.

А Л М А З Ы были найдены на обоих участках в первых же пробах. На **Вилючанах** они были мельче «Соколиных», да и содержание оказалось похуже, а на «Сказочной» получилось наоборот, что заставило высказать предположение о каких-то своих самостоятельных источниках их поступления в россыпи.

Вышла в район **Сюльдюкаэра** и партия № 128, на которую **Г.Х. Файнштейн** возлагал особые надежды, считая, что алмазы принесены из верхнего течения **Вилюя** и что туда следует направить поиски.

Он сам отправился намечать участки работ, да и позднее уделял этой партии достаточно много внимания. И.о. начальника назначили **Скорбилина**, рабочего – горняка – опытного таежника толкового и инициативного. (Разумеется, несмотря на все положительные качества это был не начальник, а скорее бригадир или десятник). Обогатителем туда отправился молодой инженер **Федулов**, а геологом **Иванов**. В конце лета туда отправился **Черняев**, незадолго до того назначенный на место **А.И. Коненкина**, получившего в свою очередь назначение начальником **З ВКП** с базой в пос. **Наканы**, которой поручались поиски по р. **Нижней Тунгуске** и в верховьях **Вилюя**. Работы на **Сюльдюкээре** начали на самой верхней – левобережной галечной косе. В первых же пробах нашли **алмазы**, в т.ч. один – на **3,5 карата**, названный по имени обнаружившей его, якутской работницы – «**Мария**».

На радостях косу назвали «**Сталинская**», а когда начали осваивать ниже лежащие береговые отмели, то ей как первой присвоили первый номер, две другие нарекли «**Сталинская**» - «**вторая**» и «**третья**».

Таким образом, еще до наступления заморозков было установлено: что в русловых и косовых отложениях р. Виллой, на отрезке длиной более чем в 200 км содержатся алмазы и что весь этот район обязательно следует изучать и далее, а также что на всех участках с установленной алмазоносностью следует готовиться к зимним работам и проводить представительное, крупнообъемное опробование.

Помимо Виллы в 1950 г. проектировались работы и на Мархе. Но о них расскажем позднее, а пока возвратимся в Крестээх.

xxx

Чтобы работа лучше спорилась, руководство комплексной партии распределило между собой обязанности следующим образом: начальник партии – Г.Х. Файнштейн, помимо прямых обязанностей начальника – взял на себя руководство и наблюдение за партией № 126 и курирование партии № 128. Главный инженер **Вадим Аркадьевич Буханевич** – в недавнем прошлом главный инженер Аэрогеологии, сам – геоморфолог по образованию, взялся за составление геоморфологической карты бассейна среднего течения р. Виллой на основе имеющихся аэрофотоснимков. Для исполнения он привлек Арсения, или попросту **Арсю Панкратова**, который и засел за дешифрирование и черчение. Кроме того, на нем лежала ответственность за сооружение летней площадки для приема самолетов ЛИ-2 на аласе Хомустах. (Аласом называется большая поляна среди леса, посредине которой сохранилось небольшое, часто зарастающее озерко. Строение аласа таково: центром является неглубокое озеро, его окружает кольцо камыша, дальше кольцо кочкарника, шириной иногда до 100 м и далее луговина – хорошие сенокосные угодья или разделанные под посев поля. Озеро занимает самые низкие отметки и лежит как бы в чаше. Аласы обычно расположены в пределах 1 террасы).

С этой задачей он справился. Человек энергичный, малость фантазер (но... геолог без фантазии, что птица без крыльев)... он решил заняться изучением русловых валунных образований, развитых в среднем течении Виллы, вытянутых под прямым углом к направлению потока в виде своеобразных языков. К этому он привлек студента-дипломника **А.Ф. Китайника**. Особо интересных открытий, правда, не было сделано, но сам процесс работ был для исполнителей интересным. Кроме того, под прямым руководством главного инженера была проведена аэрофотосъемка русла реки Виллы и немного Мархи в масштабе 1:5000 или 1:7000, что было полезным делом, т.к. в ту пору карт не имелось и вместо них успешно использовали контактные аэрофотоснимки.

На главного геолога – единственного, имевшего опыт разведочных работ, ложилось наблюдение за правильностью ведения поисков и разведки, за геологической службой и документацией во всех партиях и отрядах. Кроме того, на него возлагалась ответственность за проведение работ партией № 129 на р. Мархе.

Старший обогатитель В.В. Румянцев, как сказано выше, занималась подготовкой обогатительных установок, обучением кадров и всем тем, что положено обогатителю. В середине июля она выехала в Якутск и вернулась обратно в августе, имея на руках маленького Скульского (род 29.07.1950 – 16.11.2004).

Главный механик Павлов организовывал и налаживал механическую службу на базе и в партиях, начальник планового отдела **А.И. Гробер** также трудился из всех сил. Во 2 ВКП появилась своя бухгалтерия, спецчасть и кадры...

Из экспедиции прибыла на «Соколиный» вся минералогическая лаборатория во главе с ее заведующей **Кадниковой** в составе: **Озерниковой, Богомоловой, Пантелеевой, Иордан** и других. Приехал **Эдуард Станиславович Вилутис** для налаживания рентгенустановок и другие.

Приезжали во 2 ВКП начальник экспедиции П.К. Кузьмин, М.М. Одинцов, позднее в Крестээх нагрянуло руководство Главка: **Н.Д. Меркурьев, А.П. Буров** и начальник В.С. Красулин.

Уточнялось направление работ на текущий и следующий – 1951 г., определялись объекты и объемы работ. Главк давал четкие указания и требовал их неукоснительного исполнения.

Виллой в 1950 г. стал «местом паломничества представителей как родственных» так и «сторонних» организаций. От ВСЕГЕИ здесь побывали **И.И. Краснов** и **В.Л. Массайтис**, целый месяц работали: профессор **Разумовская** и **О.И. Никифорова**.

Из москвичей посетили Виллой **В.С. Трофимов**, **В.О. Ружицкий** и другие (всех «гостей, что были со всех волостей» и не упомнишь).

Нельзя сказать, чтобы всех встречали с «распростертыми объятиями». Григорий Хаимович чрезвычайно ревниво относился к «Соколиному» и даже выставил охрану, вооруженную старой берданкой, которой вменялось в обязанность никого без его разрешения ни на косу, ни на участок не допускать, и даже к косе не подпускать. Выявилось, что некоторых товарищей он вовсе не переносит. Возможно, что он опасался как бы представители науки «не присвоили» его открытия, что, к сожалению, в практике открытий, увы, имело место...

xxx

Для работы на Мархе была организована партия № 129. В задачи ее входила маршрутная геолого-геоморфологическая съемка долины реки и выбор участков для поисков на 1951 г., а опробование на алмазы в текущем году не предусматривалось.

В конце июня – начале июля, получив большие весельные лодки (моторов в то время 2 ВКП не имела и выделить не могла), партия отправилась **самосплавом** из Крестээха в Нюрбу, откуда катер Ленского управления речного пароходства, а сокращенно – ЛУРПа, должен был затянуть ее лодки возможно выше по Мархе. Выполнив это, катер возвращался обратно, а партия, спускаясь опять же самосплавом вниз по течению, проводила бы свои работы.

Начальником партии 129 назначили **Владимира Борисовича Белова**, геологом **Василия Петровича Усова**, старшим коллектором **Зою Григорьевну Ищенко**, младшим коллектором был **Петя Сметанин**, радиостом поехал **Александр Иванович Игнатьев** с небольшой рацией, приводимой в действие ручным «солдат-мотором». Половина рабочих была из Крестээха, а половину наняли в Нюрбе.

Перед отправлением Скульский и Белов проделали аэровизуальный облет долины реки и пришли к заключению, что район интересный, галечные косы имеются и не плохо бы их проверить на **алмазы**.

Недели через две, когда В.Б. Белов уже достиг устья Моркоки – самого большого Мархинского притока и спускался вниз, пишущий эти строки, вместе со студентом-дипломником **Рассказчиковым**, вновь отправился на Марху. Нам в известной мере «повезло» - удалось дважды садиться на косы, первый раз задымил мотор и пришлось, пока он не вспыхнул, приземляться на первую попавшуюся площадку. Пока пилот занимался с машиной, успели посмотреть галечники, которые оказались ничуть не хуже Вилюйских и заслуживали того, чтобы ими занялись по настоящему.

Через час или два добрались до Белова. Партия стояла на большом галечном острове, сложенном, по тогдашним нашим представлениям – отличным многообещающим каменным материалом.

Договорились, что опробование проводить нужно и что все будет зависеть от возможностей раздобыть необходимое оборудование и заполучить мастера-обогапителя для выполнения работ.

В Крестээхе соображения о необходимости провести опробование – получили одобрение, но в оборудовании главный инженер категорически отказал, т.к. все полученное ушло по назначению в те партии, где обогащение было запроектировано и на складе ровно ничего не осталось. По этой причине мархинцам придется ждать до будущего года... Такое решение никак не устраивало и следовало что-то придумать...

Так родилась идея упрощенного поискового опробования с применением малых по объему проб для констатации алмазов, получившего впоследствии название малообъемного.

Еще на Урале, при разведке Медведкинской россыпи выяснилось, что алмазы в своем большинстве приурочены к самым нижним (приплотиковым) глинисто-галечным отложениям или (по старательски – «пескам») в особенности, если вышележащие галечники хорошо промыты и вмещающий гальку песок (без кавычек) не содержит глинистую примазку.

Тоже самое удалось подметить при обогащении первых проб косы «Соколиная», взятых послойно. Здесь нижние пробы, как правило, содержали алмазы, а верхние – оказывались зачастую пустыми. Сам по себе напрашивался вывод, что для обнаружения одного или двух маленьких зернышек, вовсе не обязательно набирать и обогащать очень большое количество горной массы, а достаточно ограничиться малой по объему пробой, но взятой в наиболее благоприятной для опробования точке.

Для русловых образований такими благоприятными для накапливания в них алмазов точками являются, по видимому, головные части отмелей и кос. Такое предположение опять же основывалось на результатах обогащения соколинских проб, ведь в головных их частях, где сохраняется сравнительно малая мощность отложений за счет смыва и сноса поступающей при каждом подъеме воды – новой порции породы, происходит некоторое обогащение отложений тяжелой фракцией, которая накапливается в нижних горизонтах.

Все это было высказано, принято вполне положительно и не встретило возражений. Оставалось лишь придумать каким образом, не имея отсадочных машин провести отсадку и получить концентрат, т.е. зернистый материал, с повышенным содержанием количества зерен удельного веса более 3 г/см³ (за счет удаления материала, более легкого по удельному весу) и соответственного уменьшения (в несколько раз) объема пробы, поступающей на рентгенопросмотр.

За основу был принят ящик-трясучка, применявшийся в Африке неграми-старателями (рисунок его имелся в руководстве по обогащению). Плотник сколотил три рамки, размером 50х50 см, на них натянули сетки с отверстиями 4, 2 и 1 мм. Для обогащения была принята следующая методика: отмытый от глины мелкий гравий и песок, размером менее 2-х, но более одного мм в поперечнике (На обнаружение «кулинанов» я не рассчитывал, а стремился уловить хотя бы **мелочь**). Следовало загрузить в ящик с сеткой в 1 мм, опустить его в воду и легонько встряхивать 20 или 30 раз. При этом более тяжелые зерна, в том числе и алмазы, должны осесть на сетку, а легкие останутся на верху. Верхний слой, на 2/3 общей мощности материала сбрасывается, а нижняя треть – высушивается и передается на рентгенопросмотр.

Когда все нехитрое оборудование было готово и уложено в багажник одноместного ПО-2, я отправился на Марху.

В эти дни партия 129 остановилась на галечной косе, прилепившейся к небольшому, заросшему лесом острову, расположенному в начальной части большой излучины реки, названной впоследствии по имени якутского поселка – Эвэрдэкской излучиной.

На косе в это время находились В.Б.Белов, Зоя Ищенко, Игнатьев и двое рабочих, Усов со Сметаниным ушли в маршрут. Самолет выделили только на день и задерживать его было нельзя. Кроме того Белову следовало прибыть в Крестээх. Таким образом на косе из ИТР оставалась одна Зоя Ищенко, которой и было поручено провести опробование.

Растолковав, что и как нужно делать, и убедившись, что все понятно, я наметил точку взятия пробы и пожелал Зое «ни пуха ни пера».

Мы оба (Белов и Скульский) втиснулись в самолет и отправились в Крестээх, а старший коллектор Ищенко отобрала, как положено 1,5м³ галечников, отмыла от глины, оттрясла на миллиметровом сите, набрала около 12 ведер так называемого «концентрата», высушила и доставила **Сторожуку** на рентгенустановку.

Просмотр был отнесен в самую последнюю очередь, т.к. в успех, кроме автора метода, пожалуй никто не верил.

Каково же было удивление «малOVERОВ», когда в декабре Сторожук извлек из Мархинской пробы 6 мелких **алмазиков!**

Так была установлена алмазность Мархи. Способ опробования, как отличающийся от общепринятого – нарекли «способом нахала» и лишь позднее он стал именоваться «способом мелкообъемного опробования» – **безымянным**, но зато принятым всеми при поисках.

Что касается открытия мархинских алмазов, то если бы не добросовестное отношение к порученному делу со стороны Зои Григорьевны Ищенко, их обнаружение отодвинулось бы не менее чем на год. Но благодаря тому, что ее стараниями алмазы были найдены в столь необычно малой по объему пробе, находка возбудила в Главке и Министерстве большой интерес.

Зимой 1951 г. на «Верхние острова» (так называли эту косу) отправился санный обоз партии № 129, который вез все необходимое оборудование для зимних горных работ. С обозом шли люди, которые явились основным костяком «зачинателей» Мархинских разведочных работ. А эти работы были первыми шагами, которые привели к открытию первой **кимберлитовой трубки**, найденной в 1954 г. **Ларисой Анатольевной Гринцевич – Попугаевой**, на речке Дьяха – притоке 2-го порядка р. Мархи.

Что касается Зои Ищенко, то о ней несправедливо забыли...

xxx

В начале осени под наблюдением, руководством и при прямом участии **А.П. Букова** и Н.Д. Меркурьева план на 1951 г. по каждой партии, входивших во вторую комплексную – был сверстан. После этого пришлось слетать в Иркутск для внесения дополнений в составленные ранее проекты, а некоторые из них – пересоставить.

С наступлением холодов начались горные работы в русле Вилуя, на галечных косах и террасах. Проходка канав в русле реки велась на проморозку и пожар. Когда толщина льда достигла 25 см. на месте будущих канав прорубались «маины» несколько большей длины и ширины нежели будущая выработка, глубиной 12-15 см. После этого в течение двух-трех суток «маина» промерзала. При этом происходило нарастание льда снизу, а когда слой увеличивался до 20-25 см, майну вновь углубляли на 10-12 см и опять оставляли промерзать. За месяц, при -50 градусных морозах удавалось проморозить столб воды до 1,5 м. Когда выработка достигала дна реки, сложенного смерзшимся гравийно-галечным материалом, закладывался «пожог», т.е. дрова – внизу сухие, а сверху толстые и сырые плахи. Их поджигали и они горели, в образовавшемся при проходке, ледяном ящике – колодце.

Пожог закладывали обычно вечером, а утром горняк (забойщик) выкладывал не успевшие сгореть остатки дров, вычерпывал натаявшую от огня воду, и вынимал оттаявшую породу, которая подлежала обогащению и являлась пробой.

После этого выработку снова промораживали, опять укладывали пожар и снова оттаивали породу, примерно на половину скованного льдом слоя и так до тех пор, пока выработка не «садилась на плотик».

Плотик (то есть подстилающие галечники породы) зачищали на 5-6 см. Вся вынутая порода являлась пробой и подлежала «обогащению» для извлечения **алмазов**.

Такой способ проходки медленен, но качество работы высокое и выработка сохраняет свое сечение сверху до самого низа. Добытая порода складывается на поверхности и ... смерзается в **монолит**.

Чтобы вывезти пробу на «рудный двор» к фабрике, ее вновь приходится оттаивать кострами и раскалывать. Чтобы облегчить вывозку и избежать лишней раскалывки, каждую поднятую бадью с породой, вываливают отдельной грудкой на снег. На морозе

эта грудка быстро смерзается, ее отковыривают вместе со снегом и все полученные таким образом (путем) «монолитики» складывают в большой отвал, перегружать который значительно легче, нежели оттаивать или раскайливать, скованный морозом песчано-галечно-ледовый монолит, не уступающий по крепости бетону.

Комплексная партия разбогатела: по воде пришли 2 или 3 самосвала и вопрос вывозки проб теперь легко разрешался. Имелись 2 самолета ПО-2 – на одном летал **Петя Фролов**, а на другом **Миша Хлебников**. Хорошие душевные парни и отличные пилоты.

Все шло хорошо, но 10 декабря я, едуци ночью на лошади, умудрился перебить в колене правую ногу и... выбыл из строя.

Вывезти больного в сунтарскую больницу, где имелся хирург, не представлялось возможным, т.к. температура воздуха упала ниже -50 градусов и легкомоторная авиация прекратила полеты.

Везти же на лошадях за 100 км было нецелесообразно, т.к. перелом осложнился бы обморожением и все могло завершиться ампутацией перебитой ноги.

Оставалось ждать прилета Унчеева или Безродного и доставки в Иркутскую больницу. Рентгеновский снимок сделать было нельзя, нога в колене распухла и наш врач сомневалась – может быть это только ушиб?

А тут подошла пора писать годовой отчет. Рядом с койкой поставили столик, принесли пишущую машинку, за нее устроилась начальник спецчасти – **Валя Урбанович** и мы принялись сочинять отчет. Я диктовал, Валя печатала.

К тому времени стало известно о находках на Мархе и были закончены, просмотром на рентгене, пробы «Соколиного». Последнее позволило подсчитать, разумеется сугубо предварительно, запасы алмазов на россыпи, которые, по тогдашним нашим представлениям, казались вполне весомыми. (Теперь эти содержания и запасы расцениваются как «проявления полезного ископаемого» и в серьезный расчет не принимаются. Но в те годы «на заре алмазной юности» всякая мелочь нас радовала и принималась всерьез).

Не обошлось и без **курьезов**. Я диктую – «Четвертая терраса р. Виллой образовалась, по-видимому, в третичное время, а третья – в ранне-четвертичное». Валя вместо «образовалась» напечатала – «опробовалась» и...получилась чушь.

Автор эту промашку пропустил и отчет ушел в экспедицию, а оттуда в Главк. Недели через две оттуда пришло письмо за подписью **Е.Г. Карзовой** – куратора 2-ой ВКП, в котором ехидно был задан вопрос: «чрезвычайно интересно узнать, кем и по какой методике велось опробование Вилловских террас в третичном и ранне-четвертичном периодах?»

Будучи прикован к постели, я мог лишь молча злиться... на самого себя. Лишь спустя полгода, будучи в Главке, я смог слово «опробовались» стереть резинкой, а вместо него вписать «образовались».

В январе прилетел Унчеев на своем ЛИ-2, меня доставили в Иркутск и поместили в больницу, там сделали рентген и установили, что головка большеберцовой кости расколота на 5 частей, малоберцовая – перебита и разошлась, а связки разорваны. Оперировать было поздно, наложили гипс и предоставили времени делать свое дело.

В больнице время проходит чрезвычайно бездарно... Прошел месяц полного безделья, которое успело надоесть до отвращения. (Единственным развлечением были скромные выпивки, устраиваемые палатными жильцами. А водку приносил охранник Сережа, «карауливший» одного бедолагу, искалеченного на лесозаготовках, бедняга не мог двигаться, «но закон – есть закон»... и Сережа караулил его при оружии, а поскольку делать ему было нечего – охотно бегал за водкой).

Как-то в больницу приехал Прокопий Кузьмич Кузьмин – начальник экспедиции и после обычных, приличествующих случаю, расспросов о здоровье – перешел к главному.

Нужно в этом году писать отчет и подсчитывать запасы по «Соколиной», а писать некому. Так нельзя ли рассчитывать на меня, имеющего достаточный в этом деле опыт?

Предложение устраивало полностью, т.к. нога работе не препятствовала. Договорились, что в гостинице будет снят «люкс» (отличающийся от обычных номеров наличием туалета и умывальника), а все лечебные процедуры организуют с доставкой больного экспедиционным транспортом в ближайшее лечебное учреждение по мере надобности.

Привожу несколько отрывков из писем матери отцу, лежащему в Иркутске с переломанной ногой из Крестях. Январь 1951 г. «Дорогой Володя! ... От тебя ничего не получала, кроме одной общественной телеграммы. Почему не сообщаем подробно положение с ногой, была ли операция или так обошлось. ... В данное время болен Вовка – начинается вторая стадия коклюша, очень кашляет, похудел, ночью кричит, хорошо еще, что Поля до сих пор не улетела, помогает. Ясно, что к 15 февраля – началу занятий я в Ленинград не попаду. Кроме того, я только приступаю к отчету, его нужно написать. Как бы не заболела еще и Милка – инкубационный период еще не прошел. Ко всему не знаю как бросить работу, все-таки я больше всех здесь в курсе дела, надо строить фабрики и прочее оборудование должно начать поступать... Если сможешь, организуй посылочку (лапши хотя бы), здесь становится все хуже, нет даже спичек, мясо очень трудно купить, местное население нагоняет цены, деньги по-прежнему выдаются маленькими авансами, перевести ли тебе деньги? Доверенность твою посеяла при переезде в другую комнату. За спиной живут Бичевые, плохо, что приходит к ним народ разный, но пока без шума. Крепко тебя целую. Поправляйся .Вера».

15.02.1951.»Дорогой Володя! Сегодня ожидается Унчеев. Спешу тебе черкнуть. Хорошо, что у тебя с травматизмом как будто дело улучшается без особых трудностей и страданий. Дома у нас положение такое – Маня ушла в тот же день, как улетела Поля. Временно дома с ребятами водится тетя Надя (Бичевая), но это только временно, она болеет и ей трудно. Пришлось предложить даже той старухе, но она отказалась, вернее не пускает дочь, т.к. некому оставаться дома. По этому вопросу прошу тебя разузнать в Иркутске... Кузьмин говорит, что привезти сюда имеем право... Вова по-прежнему еще сильно кашляет, по-моему к коклюшу прицепился бронхит... С пищей совсем хана, не могу достать масла, из круп одна пшенка, картошки нет. Вчера я прилетела из Вилючан – пятый день там торчала, т.к. после отъезда Кузьмина и Фанштейна оттуда, поломался самолет – хандрит мотор, летчик новый. Сегодня лечу на Рыбачий вслед за начальством, сейчас меня требуют все партии для разрешения всяких дел, начинают строиться фабрики. На Велючанах раздобыла немного муки, но не привезла с собой, там тоже ничего не найдешь без особых способностей. Дала Клаве Кашкиной 200 руб.. из Витима кое-что они мне послали: селедки, пряников.

Деньги получаю авансами, вознаграждение по-прежнему зажимают, впрочем, кажется, я одна не получила. ...Пошли, пожалуйста, Вове соски (из оставшейся соски он захлебывается), расческу, крахмал для киселя Вове. Милка здорова».

23.02.1951. «Дорогой Володя!

Сегодня летит Иван Васильевич, посылаю с ним письмо. Чемодан с содержимым получила, также передала письмо Григорию Хаимовичу. За посылку спасибо, закрыла чемодан на ключ и выдаю «иждивенцам» понемногу, иначе сразу все исчезнет. Часы ходят хорошо, головка не вылезает, чувствуется, что починка качественная. Сюда кое-что привезли из продовольствия из Якутска, но при нашей системе распределения вряд ли что получишь, надо караулить и толкаться в магазине, а у меня нет времени.

Вова все еще кашляет, иногда кашель со рвотой, но приступы стали меньше, у него еще сравнительно легкая форма; здесь одна девочка 3-х лет умерла от коклюша в тяжелой форме. Временно у меня сейчас живет одна женщина, знакомая Бичевых с Соколиного, но она в положении и через полмесяца должна рассыпаться.

Получил ли ты мое письмо, посланное с Унчеевым? Я писала, чтобы ты связался с Кл. Кашкиной относительно няни. Последние две недели я ездила с Кузьминым и Файнштейном по партиям, отчет поэтому задержался. Кончу, вероятно, не раньше, чем

через 2 недели. Выдают ли тебе материалы, пишешь ли годовой отчет. Ермаков мне сказал, что материалы выдают.

Мне бы лучше всего ехать в отпуск после начала обогащения в мае или июне, как тут все бросишь, если не пущены еще фабрики. Хорошо бы поехать вместе, но у нас по-видимому ничего не выйдет, ты ведь собираешься скоро. Мне бы хотелось проехаться на юг, можно даже с Милкой, но одной мне нет смысла.

У меня в апреле кончается бронь на квартиру, кому нужно сообщить, чтобы продлили? Скажу Кузьмину, перевод тебе сделали, 18 кажется, как сказал Григорий Хаимович. Я тебя попрошу прислать с попутчиками расческу, чулки Милке, пилюли Айрон, и если есть томат, вермишель, гречку. Кроме того ДДТ для морки тараканов.

Мих. Лаптева видела, кисель он пока не передавал, хорошо бы если бы приехал Гуцин сюда. Из Гридиной, что-то неважно получается. Кузьмин предложил отпустить обеих в отпуск и я наметила поставить пока нач. фабрики Евсригиива – он не пьет и работает хорошо. Но Лаптев мне рассказал, что Зина Казакова вышла замуж, и я теперь боюсь, как бы он опять не запил. Минченкова перевели в Орловскую экспедицию, постепенно и знакомых не окажется – старые кадры заменит молодежь. Пиши, как твоя нога, вибрирует или уже нет, не пойму – ходишь ты на костылях или без оных. Крепко тебя целую Вера.»

25.02.1951.»Дорогой Володя! За эти два дня такие семейные события. Милка болела гриппом, сейчас жалуется на горло. Вероятно, простудила ноги, бегая на улице в своих тонких валенках и без портянок, о чем я не знала.

Вовка кашлять стал немного меньше, меня беспокоит, что ему почти уже 7 месяцев, а он еще самостоятельно твердо не сидит и зубов еще нет, хотя десны «зудятся», очевидно материала для костей недостаточно, хорошо бы ему давать витамин «Д», но его нет.

Достала чеснок и Милку им кормлю, т.к. она жалуется на зубы и десна кровоточат... Сегодня воскресенье, буду дома писать отчет, в камералке шумно, работать мешают и я не могу как следует сосредоточиться, а дома работать можно пока Вовка спит».

Февраль, 1951 г. «Дорогой Володя! На Якутск не полетела потому что 1) нет денег, 2) больна Мила гриппом, t – 39, 3) нет разрешения на выезд, 4) физически не могу столько времени болтаться в воздухе (через Алдан, Читу). На днях будут самолеты ходить на Витим, тогда полечу. Вова от коклюша поправляется, но у него есть признаки рахита, поэтому я тебя просила послать витамин «Д», «А» и другие, яблок, сухофруктов. Кормить его совершенно нечем, да вообще нет ничего, спасибо Клаве Кашкиной послала с последним Унчевым томат, лук и макароны, на этом пока держимся. Целую Вера. Почему ты ничего не пишешь.» И таких писем-просьб о помощи прислать что-нибудь поесть достаточно.

03.03.1951 «Дорогой Володя! Сегодня видела Полякова Н.М. Он сказал, что заходил к тебе, что нога не срывается и возможна операция. так ли это? Что же это такое за невезение и что смотрели врачи, когда накладывали гипс? неужели нужно опять ломать ногу? Сообщи обязательно. хотя бы телеграфом положение с ногой. Пишешь ли отчет? А я уже решила, что тебя можно скоро ждать, П.К. сказал, что ты скоро должен приехать. Я три дня провалялась с гриппом – у нас здесь эпидемия гриппа. Сегодня выползла на работу, но чувствую себя неважно. Вчера меня навесил Пр.К., я его с Прокопьевым угостила ликером – пригодились 200 г спирта. которые мне посоветовали выпить для здоровья и который так и простоял без дела.

Между прочим Пр.К. рассказывал про 4-ю комплексную партию. Кажется. что там хорошие условия жизни, русские поселения, хорошее сообщение с Иркутском, жаль только, что неважные перспективы. Для ребят там было бы лучше. Ты меня извини, что я тебе надоедаю всякими посылками, тебе ведь трудно это делать. Может быть это можно поручить хозяйственной части? Нужно главным образом сухой кисель и манки для Вовки. Из заброшенных сюда продуктов выдали 450 гр. лапши и 1 кг соленой рыбы на контору, на детей ничего не дают. Вообще в грош отношение – внимание не уделяется.... Вовка все

кашляет, Милка здорова пока. Не был ли у нее коклюш в прошлом году, когда мы приехали из Медведки в Москву, она долго кашляла. Но, однако, на Медведке никто не болел коклюшем. Крепко тебя целую, поправляйся скорей.»

xxx

Поместили меня в гостинице «Сибирь» и создали группу помощников. Утром начальник спецчасти **Ермаков** привозил материалы, а вечером все забирал обратно. Работа спорилась, ведь на костылях далеко не ускачешь – сиди да по хорошему трудись. Важно и то, что помощники попались отличные: горный инженер **И.В. Потапов**, инженер-обогадатель **Дойникова**, прорабы – **Дойников**, **Урбанович** и другие.

Помогать с отчетом напрашивались многие, но они почему-то доходили до гостиничного ресторана и там застревали, а если и появлялись, то только после отъезда Ермакова и в «мало пригодном» для работы состоянии.

Файнштейн и Буханевич писали в это время 1-й и 2-й тома общего отчета: геологию, геоморфологию и раздел поисков по каждому их участков. Подоспел и отчет Белова по работам 129 партии.

Наша группа завершила отчет в июне, с опозданием против установленных сроков, за что ее глава получил **выговор**, зато на защите ВКЗ отчет получил отличную оценку, ведь это был **первый** подсчет запасов алмазов по Якутии!

В июне приезжал Красулин и вручил Файнштейну и Скульскому значки отличников соцсоревнования. Файнштейну – за открытие особо-важных, а мне – просто «за открытие месторождений полезных ископаемых».

По этому, высокаторжественному случаю, награжденные устроили маленький банкет, для узкого круга приглашенных. Когда все закончилось, гости разошлись и начались подсчеты, выяснилось, что денег не хватает. Файнштейна администрация оставила «в залог», а Скульский «запрыгал» на своих костылях в сберкассу за «подкреплением».

Инцидент был улажен.

Когда все отчетные дела были завершены, я уехал в Ленинград, долечиваться и в Крестээх уже не возвратился.

В полевых работах партии в 1951 г. участия не принимал и по этой причине о деятельности 2 ВКП с 1.1.1951 г. – пусть расскажут другие очевидцы и участники событий.

xxx

1950 г. был годом становления Амакинской экспедиции и **началом** большого пути, который привел к открытию первого коренного месторождения **алмазов** – трубки «Зарница» на Далдыне в 1954 г. и большого их числа в 1955 г., а также трубки «Мир» в бассейне р. м. Ботуобия в 1955 г.

Но в то время (о котором здесь рассказано) поиски алмазов велись только по самим алмазам, а наши представления о коренных их источниках были весьма туманными.

Файнштейн считал, что это какие-то дериваты ультраосновных пород, возможно связанные территориально с траппами и мы с ним соглашались. Были и такие высказывания, что алмазы принесены с Витимо-Патомского нагорья или, даже, чуть ли с Саян... Для нас, практических работников, было очевидно, что для Вилюя и Мархи имеются свои, не зависящие один от другого источники, и их следует искать, продвигаясь со своими работами – поисками россыпей все дальше на север.

Мы предполагали, что россыпи приведут нас, в конечном итоге, к своим источникам, что и получилось на самом деле.

За время моей болезни во 2-й ВКП произошли следующие изменения. Начальником ее был назначен **Евгений Петрович Орлов**, бывший на Урале начальником Петровской экспедиции, куда входила Медведкинская партия; главинженером оставался В.А. Буханевич, а главным геологом стал Г.Х. Файнштейн.

Партии 2-ой ВКП продолжали свои поиски в среднем течении Вилюя, в том числе – выше Сюльдюкээра, а бассейн р. Мархи выделился в самостоятельный объект, подведомственный вновь созданной 4-ой Восточной Комплексной партии.

ЧЕТВЕРТАЯ ВОСТОЧНАЯ КОМПЛЕКСНАЯ ПАРТИЯ (4 ВКП)

Когда была организована 4-я Восточная Комплексная партия, или по простому – 4 ВКП – не знаю, по видимому 13/XI -1951 г. (т.е. тогда же или чуть раньше издания приказа о переводе). В то время я долечивался в Ленинграде, 22/ XI1 прошел ВЭКК (Врачебную экспертную комиссию), установившую общую утрату трудоспособности, а в январе или феврале... отправился в Москву и оттуда к месту нового своего назначения – в Нюрбу (разумеется с явкой в Иркутске, где находилась в то время экспедиция).

xxx

Четвертая комплексная партия была организована на базе одной из комплексных партий Орловской экспедиции 3 ГТУ, работавшей на Ангаре.

Ее начальником был назначен **Хотинок Петр Маркович**, а замом по АХН (административно- хозяйственной части) – **Брагинский Илья Григорьевич** – оба из Орловской экспедиции; замполит – **Сычев**, старший обогатитель – **Туголукова**, главный бухгалтер – **Кузнецов**, главного инженера не было. Позднее, возможно осенью 1952 г. или в начале 1953 г. главным инженером назначили **Концегова Владимира Терентьевича**, работавшего до перевода в 4 ВКП в аппарате министерства.

Во второй комплексной партии, так же произошли изменения – ее начальником утвердили **Евгения Петровича Орлова** – бывшего до того начальником Петровской экспедиции на Урале, а главным геологом назначили Г.Х. Файнштейна. Замом Орлова стал **Куликов** – также работавший с ним на Урале, а главным инженером остался Буханевич.

К 4-й ВКП отошли следующие территории: река Вилюй – к востоку от устья р. Ыгыатта, весь бассейн р. Мархи до ее истоков, бассейн ее правого притока р. Маркоки – к востоку от 114-го меридиана, река Тюнг и междуречье Тюнг – Марха.

За 2-ой ВКП оставались бассейн р. Вилюя до Ахтаранды . (За точность северо-западной границы не ручаюсь), бассейн Ыгыатты (Бассейн Ыгыатты был «захвачен» Файнштейном «явочным порядком». Туда был послан **Хабардин**, развернувший поиски, которые, как выяснилось после, были мало удачными) и бассейн реки Моркокки к западу 114 градуса в. д., то есть все те районы, на которые Г.Х. Файнштейн возлагал надежды, что там находятся коренные месторождения алмазов и богатые россыпи.

В наследство от 2-й Комплексной партии – 4-я ВКП получила 129-ю партию, обосновавшуюся на «Верхних Островах» в урочище Чумпурук в январе-феврале 1951 г.

Прочие поисково-разведочные партии - №№ 40 и 42 передавались Орловской экспедицией для работ на Мархе и Моркоке и должны были направиться в свои районы не ранее июня 1952 г.; для работ на Тюнге следовало сформировать партию № 144, а для поисков углей и стройматериалов намечалась организация партии № 147.

xxx

Во многих литературных трудах, посвященных якутским алмазам повествуется об отдельных героях-одиночках, на фоне серой, безликой массы остальных деятелей. «Герои» проявляют самостоятельность, действуют вопреки всяких установок «консерваторов» и направляют свои стопы, куда ему или им, вздумается.

Подобные высказывания возможны либо по полному незнанию обстановки, либо по тому, что «творчество» заказное и автор пишет то, что ему «подсказывают».

В действительности все обстояло совсем иначе: летние выезды Красулина, Меркурьева, а главным образом Букова, проводились с целью выяснить обстановку, ознакомиться на месте с объектами, наметить вместе с исполнителями направления работ – вплоть до разметки линий и выработок, а после требовать неукоснительного исполнения проектов работ, а также требований и указаний Главка.

В качестве примера такой «опеки» и наблюдения за строгим выполнением заданий может служить сохранившийся в записной книжке «наказ» А.П. Букова, полученный в январе 1952 г., по пути в Иркутск.

Привожу запись полностью.

1. Привести в порядок «Верхние Острова». (К разведке россыпи партия № 129 приступила в начале 1951 г. Однако, по незнанию и отсутствию опыта были допущены большие ошибки, работу пришлось забраковать и переделывать заново). Россыпь сделать образцово. Северная линия, если она не пройдена, может быть сдвинута согласно общепринятых – расстоянию до 300 метров.
2. Сделать инструментальную съемку (разведываемой россыпи) в масштабе 1:2000.
3. С каждой пробы (понимается крупно объемная проба) взять пробы на определение содержания шлиха.
4. Гранулометрический состав (определять) с каждых 10 м³ а размере 0,5 м³ (пробы брать послойные через каждые 2 м), отбирая среднюю пробу в процессе проходки (тоже и со шлихом и тяжелой фракцией).
5. Отчет сделать с расчетом его утверждения в конце 1952 г., для передачи (в Главк) в 1953 г.
6. Отчет писать мне (Скульскому В.Д.).
7. Прирост запасов на 1952 г. принять в количестве 20-50 тыс. карат.
8. Обеспечить прирост запасов на 1953 г. в количестве 50000 карат (по экспедиции).
9. Амакинской экспедиции подготовить в июле 1952 г. проекты на 1953-1954 гг.
10. Опробовать большее количество пунктов, чем было предусмотрено : на Моркоке 2 пункта, а также ниже и выше «Верхних Островов».
11. На Тюнге ставить работы в верхней части у западной рамки планшета.
12. Обратит внимание на Тюкэн.
13. С Хотинка будет содрана шкура за сиденье на месте и неподготовленность, т.к. район находится под контролем высокого руководства Министерства.
14. При поисках задавать по 2 линии канав на косе – в головной части (метров за 200 от головки и вторую линию проходить за 400-800 м от первой). Выработки проходить в центральной части через 20 м, опробуя не более половины ширины косы на каждой линии. На участках ниже «Верхних Островов» проводить разведку на С2. Объем пробы при поисках 2,25 – 2,5 м³ с погонного метра без послойного опробования (речь идет о шурфах на террасах).
15. На «Верхних Островах» пройти на 800-1600 м 2 линии выше и ниже островов с пробами через 10 метров сплошным пересечением, при ширине канавы 1 м. Объем пробы с пересечения = длине X мощность (Некоторые из этих наказов были совсем не выполнимы и пришлось их деликатно заменить на то, что можно выполнить без особого ущерба, соблюдая при том качество разведочных работ).

Наказ В.С. Красулина

1. Основное – обеспечить, чтобы в IV квартале геологическая служба была налажена **безукоризненно**.
2. Побывать в Вилуйске у **Староватова Петра Хрисановича**, он местный сторожил, краевед и работы **на Мархе и Тюнге проводятся по его заявке**.

Установить с ним контакт, «подкармливать» и получить у него все материалы. Староватов П.Х. Член партии с 1920 г., имеет коллекции, которые следует привести в порядок и разыскать его материалы. ...

Как видится **«наказы»** чрезвычайно детальные, категоричные, исключающие всякие вольности со стороны «добрых молодцев», о которых сообщают авторы творений, претендующих на правдоподобность...

Были наказы со стороны начальника отдела кадров **Авдеенко П.У.**, предлагавшего выгонять лодырей и дебоширов и др. нарушителей.

xxx

В 1952 г. Амакинская экспедиция объединяла 5 комплексных партий: 1-ю на Тунгуске с базой в селе Ербогачен, 2-ю на Вилное с базой в пос. Крестээх, 3-ю в Накано, 4-ю в пос. Нюрба и 5-я, где-то возле Иркутска.

Намечалось создать 6-ю комплексную партию, для проведения всяких камеральных и лабораторных работ. начальником экспедиции оставался П.К. Кузьмин, главным инженером был **Б.Я. Корешков**, главным геологом М.А. Гневушев, а заместителем вместо ушедшего Сапезуса – П.И. Медведчиков, старшим обогатителем – В.В. Румянцева...

xxx

Из Иркутска выбирались в течение нескольких дней – то не пускал короткий «световой день», то погода на трассе оказывалась плохой. Но, наконец-то, мы выбрались. Я летел на ЛИ-2 командира Безродного, который вез грузы в пос. Нюрба, а 2 самолета ПО-2 – шли для работы в партиях.

Ведущим – (старшим группы) был летчик **Могилянский**, а ведомым – летчик **Волченков**. С ним, как положено, летел борттехник и женщина – прораб- геолог, направленная в 4 ВКП. Легкомоторные самолеты успели выскочить на сутки раньше и ушли в Усть-Кут. С ними должна была состояться встреча в городе Киренске.

Встретил нас один Могилянский. Он сообщил, что самолет Волченкова где-то поблизости Усть-Кута потерялся...ЛИ-2 разгрузили и Безродный немедленно ушел в **поиск.**, оказавшийся безрезультатным. Полетели телеграммы в Иркутск. Мне приказали продолжать путь, а поисками занялась специальная группа и тоже безуспешно. Через месяц Волченков вышел из тайги сам. Посадка была умышленной. Волченков застрелил борттехника и после женщину. Что явилось поводом их убивать, не знаю. Волченкова осудили на большой срок. О подробностях лучше не рассказывать...

xxx

Партия 129 обосновалась на левом берегу р. Мархи, в урочище Чумпурук в начале 1951 г. и приступила к детальным поискам, а правильнее будет сказать – к разведке галечной косы, названной «Верхние Острова», где стараниями Зои Ищенко, летом 1950 г. в мелкообъемной пробе найдены 6 первых Мархинских алмазов.

Разведочными работами занимался начальник партии В.Б. Белов, а геологи В.П. Усов и вновь прибывший **Виктор Ефимович Пастухов** летом 1951 г. отправились в маршрутные поиски и провели опробование 2-х галечных кос – («Нижней» и «Порожней») по р. Моркоке и галечной отмели по р. Мархе – выше впадения Моркоки, где также обнаружили мелкие **алмазы**. В то время, когда Усов занимался опробованием, Пастухов спустился вниз по течению, провел съемку долины Мархи до пос. Малыкай (повторил работы 1950 г., которые были не вполне удачными) и составил очень толковый отчет по проделанной работе и карту долины реки. Он выделил также несколько объектов по

Мархе, ниже и выше Чумпурука, заслуживающих внимания. Эти рекомендации легли в основу опробовательских работ 1952 г.

Разведочными работами на «Верхних Островах» ведал начальник партии В.Б.Белов. Но, видимо, по неопытности, а возможно из-за желания сделать «лучше – хорошего», разведка была проведена методически неправильно и ее пришлось в 1952 г. переделывать.

К зиме 1952 г. 129-я партия полностью «обустроилась». Все жили в деревянных домах (пусть временках, но это были дома, а не палатки!), была построена обогатительная фабрика, устроен рудный двор и имелось все необходимое для работ.

Состав партии был (по сохранившемуся на 1.04. 1952 г.) по списку следующий: начальник партии и геолог – В.Б. Белов; зам. начальника по хозяйству – **Суханов С.И.**; главный бухгалтер – **Юрчук Д.Г.**; прораб **Власкина А.С.**; старший коллектор Ищенко З.Г.; коллектор **Харитонов В.П.**; коллектор **Сметанин Н.**; старший мастер обогатитель **Черных**; мастер обогатитель **Касторный**; радист **Толстобров И.А.** (в отсутствие Белова, исполняющий обязанности начальника); секретарем была его жена – **Е.П. Иванова**, а зав.конным двором – **Корнев М.И.**

На горных работах трудились 9 бригад – 27 человек, и обслуживающий их персонал – 12 человек: креподелы, заготовщики дров (т.к. все выработки проходились на пожар) и др., имелось 22 лошади – задолженные на перевозке дров и вывозке «песков».

Механический транспорт в то время отсутствовал и выручали во всем лошадки... Обстановка в партии была в 1952 г. далеко не блестящей. Белов все время «воевал» с Власкиной и Сухановыми и, как мне представляется, по вполне не принципиальным мелочам. Его отношения с Хотинком были также натянутые. Вскоре в партию прислали начальником **Цатурова**, а Владимир Борисович занялся прямыми геологическими делами. Цатурова сменил мастер-обогатитель **В.С.Ерж**, после, в 1954 г. был **Долженков** – тоже мастер, а по прежней специальности авиатехник, но хозяйственный и весьма «пробойный» мужчина. Последним начальником был в 1955-1958 гг. **И.Е.Чернышев** – горный инженер, бывший до того начальником горного надзора в Иркутске.

Что касается времени, о котором идет рассказ, т.е. периоде деятельности – 4-ой комплексной с ноября 1951 г. по октябрь 1953 г. – то в этот период партия провела разведку в средней части Энэрдэской излучины р. Мархи и подсчитала запасы на отрезке от «Верхних Островов» до нижней оконечности косы «Молодежная», расположенной в 3-4 км ниже «Островов».

В написании отчета помогал Виктор Павлович Харитонов. Тогда еще совсем мальчик, но очень толковый и, как говорится, перспективный геолог, а тогда только техник. Отчеты за 1952 и 1953 гг. были утверждены ВКЗ с **хорошей** оценкой.

В 1952-1953 гг. в партию прибыли только что окончившие вузы, молодые специалисты: **Ненахова, Лойбова** и инженер-обогатитель **Н.А. Павлов**.

К концу 1953 г. партия 129 была самой крупной и «обещающей» в системе 4-й ВКП. Работы велись в пределах всей Энэрдэской излучины: в русле, на галечных косах, отмелях и террасах р. Мархи. Уже к концу 1953 г. выяснилось, что в среднем течении р. Мархи – примерно от устья р. Мюмилема до косы «Молодежная» и ниже – алмазы **покрепнее**, а ниже Энэрдэской излучины и выше Моркоки, они помельче Энэрдэских, т.е. район деятельности партии 129 характеризуется **аномальной** крупностью алмазов, что свидетельствует о каких-то своих источниках поступления полезного ископаемого, питающих Энэрдэскую излучину и бассейны ее левых притоков – р.р. Накын, Мюмилему и др. Будем надеяться, что эти источники рано или поздно, но будут обнаружены...

Партия № 42, ранее работавшая на Ангаре, была передана 4-й ВКП в начале 1952 г. в несколько «урезанном» составе. Из геологов никто не приехал. В Нюрбу прибыли только мастер-обогатитель **Сильченко Василий Иванович** с женой Верой Дмитриевной – инженером-обогатителем; старший мастер Ерж Василий Сидорович с женой – лаборантом обогатителем, прораб-геолог **Лазаренко Иван Михайлович**, окончивший техникум в

Семипалатинске в 1949 г.; завхоз **Василий Григорьевич Ступин** и несколько человек рабочих.

Первым ее объектом намечались галечная коса на левом берегу Вилюя, расположенная несколько ниже деревни Антоновская, с объемом горных работ и обогащения по 200 м³ и район деревни Хампа в долине р. Ыгыатта (с горными работами – 400 м³ и обогащения 300 м³). Но Хампу «захватил» Файнштейн и 4 ВКП запросила разрешения заменить поиски на Ыгыатте, опробованием в районе поселка Улахан-Кюэль, выше которого, в расширенном участке русла р. Мархи, находилась большая галечная отмель, выделенная в 1951 г. В.Е. Пастуховым и нареченная им «Озерной».

Работы на участке Антоновской выполнили в сжатые сроки. Горные работы и документацию выработок проводил **Лазаренко**, а обогащением занимался В.С. Ерж. Алмазов не нашли и в дальнейшем работы на Вилюе прекратили.

Организацию работ на «Озерном» поручили В.И. Сильченко, энергичному и очень инициативному товарищу.

В начале июня персонал со всем имуществом партии погрузили на 2 баржонки и катер ЛУРПа, по высокой воде дотянул их до назначенного места.

После спада приступили к работам и в первых же пробах нашли **алмазы**. Камешки были мельче чем на «Верхних Островах», да и содержание их было похуже.

Вскоре на «Озерный» приехал Виктор Ефимович Пастухов, утвержденный начальником партии, а геологом назначили **Тамару Александровну Пастухову** (его супругу). В 1953 г. начальником стал **Н.А. Трифонов**, а Виктор Пастухов занял должность старшего геолога. После в партии работали: **В.В. Заикин**, **В.Г. Заикина**, инженер-обогачитель **Павлов**, переведенный из партии № 129, прорабы **Бобков**, **Шинков** и другие.

На Мархе партия № 42 проработала до 1957 г., затем ее перевели для поисков и разведки под № 247 в бассейн реки Оленек – на ее притоки Беенчима и Куойку.

На Средней Мархе партия № 42 провела работы от Энэрдэкской излучины (границы работы партии № 129) до пос. Малыкай, обследовав отрезок долины протяженностью около 180 км, а если считать по реке со всеми излучинами и притоками – то около 300 км.

Алмазы (в основном мелочь) установлены на всей опойсковой территории при низком их содержании.

Партия № 40 первоначально входила в состав Орловской экспедиции на р. Ангаре и, в связи с ликвидацией работ в тех районах, была передана 4-й комплексной партии для поисков на р. Маркоке, самом крупном притоке р. Мархи.

Партия прибыла во главе со своим начальником т. **Касиловым**. Приехали старшие мастера – обогатители **Бойко**, **Прищепа**; прораб-геолог **Козырев** и другие ИТР. Костяк партии – горняки-забойщики были в основном **сибиряки** – ангарцы – народ надежный и работающий. Геологами назначили **В.П. Усова** и **И.В. Потапова**, а прорабами – чету **Урбановичей**.

Партия выбралась из Нюрбы в начале июня на 2-х небольших баржах, на которых в великой тесноте разместились люди, их имущество, инвентарь, все снаряжение и годовые запасы горючего и продовольствия, ведь путь лежал в места совершенно безлюдные и бездорожные, удаленные от ближайшего жилья на сотни км. Баржи тянули 2 катера ЛУРПа, обязанные доставить партию на Маркоку, после чего они возвращались в пос. Нюрбу. Лошадей, (10-12 голов) гнал берегом завхоз **Ступин** с 3-4 рабочими. Им следовало пройти без дорог и троп около 800 км.

Катера дошли до устья Маркоки, а дальше их капитан двигаться оказался, мотивируя свое решение тем, что никто из шкиперов по Маркоке не плавал и они опасаются, что не пройдут через тамошние перекаты и где-нибудь в пути «обсохнут» и до осеннего паводка не попадут в Нюрбу.

Выручил партию случай. В Нюрбу, для ознакомления с районом, приплыла из г. Якутска (?) комиссия МВД во главе с геологом **Грибиным** (полковником МВД). В

составе ее находились главный обогатитель Уралалмаза, главный геолог Медведковского прииска **Р.К. Юркевич**, майор **Брешенков** и другие. От 4-ой ВКП с ними в качестве представителя 4-ой комплексной партии и сопровождающего отправился и пишущий эти строки.

Комиссия размещалась на барже, которую тянул пароход. Посмотрели «Озерную», «Верхние Острова» и решили дойти до Моркоки. А там, в устье реки, обнаружили Касилова и его народ. Грибин согласился помочь, а лурповцы не осмелились возражать...

Баржу отцепили, людей и их скарб погрузили на пароход. Миновали опробованные Усовым участки и в 25 км, выше последнего, обнаружили отличный галечный остров, с которого и порешили начинать опробование. Косу назвали «Гусиная» из-за большого количества гнездившихся там диких гусей. Часть птенцов уже вывелась, но некоторая часть птиц оставалась еще на гнездах.

С рабочими плыли зверовые лайки – «лосятницы» и «медвежатницы». Едва оказавшись на берегу, они вмиг расправились со всей гусиной молодежью и людям удалось спасти только одного гусенка, взятого под защиту мастером Прищепой и названной ею Кузькой. (Дикие гусята быстро привыкают к людям и следуют за ними как собачонка. Тоже произошло и с Кузькой. По утрам он забирался в постель своей хозяйки и будил ее, а когда она отправлялась на установку, ковылял за ней. Перед установкой лежали пробы, подвезенные на обогащение, а на каждой бирка (где написан № и объем пробы). Прищепка идет и поправляет упавшие бирки, а Кузька ковыляет сзади, выдергивает бирки и кладет их рядом – старается подражать хозяйке.

Чтобы собаки не съели Кузьку, их собрали, потыкали носом в Кузьку и для профилактики попорол. Собаки это учли и обходили гусенка, а он наоборот – понял, что его боятся и шипел на собак.

В распоряжении партии имелись две лодки с установленными стационарными моторами. На них В.П. Усов и Г. А. Бойко с группой рабочих поднялись вверх по реке до западной границы наших работ (114 градусов восточной долготы) и, сплывая вниз, опробовали все приметные косы и отмели вплоть до «Гусиной».

С Усовым я договорился, что отряд будет вести опробование «на констатацию», т.е. с малыми объемами проб – по 10-15м³ на объект. Отбирать пробы следует в головной части отмелей и кос, где наблюдается повышенное количество черного шлиха (тяжелой фракции).

Таким образом, отряд вместо 1-2 объектов сумел за лето сделать 6 или 8 точек и установил, что русловые отложения р. Маркоки содержат мелкие **алмазы** (а чаще осколки) и что содержание их в отложениях ничтожное.

Таким образом, **алмазы** были прослежены партией вверх по реке, от устья на 225 км, а это значит, что где-то (предположительно в верховьях) имеются свои коренные источники. Забегая вперед, скажем, что в 1958 г. съемочная партия **Г.М. Покровского** обнаружила в русле р. Маркоки **кимберлитовое тело**, что подтвердило наши предположения.

На Маркоке партия № 40 проработала около 3-х лет (1952, 1953 и почти весь 1954 год) и была перебазирована в 1955 г. на р. Марху, на участок Подпорожный, для поисков от устья р. Маркоки до р. Накын и опробования правых и левых Мархинских притоков. Позднее – в 1956 г. партия № 40 была включена в состав партии № 129.

Организация **партии № 144** предшествовала поездке в апреле 1952 г. в г. Вилуйск к **Петру Хрисановичу Староватову**. Жил он по адресу ул. Гуляева д. 6 – в большом, старом одноэтажном доме. Петру Хрисановичу было что-то около 80-ти лет. Небольшого роста, лысый, волосы седые с прозеленью, вислые седые усы – таким он мне запомнился.

Староватов был очень дряхлым и память ему изменяла. Никаких коллекций и записей дома у него не сохранилось. Петр Хрисанович рассказал, что почти со всеми исследователями, побывавшими в прежние годы на Тюнге, Мархе и Среднем Вилкое, он ходил в качестве **рабочего** или **проводника**. Что о своих предположениях о наличии

алмазов и других полезных ископаемых он, в свое время, писал в Москву, но... как говорится – «несть пророка в своем отечестве» - и на его писания никто внимания не обратил.

О мархинских алмазах мне он ничего не сказал, возможно, что о них позабылось, а вот о Тюнге он поведал следующее. В тридцатых годах, какой-то агент ГПУ (фамилию он не помнил), отобрал у какого-то кулака (местожительство кулака и кто он – П.Х. также не помнил) – 6 алмазиков. Какова судьба алмазов осталось неизвестным. Известно лишь, что дело происходило в поселке, в верхнем течении р. Тюнг.

Большого П.Х. сообщить не мог. Но его сообщение о наличии **алмазов** в верхнем течении Тюнга, подтвердили работы **партии** № 144 в январе 1953 г.

В 1957 г. Петр Хрисанович Староватов скончался. Наша встреча с ним была первой и последней.

Я считаю, что говоря о первооткрывателях алмазов в Якутии – имя П.Х. Староватова должно быть поставлено в первом ряду, как первого – указавшего путь поисков на Тюнге и Мархе, который завершился открытиями **алмазов** и **коренных** месторождений на Далдыне.

Партия № 144 организовалась в июле. Из Нюрбы она направилась на пароходе ЛУРПа, который доставил ее только до пос. Огулятцы (предпоследнего населенного пункта по р. Тюнг). Дальше капитан отказался идти, высадил в Огулятцах весь народ и уплыл в Нюрбу.

В самих Огулятцах делать партии было вовсе нечего, а пробираться вверх по Тюngu по обмелевшей реке, без лодок и прочих плавсредств – было невозможно. «Командовал» переброской В.И. Сильченко, но и он, несмотря на присущую ему энергию, ничего не мог поделать, он смог лишь сообщить по радиации в Нюрбу о случившемся и ждать.

Я прилетел в Огулятцы на самолете По-2, слетали мы вверх по реке на аэровизуалку и выяснили, что галечники, интересные для опробования, находятся, по меньшей мере, в 2-х км выше по Тюngu и что добраться туда при создавшихся условиях, удастся только санным путем.

Чтобы как-то занять людей – взяли пробу на близлежащей отмели из отложений, в которых встречалась галька. Проба эта ничего не дала и опробовательские работы вблизи Огулятцы прекратились.

Поисково-разведочный отряд просидел в Огулятцах до ледостава. Когда установился санный путь, Сильченко, прораб **Бородатов**, мастер Суханов и весь народ (фамилии и имен их я не помню) двинулись вверх по реке. Добрались до излучины р. Тюнг, где располагался галечный остров, названный «коса Антоновская». Обосновались на левобережной террасе реки и приступили к горным работам. Зимой туда приехал геолог **Касьян** с женой, назначенный начальником партии.

В январе 1953 г., в сооруженном тепляке, Сильченко и Суханов обогатили несколько кубометров галечников и нашли **первые** 5 алмазов, установив, таким образом, алмазоносность русловых отложений р. Тюнг.

Заслуга в этом принадлежит в первую очередь В.И. Сильченко, А.Бородатову, Суханову, а также Касьяну.

Надо сказать, что существенную помощь партии оказал В.С. Трофимов, который поднялся по Тюngu до Чимидикээнэ – его левого притока. Я осматривал Тюнг сверху и на косы самолет не садился. Трофимов же со своей партией плыл по Тюngu на своей баржонке, влекомый своим катером, видал воочию все Тюнгские косы и отмели и, возвращаясь обратно, подробно информировал Сильченко о виденном, чем партия № 144 – воспользовалась. В общем мои наблюдения с воздуха и Трофимовские наземные – совпали.

В Огулятцы прибыл и 2-й геолого-геоморфологический отряд под началом А.Ф. **Китайкина**, окончившего в 1951 г. Иркутский университет. Он должен был подняться вверх по реке вместе с основной группой, а затем, сплывая вниз – провести геолого-

геоморфологическое описание долины и выделить участки для опробования. Поскольку основная группа застряла в Огулятцах, Китайник начал свой путь от них вниз по реке и в середине-конце августа прибыл в Нюрбу.

Первое обнажение по Тюнгу он описал более-менее подробно, а дальше, увидев, что все они похожи одно на другое, писал: «обнажение 12 аналогично 11-му»; «обн. 13 – аналог. 12-му» и т.д. За такую «рационализацию» он и я получили по выговору (я – за то, что не научил своего подопечного уму-разуму, он – за леность и «рационализацию») – оба за дело.

Что касается поисковых работ на косе «Антоновская» и в русле Тюнга, то они были проведены вполне грамотно.

Летом начались обогатительные работы, которые дали сравнительно много находок.

Не помню по какой причине, но Касьян ушел из экспедиции и начальником партии был назначен **Перфильев**. При нем, в августе 1953 г. поселок партии полностью сгорел (был уничтожен лесным пожаром). Этот пожар начался где-то в бассейне р. Линдэ и медленно шел на запад. Остановить его своими силами партия вряд ли смогла, если бы даже мобилизовала всех и занялась его тушением. Ширина полосы огня была около 15-20 км и люди ограничились пассивным ожиданием в надежде, что пойдет дождь и пожар погасит. Дождь не пошел, а огонь дошел до берега Тюнга, спалил нацело поселок и лишь тогда погас.

Из людей никто не пострадал, большую часть имущества и часть продовольствия перевезли на правый берег, а бочки с горючим скатили в воду. Но часть продовольствия все же сгорела.

Не могу не упомянуть добрым словом командира аэрофотосъемочного отряда Степанова, базировавшегося в Нюрбе, и проводившего в тот год залеты в бассейне Марха-Маркока.

Сперва он слетал на сброс продовольствия, но сброс прошел неудачно – неправильно затаренные мешки с мукой, буквально взрывались и на месте падения оставался лишь след от муки. Тогда он решил сесть на галечную осередковую косу длиной около 700-800 м, расположенную в 8 км выше «Антоновской», с валунами на поверхности и совершил на нее мастерскую посадку.

Косу от валунов расчистили и Степанов был готов начать заброску продовольствия с посадкой на эту площадку. Но... ночью пошла «черная вода». Уровень в Тюнге поднялся на 5 метров за каких-то 5-6 часов и наш «аэродром» затопило.

В память о Степанове, эту косу мы называли «Степановской».

В конце 1953 г. партия построилась вновь, закончила работы на косе «Антоновская» и провела опробование вверх по реке, а в 1954-1955 гг. перебазировалась в верхнее течение р. Тюнга – выше впадения ее левого притока – речки Чимидикээн.

Перфильева сменил в 1954 г. **Иван Евстафьевич Чернышев**, а после его назначения начальником партии № 129 – начальником стал **Капитон Павлович Столбков**. Старшим геологом партии был назначен **Немец**.

Работами партии № 144 была установлена алмазоносность русловых и террасовых отложений рек Тюнга и ее притоков: р.р. Чимидикээн, Тюнгкээн, Бол. Салакута и других.

Алмазы найдены также в отложениях 2 террас р.р. Линдэ и Тюнга.

Партия просуществовала до 1961-1962 гг (?) и была ликвидирована, что касается коренных месторождений алмазов, то в бассейне р. Тюнг до последних лет они пока не обнаружены.

xxx

Для поисков и разведки месторождений бурых углей была в 1952 г. организована партия № 147 во главе с начальником – **Александром Сергеевичем Струговым**. Его помощником стал геолог **Збигнев Владиславович Барташинский** – только что

окончивший Львовский университет – очень толковый и работоспособный молодой специалист.

Начали с разведки пласта **бурых углей**, выступающих в береговом обрыве дер. Антоновское. Эти угли были использованы 4-ой комплексной партией для топлива. Затем, в течение 1952, 1953 гг. и части 1954 г. проведены поиски и разведка углей по Вилую и в нижнем течении р. Мархи.

Разведанные и подсчитанные запасы бурых углей обеспечивали многолетнюю работу крупной ГРЭС, намечаемой в то время к постройке для подачи электроэнергии будущим алмазодобывающим предприятиям на р.р. Мархе и Вилуе.

xxx

В конце лета 1952 г. случилась крупная неприятность. Начальник 4 ВКП – П.М. Хотиник серьезно (вдрызг) перессорился с райкомом, Нюрбинским аэропортом, ЛуРПом и еще с кем-то. Создалась совершенно нетерпимая обстановка. Кое в чем он был прав, а во многом не прав, т.к. не умел и не хотел найти общий язык с районными организациями, без чего работать невозможно.

В августе, перед самым подъемом «черной воды», которой следовало воспользоваться, для завоза грузов в партии, его пришлось снимать. Прилетел из Иркутска, вновь назначенный, начальник экспедиции – директор 1 ранга **Василий Иванович Жерехов**. Начальником комплексной партии он назначил **Михаила Павловича Скорина**, приехавшего на должность начальника то ли 129-ой, то ли 144 партии (все эти события происходили перед отправкой партии 144 на Тюнг).

По счастью, все с завозом обошлось благополучно и уход Хотиника на работах комплексной партии не отразился.

Новому начальнику – М.П. Скорину, помимо продолжения поисковых и разведочных работ на алмазы и бурые угли – пришлось заниматься строительством производственных, служебных и жилых зданий в поселке Нюрба, куда должен был переехать из Иркутска штаб экспедиции.

Когда было принято решение о переезде – мне неизвестно. Знаю только, что подготовительные работы были начаты еще П.М. Хотиником и, в бытность его, построены два овощехранилища, которыми он очень гордился. Но основные строительные работы развернулись при М.П. Скорине.

Для строительства мехмастерской, гаража, конторы была отведена площадь в несколько гектаров и большая территория выделена для постройки поселка геологов.

Из Усть-Кута по Лене и Вилую пришла баржа с лесоматериалами и щитовыми деталями для финских домиков. В 1953 г. было построено здание конторы и к осени того же года основные службы экспедиции. Ее начальник, главный инженер и главный геолог переехали в Нюрбу. (Начальником экспедиции был Василий Иванович Жерехов, главным инженером – Борис Яковлевич Корешков, главным геологом – Михаил Андреевич Гневушев).

В Иркутске еще некоторое время действовала – 6-я комплексная партия, ликвидированная лишь после того, как в Нюрбе были построены необходимые помещения и созданы условия для камеральной обработки полевых материалов и написания отчетов. Все эти работы были начаты и получили частичное завершение в бытность В.И. Жерехова – начальником экспедиции.

В.И. Жерехов умер в 1953 г. случайно от разрыва сердца, в Киренском аэропорту, по дороге из Нюрбы в Иркутск.

Некоторое время обязанности начальника исполнял главный инженер – **Б.Я. Корешков**, а в начале 1954 г. в Нюрбу приехал, назначенный начальником экспедиции, **Михаил Нестерович Бондаренко**, со временем деятельности которого связан расцвет Амакинской экспедиции.

После переезда в Нюрбу руководства экспедиции, надобность в промежуточных звеньях, какими являлись комплексные партии – отпала. Первой, в октябре 1953 г. была упразднена 4-я комплексная партия, следом – 2-я, 3-я и 1-я.

Кстати сказать, поиски на Тунгуске, проводившиеся 1 ВКП не принесли обнадеживающих результатов и работы в этом районе были прекращены.

Ко времени ликвидации, 4-я ВКП объединяла 6 полевых партий: №№ 129 и 42 на Мархе, № 40 на Маркоке, № 144 – на Тюнге, № 147 – по разведке бурых углей и, вновь созданную для поисков в верхнем течении р. Мархи – партию № 167.

Деятельность этих подразделений следует рассматривать как подготовку к новому этапу – периоду открытия первых коренных месторождений алмазов на Сибирской платформе.

xxx

Рассказывая о деятельности 4-ой ВКП, являющейся одним из основных подразделений Амакинской экспедиции, нельзя умалчивать о работах, проводимых смежными геологическими организациями, деятельность которых была чрезвычайно продуктивной и высоко полезной.

Так, в 1952 г. геолог ВСЕГЕИ – **Екатерина Ивановна Карнутова** провела увязочные маршруты и составила по данным аэрофотосъемки геологическую карту бассейна среднего течения р. Мархи; геологами ВСЕГЕИ **И.И. Красновым, В.Л. Масайтисом и Т.Д. Спижарским** проведены полевые исследования на территории Якутии, результатом которых явилась тектоническая карта Сибирской платформы в масштабе 1: 500 000.

Благодаря работам **Н.Н. Сарсадских и Л.А. Попугаевой**, геологов ВСЕГЕИ – открыты спутники алмазов – **пиропы и пикроильменит**, а также **алмазы** на р. Далдын и в 1954 г. – Л.А. Попугаевой открыта первая в СССР кимберлитовая трубка, названная «Зарница».

Работами аэрогеодезического предприятия осуществлена аэрофотосъемка территории деятельности экспедиции и изданы карты масштаба 1: 100 000.

3-ей экспедицией ВАГГ – (экспедицией Ильина) проведена геологическая съемка территории западной Якутии. Составлены и изданы карты в масштабе 1: 1 000 000 и 1: 200 000.

Большие работы выполнены Геофизической экспедицией и многими другими научно-исследовательскими учреждениями и организациями, перечисление этих работ заняло бы не один десяток страниц, да оно и не входит в наши задачи.

Обо всем, что сделано, можно сказать лишь одно – тысячи людей вложили свой труд в дело поисков, открытия и освоения алмазных месторождений. Этот труд дал плоды, которыми Все мы вправе **гордиться**.

Очень хочется, чтобы тот, кому доведется свести воедино все записи, воспоминания и документы, касающиеся открытия и освоения **алмазных месторождений** –отнесся к этой работе со всей серьезностью и добросовестностью, следуя правилу – «никто не забыт и ничто не забыто». Те, кто трудились на алмазном поприще – это **заслужили**. В заключении своих воспоминаний В.Д. Скульский посвятил алмазникам пятидесятих годов стихотворение.

АЛМАЗНИКАМ ПЯТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

Северный ветер. Колючий снег.
Скована льдом река.
Серое небо. За сорок мороз.
Безлюдье, без края тайга.

Кони и люди пробивают «целик».
Прокладывают первый путь.

Дорога трудна, шагать тяжело
И негде в пути отдохнуть.

Ночлег в палатке, в снегу у костра,
А утром снова в поход.
И вновь караван по свету бредет
Туда, где работа разведчиков ждет,
Куда их послала страна.

А там – палатки, без крыши дома
(С засыпкой землей потолка для тепла).
В мороз бьют канавы, копают шурфы
На галечных косах и в русле реки,
А взятые пробы на берег крутой
Вывозят по снегу и моют весной.

Вот так начинались Виллой и Марха,
Работы на Тюнге, Далдыне.
То было началом большого пути,
Пути, продолжаемом ныне.

Теперь, где геолог алмазы искал,
Стоят город Мирный, Удачный, Айхал.

А годы идут и идут чередой.
О многом уже позабылось.
И, нужно ль о том, что прошло вспоминать,
Кого-то хвалить, а кого-то ругать,
За то, что в те годы вершилось?

Мемуары В.В. Скульской (Румянцевой):от Виллюа до Дьяхи

Стоял март 1950 г. Завершилась сдача в промышленную эксплуатацию медведкинской алмазной россыпи на Урале, когда пришел приказ министра геологии П. Захарова: для укрепления Амакинской экспедиции квалифицированными кадрами ИТР, во исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 г., Румянцеву Веру Васильевну, инженера-обогапителя Петровской экспедиции, перевести на должность старшего инженер-обогапителя 2-ой Восточной комплексной партии (ВКП) Амакинской экспедиции.

На базу 2-ой ВКП в поселке Крестьях Якутской АССР я вместе с мужем и дочкой пяти лет вылетела из Иркутска 5 апреля 1950 г. самолетом ЛИ-2.

В аэропорту поселка Мама из-за оттепели вынужденная посадка. Наконец через несколько дней томительного ожидания самолет сел в Крестьяхе на лед Виллюа при сильном ветре, метели и морозе. С жильем на базе было туго, и мы вначале поселились в доме, где по ночам была холодина, т.к. помещение отапливалось железной печкой. Позднее положение с жильем несколько улучшилось.

Начальником 2-ой ВКП был в то время Г.Х.Файнштейн, главным инженером В.А. Буханевич. План обогащательных работ на сезон 1950 г. составлял несколько тысяч кубометров, т.е. был весьма внушительным, если учесть, что кроме малых ручных отсадочных машин больше никакой механизации не было. Основной объем приходился на участок Соколиный 126-й партии, что в 6 километрах от Крестьяха, куда на оленях и лошадях свозились груды «песков» с косы и террасы Виллюа. Ознакомление с пробами

«песков» показало, что они, в отличие от уральских, неглинистые, хорошо деинтегрированные, содержат много крупной гальки. В данном случае явно нецелесообразно было промывать всю массу «песков». Можно было крупную гальку предварительно удалить в отвал сухим грохочением. Я сделала эскиз ручного подвесного грохота ударного действия. Его изготовили и установили на крутом берегу возле рудного двора, работали на нем двое физически сильных горнорабочих, гальку удаляли в отвал, а мелочь скатывалась под откос по желобу на площадку к реке, где на плотках разместили установку с грохотами-шейкерами и отсадочными машинами.

Гораздо труднее обстояло дело с обеспечением установки водой. Решили соорудить колесо-водоподъемник, используя энергию воды в Вилюе, что-то наподобие «египетского колеса». Опыта сооружения такой «турбины» у меня не было, так или иначе, но деревянное колесо диаметром три метра с нанизанными на него металлическими ковшами-черпаками я спроектировала, изготовили его в Крестях сообща с плотником и кузнецом, и оно было установлено на плот. Колесо полностью обеспечивало водой обогатительную установку и добросовестно отработало до конца сезона. Концентраты обогащения этой и других ручных установок обрабатывались на рентгеновской установке Соколиного бригадой иркутян, возглавляемой рентгенологом Лукой Стороужком.

С годовым объемом справились благодаря слаженной работе коллектива и, не в последнюю очередь, - кипучей энергии Файнштейна. Алмазы были во многих пробах Вилюя.

В конце сезона я вылетела в Нюрбу, а оттуда пароходом добралась до Якутска, где у меня родился сын. При возвращении пришлось почти на месяц застрять в пути в Нюрбе в доме зав. перевалочной базой Меламеда, т.к. из-за лесных пожаров самолеты не летали. Возвратилась в Крестях уже с холодами в багажнике ПО-2.

База в Крестях значительно опустела, народ разъезжался – кто на камералку, кто в отпуск. Я решила никуда не уезжать и оставалась в Крестях для подготовки к новому сезону работ, памятуя, что «телегу» надо готовить еще зимой. 1951 г. обещал быть ответственным из-за необходимости повсеместной организации механического обогащения на Вилюе в крупных объемах для общей оценки алмазоносных россыпей. На базу в Крестях по большой воде на баржах прибыло технологическое оборудование, насосы, локомобили, генераторы, автомашины, станки и прочее; а с окончанием навигации грузы завозились воздушным путем зимой. На ледовую площадку Вилюя садились большие самолеты. Появление самолетов всегда было радостным событием. Тепло встречали все отважного командира Унчеева и других пилотов.

Я занялась проектированием фабрик в партиях №№ 126,127,131. Вначале выбиралось подходящее место под строительство, готовился проект, определялся объем земляных, строительных и монтажных работ. Чтобы строительство фабрик не затянулось, организовала зимой в Крестях изготовление и сборку отдельных узлов водомогастралей с арматурой, комплектов насосов и т.п.

Подготовленное оборудование доставлялось на места зимой тракторами по санному пути, весной на машинах и лошадях по еще держащей кое-где мерзлоте. В тот год были построены фабрики под навесом на участках рыбацьем и Сказочном и стационарные в закрытом помещении в Вилючанах и Соколином. Энергией обеспечивали локомобили с генератором и электростанции ПДЭС-15. Фабрики Соколиного и Вилючан были врыты в землю крутого берега Вилюя, не без риска затопления. Но на практике все обходилось благополучно – во время паводковых вод перемещались лишь насосы, монтируемые на мостках или плотках.

Когда фабрики заработали, красиво было на Вилюе, особенно вечером! Спускаешься вниз по реке на лодке и видишь оживший берег – огни негромко шумящих фабрик.

Участки я объезжала летом на моторке, на лошадях, обходила пешком, зимой добиралась до них на саних и, главным образом, на самолете ПО-2. В мои обязанности входило оказание той или иной помощи и контроль за качеством технологического

процесса. Случались и небольшие приключения. Однажды весной, когда я находилась при пуске фабрики в Вилючанах, неожиданно тронулся лед на Вилую, пришлось перебираться на левый берег с палкой с льдины на льдину к ожидавшему там самолету.

Как-то втроем с механиками отправились мы на моторке вниз по реке на участок Рыбачий, что в 40 км от Крестях, для пуска фабрики. Сделав свои дела, в обратный путь выехали рано утром верхом на лошадях. Довольно скоро сбились с дороги, плутали по еле заметным тропкам до позднего вечера, выехав на дорогу всего в пяти км от места отправления. Шел дождь, измученные, ночевали мы под деревом и только на следующий день добрались до первого по пути участка Сказочного.

Однажды, посетив Соколиный, я возвращалась верхом на лошади. До Крестях оставался километр, когда лошадь увидела пасущихся сородичей, свернула с тропы и начала делать виражи, все убыстряя и убыстряя темп. В конце концов мне удалось благополучно соскочить на землю, а оседланная лошадка радостно присоединилась к своим пасущимся собратьям.

Годовой план мы выполнили, но нужно было уже думать о будущем 1952 года. На него планировался еще больший объем обогащения и новые участки работ.

В конце полевого сезона 1951 г. главный инженер Буханевич, геолог Потапов и я предприняли поездку на катере вверх по Вилую. Целью поездки было выбрать место для стационарной фабрики на Сольдюкаре, посетить все отдаленные участки работ и попутно отвезти продукты и снаряжение. Благополучно добрались до порога Куччугуй-Хан, что выше Сюльдюкара. Несмотря на неоднократные попытки, катер через порог пробиться не смог, напором воды его сносило вниз. Груз переправили на лодке, которую тащили на бечеве. Рулевым на лодке был завхоз одного из наших участков – ловкий и отважный человек. Пришлось расположиться на ночлег. Ночевали на огромных, гладко отесанных водой камнях, каждый выбрал себе «постель» по вкусу. До порога Улахан-Хан добирались пешком, заходя на участки; по пути местные рыбаки угостили нас печеным осетром. Непрерывно моросящий дождь прекратился, и над Улахан-Ханом сияло солнце, искрился брызгами водопад, в прозрачной воде плескалась рыба. Мужчины забрасывали спининги, но ничего не смогли поймать.

Обратный путь был трудным: шли пешком, а сквозь редколесье верхом на лошадях, причем лошади порой проваливались по брюхо, спускались на лодке-катамаране (с привязанными по бокам бревнами).

А между тем на базу в Крестях поступало оборудование – электростанция «Макларен» ДЭС-50, тяжелое технологическое оборудование (гравиемойки), грохота и т.п. Стало возможным построить еще три стационарные фабрики – на участках Новорыбачьем, Счастливым и Сюльдюкар (партия № 128), установки (партия № 146), реконструировать энергетическую базу на Соколином. Задуманное было осуществлено в 1952-1953 гг.

В становлении обогатительных фабрик и установок на Вилую, в их строительстве, монтаже, пуске в эксплуатацию в разное время принимали участие инженеры, мастера, лаборанты, механики, строители. Внесли свой вклад в действие фабрик и установок на Вилую инженеры Паулер, Назаренко, Романчиков, Туголукова, Федулов, мастера и рентгенологи Лисицын, Рыков, Верхотуров, Репин, Кашуба, Панченко, механики Анциперович, Саржинский, Павлов, строитель Голубев и другие.

Приказом Главка с 1 декабря 1951 г. я была назначена техническим руководителем обогатительных работ всей Амакинской экспедиции. В начале зимы 1952 г. участвовала в подготовке кадров обогатителей на курсах в Иркутске, где директором был Паулер, преподавателями – физик Вилутис (рентгенолюминисцентный анализ), Туголукова и я (обогащение), Ривкинд (политграмота). Подготовлено было около 30 человек. Все они были распределены по партиям в качестве мастеров, лаборантов, рентгенологов. Многие из них проработали в экспедиции долго, некоторые не выдерживали тягот полевой жизни и уезжали.

Вскоре я выехала из Крестьях в Нюрбу, где базировалась четвертая комплексная партия, проводившая работы в бассейне Мархи и ее притоках.

Расстояния все дальние. В партии № 129 и № 42 (в среднем и нижнем течении Мархи) можно было добраться из Нюрбы на попутных баржах или моторке, а на Виллой и в партии на Моркоке, Накыне, Ласточке и др. местах в основном самолетами. Наиболее крупной на Мархе была партия № 129, обосновавшаяся в 1950-1951 гг. на верхних островах Мархи с участками Подпорожный, Энердек и др. Здесь особенно деятельным по механической части был начальник партии Долженков (вернее один из начальников, т.к. в партии сменилось 5-6 начальников), авиатехник по специальности, построивший на фабрике бутару для первичной промывки проб и другие самоделки.

Вторая стационарная фабрика партии была построена на участке Энердек в 1952 г.

В нижнем течении Мархи основалась партия № 42. Строительство стационарной фабрики здесь было осуществлено в 1952-1952 гг. Первыми обогатителями на Мархе и ее притоках были мастера Головиков, Черных, Серж, Бойко, Прищепа, Сильченко, инженеры Павлов, Левченко и др.

Указом Президиума Верховного Совета Якутской АССР от 26 июня 1952 г. в связи с 30-летием образования республики я была награждена Почетной грамотой. Не скрою, эта первая награда в Якутии была для меня особенно ценной.

В 1952 г. Амакинская экспедиция из Иркутска перебазировалась в Нюрбу. развернулось строительство складов, рабочих помещений, жилья – строились сборные финские домики. Начальника экспедиции В.И. Жерехова (умершего в 1953 г.) сменил М.Н. Бондаренко. Объемы обогатительных работ экспедиции все возрастали. Запомнилось посещение партии № 42 в 1954 г. Оттуда начальнику экспедиции сообщили, что в некоторых пробах «песков» большое скопление мелочи и шламов, что осложняет работу фабрики. Несмотря на мои возражения о бесполезности поездки туда в праздничные майские дни, бросив семью, Михаил Несторович все же отправил меня. Поселилась у начальника партии Трифонова в домике, состоящем из одной комнатухи, где он жил вместе с женой. Геологический поселок был расположен на склоне высокого берега Мархи, люди карабкаются на него, подобно альпинистам. В партии намечается веселье, готовится бражка, кое-где возникают ссоры, во всяком случае ясно, что всем не до меня, а может это и к лучшему. Пробираюсь по тайге к фабрике, обмахиваясь метелкой – здесь какие-то особенно свирепые рыжие комары. Нахожу во дворе «неприкаянные» виброгрохота, произвожу замеры, делаю эскизы. Только на третий день мне прислали в помощь двух рабочих для натяжки сит и установки грохотов в технологическую цепочку фабрики с целью удаления шламов в отвал.

Но и Виллой не был забыт. В 1953 г. я побывала в Крестьях, Соколином, Рыбачьем. Однажды летом (1954г) добралась до Сюльдюкара, где начальником был С.М. Журавлев, инженером-обогатителем Н.Ф. Федулов. Хотя на рудном дворе скопилось много проб, фабрика, на удивление, не работала, здесь были другие расчеты, работы производились на полумеханической установке на Малой Ботуобии, примерно в 15-20 км от базы партии. Туда мы и отправились с Николаем Федоровичем во второй половине дня. Шли густым лесом уже при слабой видимости, прошли довольно много километров и тут обнаружилось, что тропы дальше нет; обидно, но пришлось вернуться назад. Утром по холоду вновь отправились туда же. Этот путь оказался для меня довольно трудным, уже на макушке валунной гряды ярко светило солнце, мучила жажда, правда, кое-где попадались родники. Спустившись с перевала, переправились через реку и пошли вверх по высокому берегу, поросшему мелколесьем, по еле заметной тропинке. Николай Федорович, несмотря на хромоту, бодро шагал впереди, я же тащила с трудом. Установка оказалась на противоположном берегу, пришлось спускаться с горы и переходить вброд речку. Обогажительная установка работала, технология соблюдалась, тут же был рентген, что определяло быстрые результаты. В пробах были найдены алмазы.

От Слюдюкара на лодке вниз по Вилюю добрались до Вилючан, где на полном ходу работала фабрика. Старшим обогатителем здесь был М.А. Романчиков. Все было бы хорошо, но лесные пожары опять преградили путь. Пришлось выжидать, пока случайный «пожарный» самолет не вывез меня в Нюрбу.

21 августа 1954 г. геолог Лариса Попугаева, успешно применив методику поисков коренных месторождений алмазов по пиропам, обнаруживает первую в Советском Союзе алмазосодержащую кимберлитовую трубку, названную Зарница, вблизи реки Дьяхи, впадающей в Далдын.

Возник новый интерес и, понятно, новые трудности и вопросы: как обогащать кимберлит Зарницы – это не песок или глина, а плотная монолитная порода, которую нужно дробить, вообще какие свойства он имеет, какие методы обогащения здесь применимы.

Когда улеглись первые страсти, в начале осени 1954 г., я обратилась к начальнику экспедиции с просьбой выделить место и лаборанта для изучения кимберлитов Зарницы. Михаил Нестерович сначала явно не понял меня, возможно ему показалось, что обогатители собираются «отбивать хлеб» у геологов, но скоро разобрался и предоставил помещение (а впоследствии и целый дом – бывшую сушилку пиломатериалов, где позже были организована лаборатория, механическая мастерская и рентген), и я вместе с лаборантом Лидией Афанасьевной Ерж приступила к изучению кимберлита трубки Зарница.

Это начало закрепилось за тематической партией № 154. 17 мая 1955 г. я была назначена начальником этой партии и попросила Бондаренко сложить с меня обязанности старшего обогатителя экспедиции, но он предложил искать замену. Пока замены не было, совмещала обязанности еще два-три года, а потом старшим обогатителем экспедиции был назначен Н.А. Павлов, а с 1955 г. – М.А. Романчиков. Для осуществления задуманных работ наша партия № 154 сначала была укомплектована механизаторами. В нее вошли техник-механик Б.В. Ларионов, слесари В. Горохов, В. Дацко, из обогатителей Бондаренко прислал двух молодых техников. В последующем в партии недолго работали инженер-обогатитель И. Рысаков из местных, минералог, выпускники Московского горного института (с 1958 г.) и другие. Работа, как уже говорилось, началась с изучения физико-механических свойств кимберлитов Зарницы, а затем и других трубок, открытых позже. Определялись объем и удельный вес кимберлитов, их пористость, влажность, истираемость, прочность, содержание фракций разных плотностей, минералогический состав, магнитные, электрические и другие параметры для определения прочности кимберлита, а потом и алмаза; был создан гидравлический пресс, который проверяли на правильность показаний в Иркутске в специальной лаборатории мер и весов. Из кимберлита вытачивали цилиндрики и ставили их под пресс. Прочность кимберлитов оказалась разной, в общем она имела тенденцию возрастать с глубиной отложений.

Известно, что алмаз – самый твердый минерал в природе, но прочность его на раздавливание не очень высока. Как показали испытания, крупные целые кристаллы выдерживали под прессом большие нагрузки, а вот мелкие и в особенности дефектные алмазы раздавливались уже при небольших усилиях. Но все же прочность алмазов была несравненно выше, чем других минералов, содержащихся в кимберлите: пиропы, оливины, ильмениты, кварцы...

В результате изучения физических свойств кимберлитов и лабораторных испытаний было установлено, что для обогащения кимберлитов могут быть применены гравитационные методы – гидравлическая и пневматическая отсадка, тяжелые суспензии, а также флотация, электрическая и магнитная сепарация, рентгенолюминесцентный анализ для извлечения алмазов.

Но самые трудоемкие работы предстояли по дроблению и измельчению кимберлитов, возникали вопросы, на которые еще не было ответов: при каких условиях дробления высвобождаются кристаллы алмазов, как надо дробить кимберлит, чтобы не раздробить

алмазы и с наибольшей полнотой извлечь их из мастерской породы. Лабораторные испытания здесь уже помочь не могли, для изучения требовались сравнительно большие объемы проб.

Первые исследования по дроблению проб кимберлита трубки Зарница проводились летом 1955 г. в партии № 167. Я прилетела в партию в начале июня на самолете АН-2 вместе с гостями – представителями центральных институтов. Погода была ветреная, и некоторых укачало, в том числе и меня. Немного отдохнув, все пошли к обоганительной установке, которая состояла из щековой и валковой дробилок, грохота и отсадочной машины, с ручной загрузкой аппаратов. Ее смонтировал старший мастер Василий Иванович Сильченко на ровной открытой площадке близ речки Дьяха. Тут же была и рентгеновская установка в закрытом помещении (фамилия рентгенолога не запомнилась). Уже извлекли первые алмазы, но их было мало. Лежали кучи надробленных кимберлитов и таких же с виду отработанных «хвостов».

Присутствующие гости спрашивали не без оснований о «хвостах» - не остались ли там алмазы. Я сказала, что на этот вопрос ответим непременно, но несколько позже.

В общем, работу по изучению дробления кимберлитов мы с инженером-обогабителем Верой Дмитриевной Сильченко начали с того, что занялись собиранием тары: ящиков, тазов, кастрюль, банок для концентратов, и вскоре на поляне выстроилась батарея всякой посуды.

Пробы кимберлитов Зарницы мы сначала дробили до 20 мм, классифицировали на 5-6 классов, обогащали и извлекали алмазы, затем «хвосты» опять дробили до 8, 4 и 2 мм, каждый раз обогащая дробленый материал и извлекая алмазы на рентгенустановке. Словом, это была трудоемкая и кропотливая работа.

Обработка результатов производилась уже в лабораторных условиях в нашей партии в Нюрбе и с консультацией со спецлабораторией по алмазам Н.А. Гнеушева. Подсчитывалось количество и вес алмазов на каждой стадии обогащения, определялись их крупность, сортность, целостность, «свежими» были обломки и осколки, полученные в результате дробления или природными и т.п.

В дальнейшем аналогичная обработка и изучение проб были проведены в Нюрбе для трубок Мир и Удачная, открытых в 1955 г.

По результатам изучения я составила принципиальную технологическую схему обогащения кимберлитов, предусматривающую стадийное дробление и измельчение проб с целью сохранности кристаллов алмазов и наиболее полного их извлечения в процессе обогащения, которая и легла в основу при производстве геологоразведочных работ коренных месторождений алмазов Якутии.

Далее мы разработали первые проекты обоганительных фабрик. К сезону работ 1956 г. в партии № 167 была построена и введена в эксплуатацию фабрика 3с, предусматривающая дробление проб трубки Удачной до 4-х и 2-х мм, и фабрика 4с в партии № 200 на трубке Мир сначала по упрощенной схеме ввиду сильно разрушенного кимберлита в верхней части трубки.

Первые устроители и эксплуатационники фабрик на трубке Удачной – Сильченко и Баснин, Масарский, трубки Мир – Головяк, Романчиков, Репин и другие товарищи.

К этому времени (1956 г.) Амакинская экспедиция получила специальное задание Министерства геологии по срочной добыче определенного количества каратов алмазов.

Работа была развернута в партии № 200 на «пяточке» - водраздельных галечниках вблизи трубки Мир. Туда съехалось все руководство Амакинской экспедиции и представители из Москвы (М.И. Маланьин, Коршунов и др.). «Штаб» по добыче алмазов возглавил М.Н. Бондаренко (Михаил Нестерович был энергичным и деятельным руководителем экспедиции, но излишнее своевластие и подчас резкость вредили его авторитету). Обогащение осуществлялось на фабрике и на дополнительных временных установках, в т. ч. на передвижной установке, смонтированной на санях, спроектированной в нашей партии. Я только что закончила отчет по теме «Разработка

технологической схемы обогащения алмазосодержащих коренных пород». Очень уставшая от напряженной работы последних лет, я решила, что настало подходящее время уйти в отпуск, считая, что на данном этапе выполнила свою «миссию» и помочь уже ничем не могу, тем более что всю нашу партию № 154 забрали на «пятак». Но Бондаренко был другого мнения и категорически мне отказал. И я отправилась в партию № 200. Долго ехали на тракторе, который вез «поезд» - сани, нагруженные в два этажа, трактор увязал, его выталкивали, подкладывая срубленные деревья. А в это время наша партия, выехав пораньше, разместилась в палатке и приступила к работе: мужчины помогали на установках по механической части, девушки извлекали алмазы на рентгенустановке. Но основная тяжесть работы, конечно, легла на партию № 200. Трудились на «пятачке» в две-три смены, требовалось как можно больше вывезти материала, промыть, обогатить, извлечь алмазов. Во избежание их хищения все операции на сушке концентрата и других местах были защищены сетками.

В скором времени я оттуда выехала в партию № 167 на Далдын, где на новой фабрике Зс осваивалось обогащение кимберлитов трубки Удачной. Тут были свои трудности – новая технология, новое оборудование. Там я провела сравнительный анализ по измельчению кимберлитов до 4-х и 2-х мм. Оказалось, что в последнем случае производительность фабрики снижается на 40% из-за высокой циркуляционной нагрузки на технологическое оборудование, но общий процент извлечения алмазов несколько возрастает.

В мае 1957 г. в Якутске проходил координационное совещание по научно-исследовательским работам в области обогащения руд и песков. На совещании были представлены все основные научно-исследовательские, проектные и промышленные организации Советского Союза, работающие в области создания отечественной алмазодобывающей промышленности, сотрудники Министерства геологии, партийных и общественных организаций Якутской АССР.

От Амакинской экспедиции с докладами по обогатительной тематике выступили я и Леонид Митрофанович Красов – физик; он и В. Финнэ являются создателями первого рентгенавтомата для извлечения алмазов из концентратов обогащения, принцип действия которого и поныне используется в современных промышленных аппаратах.

Приятно отметить, что наши доклады были выслушаны с большим интересом, а в газете «Социалистическая Якутия», в статье секретаря Якутского обкома КПСС В. Матюшкина, посвященной совещанию, говорилось: « Следует отметить, что доклады с мест отличались большей глубиной, чем доклады центральных институтов. Так, например, содержательные доклады т. Румянцевой и т. Красова – научных сотрудников исследовательских лабораторий Амакинской экспедиции, были выслушаны с большим вниманием и показали разносторонность и большую научную и практическую ценность выполненных в этих лабораториях работ как в области обогащения, так и в области извлечения алмазов»...

Кроме технологических исследований наша партия занималась также разработкой портативного оборудования для поисковых работ. В результате было создано несколько аппаратов облегченной конструкции.

Большую работу партия провела по разработке сухого (пневматического) обогащения кимберлитов. Началось с того, что у меня появилась мысль создать вибрационно-воздушную отсадочную машину. Такую машину мы создали (Румянцева, Ларионов, Дацко получили в 1957 г. авторское свидетельство на изобретение Комитета по делам изобретений) в нескольких образцах, а также комплект вспомогательного оборудования (центробежный обеспыливатель, циклопы, грохот с отсосом пыли, пневмотранспорт концентратов, питатели, подъемники и многое другое), разработали технологическую схему пневматического обогащения и проект опытной фабрики, которая и была построена в 1959-1960 гг. у Сытыканской трубки силами нашей партии и партии № 213.

Зимой 1960 г. фабрика вошла в действие, обрабатывался кимберлит трубки Сытыканской и только что открытой трубки Январской (Айхал). Несмотря на трудности с пуском «фабрики», подтвердилась реальность пневматического обогащения плотных кимберлитов (целесообразность его применения при отсутствии близких источников воды или их дефицита) и выявилась перспективность трубки Айхал.

Летом того же 1960 г. пришлось заняться в Нюрбе организацией специальной установки по доработке концентратов – «хвостов» рентгена кимберлита трубки Айхал. Дело в том, что фабрика мокрого обогащения в партии № 213, обрабатывающая верхний разрушенный горизонт трубки Айхал, не могла полностью справиться с извлечением алмазов из концентратов отсадки, т.к. в пробах содержалось большое количество мелких алмазов, а главное, некоторые алмазы были грязные, «в рубашках», отчего и не светились в рентгеновских лучах. Все «хвосты» рентгена партия № 213 прислала в Нюрбу. Сначала мы их обрабатывали в самодельной механической мельнице для истирания кимберлитов с непрерывным питанием (рацпредложение Румянцевой, Лейтеса, Перегородцева), рабочими частями которой были лопасти из твердой резины. В результате поверхность алмазов хорошо очищалась, а в процессе дальнейшего обогащения можно было уже применять магнитную и электрическую сепарацию, рентгенолюминисцентный анализ и другие методы.

В итоге было доизвлечено немало алмазов различной крупности, выработаны варианты технологической схемы обработки концентратов трубки Айхал и соответственно написан отчет по проведенной работе.

Завершая воспоминания, хочу отметить наиболее значимые, на мой взгляд, этапы своей деятельности в Амакинской экспедиции:

- организация механического обогащения на Вилую, проектирование и строительство фабрик по обогащению вилуюйских алмазоносных россыпей (Соколиный, Сказочный, Счастливый, Рыбачий, Вилучаны) и на Мархе (Озерный и другие);

- разработка и внедрение в производство геологоразведочных работ Амакинской и других экспедиций технологической схемы дробления и обогащения кимберлитов на основе исследования их физико-химических свойств, испытания различных аппаратов, детального исследования процессов дробления и измельчения трубок Зарница, Удачная, Мир с расчетом сохранности кристаллов алмазов и наиболее полного их извлечения в процессе обогащения;

- разработка технологии обработки концентратов гравитационного обогащения кимберлитов трубки Айхал на основе избирательного измельчения и других процессов;

- разработка портативных аппаратов для мелкообъемного опробования горных пород и песков;

- первый опыт обогащения кимберлитов с трубок Сытыканская и Айхал (на фабрике № 1) сухого (пневматического) обогащения, чему предшествовало изобретение пневмовибрационной отсадочной машины, разработка вспомогательного комплекта аппаратов, технологической схемы, проекта и строительства фабрики в партии № 213;

- общее руководство обогатительными работами 2-й Восточной комплексной партии и Амакинской экспедиции.

Всего в алмазных партиях и экспедициях я проработала 30 лет: 10 лет – на Урале (1940-1950), 11 лет – в Амакинской экспедиции (1950-1961), 9 лет в Московской ГРЭ (1972-1980).

За период работы на алмазах мною получено 4 авторских свидетельства на изобретения с соавторами и «удостоверение о регистрации» совместно с ВИМСом. Надо сказать, что по изобретательству можно было бы зарегистрировать большее число работ, например, впервые разработанные и применимые в нашей стране технологические схемы обогащения кимберлитов и кое-что другое. Дело в том, что во время текущей работы как-то об этом не думалось и теперь можно только сожалеть об этом.

За период с 1954 по 1960 гг. в Амакинской экспедиции мною было написано 6 научно-исследовательских отчетов по кимберлитам, из них 2 отчета с соавторами – один с Б.В. Ларионовым, другой с Р.М. Маланьным и Р.В. Маланьиной, выпускниками МГИ.

Отчеты по исследованиям и разработке технологической схемы обогащения кимберлитов с рецензиями центральных институтов (все положительные) направлялись экспедицией в геологические фонды Мингеологии.

В общей сложности в Амакинской экспедиции я проработала свыше 11 лет, считаю, что с работой мне повезло главным образом потому, что мне приходилось не раз быть зачинателем новых дел, а это всегда не только трудно, но и интересно, и вроде бы получалось. Но самым главным является сознание, что в общем деле открытия и освоения россыпных и коренных месторождений алмазов Якутии есть доля и моего труда.

Приложение 1.

Специалисты, принимавшие участие в поиске и освоении алмазов на Урале
в 1940-1950 гг.

1. Шестопапов М.Ф. - нач. экспедиции.
2. Буров А.П. - главный геолог экспедиции.
3. Аверин А.А. - нач. партии.
4. Ружицкий В.О. - нач. партии
5. Трофимов В.С. - нач. партии
6. Годован С.А. – нач. партии
7. Кленовицкий Н.П. - геолог
8. Краснов И.И. - нач. партии
9. Романов Г.П. – нач. партии
10. Кухаренко А.А. – геолог
- П. Гераков Н.Н. - геолог
12. Полькин Я.И. - геолог
13. Плотникова М.И. - геолог
14. Борисевич Д.В. - геоморфолог
15. Вербицкая Н.П. - геоморфолог
16. Кинд Н.Б. - геолог
17. Сарсадских Н.Н. - геолог
18. Герасимов И.Н. - геолог
19. Введенская Н.В. - геолог
20. Кель Г. М. - геолог
21. Казённый Б.В. - геолог
22. Гневушев М. А. - геолог
23. Скульский В.Д. – геолог
24. Нефедова З.Д. – геолог
25. Надеждинская Е.А. – геолог
26. Виллер Г.А. – геолог
27. Шумилова-Иванова Н.А. – геолог
28. Лийц Н.Р. – геолог
29. Самойлович С.Р. – геолог
30. Ганешин Г.С. – геолог
31. Равский Э.И. – геолог
32. Шарипова Ф.С. – геолог
33. Виллер И.Н. – прораб геолог
34. Гусева – минералог
35. Боброва Т.Г. – геолог

36. Голован В.К. – ст. коллектор
 37. Бискэ С.В. – геоморфолог
 38. Булацель С.Н. – геолог
 39. Ефимов Л.Н. – ст. коллектор
 40. Брауде М.А. – прораб-геолог
 41. Волынец Н.П. – геолог
 42. Богословский М.Г. – рентгенолог
 43. Швецов Г.Ф. – инженер-обогадатель
 44. Маланьин М.И. – инженер-обогадатель
 45. Коц Г.А. – инженер-обогадатель
 46. Солдатов Л.Г. – инженер-обогадатель
 47. Подкосов Л.Г. – инженер-обогадатель
 48. Имженецкий А.И. – инженер-обогадатель
 49. Румянцева-Скульская В.В. – инженер-обогадатель
 50. Крупенина А.П. – инженер-обогадатель
 51. Черкашина М.М. – инженер-обогадатель
 52. Алимов Н.С. – инженер-обогадатель
 53. Абрамов В.И. – инженер-обогадатель
 54. Година А.Г. – инженер-обогадатель
 55. Макарова К.И. – инженер-обогадатель
 56. Корешков Б.Я. – инженер-обогадатель
 57. Фаланьянц С. – инженер-обогадатель
 58. Романовская Н.Е. – инженер-обогадатель
 59. Романова З.С. – прораб-геолог
 60. Глушковский И. – топограф
 61. Чельцов Н.А. – топограф
 62. Коп Е.М. – геолог
 63. Блинов – геолог
 64. Блинова – геолог
- и другие, имена которых, к сожалению, припомнить не могу.

Приложение 2

Список специалистов, работающих в Медведкинской партии на Урале.

№№ п/п Фамилия И.О.	Занимаемая должность	Характеристика специалиста
1	2	3

I. Скульский Владимир Дмитриевич	Нач. партии и техрук	
2. Румянцева Вера Васильевна	Инженер-обогадатель	Знающий инженер, отличный производственник, обеспечивший высокое качество обогащения
3. Харчитова Валентина Александровна	Младш.геолог	Молодой специалист, серьезный, вдумчивый (ум. в 1949 г.)
4.Болотов Владимир Александрович	Механик партии	Толковый механик, иногда излишне горяч. (В 1948 г. • ' женился на В.А.Харчитовой)
5.Грищенко	Помощник по хозяйству	Энергичный, волевой. Во ^ время войны был старшиной
6.Адамович Юрий Петрович	Мастер-обогадатель	Хороший производственник и очень неплохой человек
7.Шалимоваа Мария Павловна	Мастер, зав, рентгеном	Серьезный, толковый сотрудник, скромная девушка
8.Первушина Мария Павловна	Нормировщик	
9. Никитина Татьяна	И.о.мастера	Трудолюбивый, толковый сотрудник
10. Марасов Семен Макарович	Кладовщик	Участник войны, чл.КПСС толковый, аккуратный сотрудник
II. Богданов М. А.	Десятник по заготовке леса	
12.Богданова А.А.	Счетовод	
13.Гасиаров Петр	Пом.коменданта	
14. Скидан	Медсестра	Выученицы В.В.Румянцевой из рабочих. Народ трудящийся, добросовестный
15. Кутявина Надежда	Лаборанты на обогащении	
16. Мошкина Анна		
17. Енговатова		
Рабочие фабрики	Мониторщица	Старательная, добросовестная рабочая,»западница»,присланные на Медведку в 1946 г. жители Западной Украины и их семьи, обвиненные в «связях с националистами»
18. Ромасюк		Добросовестная старательная рабочая «западница»
	Отсадчица	
19. Ярушникова	Шуровщица	
20.Мушик Света		

21. Кочерган Е.	Рабочие фаб	Старательные
22. Кочерган С.	рики:	работницы, «западницы»
23. Мельник А.	- «-	
24. Сайтова Мария	- «-	Народ хороший, старательный,
25. Сайтова Ф.	- « -	которому можно в работе
26. Корнякова	-«-	доверять
27. Марасова Е.с.	Шлиховщица	
29. Чумакова	Машинист	7
		;
30. Гулый	Кочегар	
31. Федоров	Уч.кочегара	«западник»
32. Матинцев	Слесарь	
33.Стасюк Назар Андреевич	Плотник	
34.Стасюк Иван Назарович	Подвозчик песка	
35. Василенок	Подвозчик песка	
36. Бусырев	Сторож фабрики	
Горный цех		
37. Ларионов	забойщик	"Старая горняцкая
38.Сюркаев Илья	-« _ -	гвардия”
39.Гуляев Н.А.	Забойщик	
40.Бычкова	Забойщик	Единственная женщина
41.Медюшко	-«-	забойщик
42.Герасимович	-«-	Бывшие «власовцы»
43.Киричук	-«-	на горных работах
44.Матюшин	-«-	выполняли и перевыполняли
45.Кузнецов	Креподел	нормы
46.Луферов	Кузнец	
47.Тарасова Фаина Семеновна	Воротовщица	«Старая медведкинская
48.Лесниченко Шура	-«-	гвардия»
49.Коростелева	-«-	
50. Луферова	-«-	
52. Страхов Павел	-«-	
52. Марчук Е.Б.	-«-	Так наз. "Западник"

53. Могилянских	-«-	Народ хороший и
54. Дмитриенко	-«-	работящий
55. Бойчук	Воротовщик	«Западники» народ
56. Мельник Павел	-«-	хороший и
57. Федорова	-«-	работящий
58. Бережная Антонина	-«-	
59. Баранов	Подсобник	«западник»
60. Фаяршина	Подсобница	
<u>Хозяйственно-транспортный отдел</u>		
61. Галкин В.П.	Тракторист	
62. Кириллов	-«-	
63. Гаврилов	-«-	
64. Енговатов	-«-	
65. Любов	Шофер	
66. Антонов	-«-	
67. Белов	Коновозчик	(Бывш.власовец)
68. Ярушников	-«-	
69. Гущина-Ярославцева Александра Ермолаевна		
70. Гайдук	Грузчик-раскай- ловщик породы (бывш.власовен)	
71. Бисярина	Лесоруб	
72. Кетова	Лесоруб	
73. Кузнецова	Рабочая на автомашине	
74. Османов	Рабочий	
75. Ромасюк Виктория	Рабочая	«западница»
76. Адамович Юлия	-»-	
77. Саитов Хазей	Конюх	
78. Шевчук Дарья	Подсобница	«западница»
79. Мельник Мария		-«-
80. Василенюк	Сторож поселка	-«-
81. Базновко Ульянов	Сторож поселка	-«-
82. Ощепкова	Уборщицы в	
85. Пуценко	общежитиях	
84. Тарасова Евдокия	-«-	

Приложение 3

Специалисты, принимавшие участие в поиске и освоении алмазов в 50-х годах в Якутии.

1. Авдеенко П.У.
- 2.Алексеев Владимир Владимирович
- 3.Анциперович
- 4.Бойко Г.
- 5.Богомолова
- 6.Бондаренко М.Н.
- 7.Бородатов А.А.
- 8.Бартошинский Збигнев Владиславович
- 9.Барнбаум Семен Григорьевич
- 10.Брагинский Илья Григорьевич
- 11.Брешенков
- 12.Белов Владимир Борисович
- 13.Безродный
- 14.Белик Юрий Петрович
- 15.Буров А.П.
- 16.Буханевич Вадим Аркадьевич
- 17.Волкова Антонина Ивановна
- 18.Волченков
- 19.Власкина А.С.
- 20.Вечеркин
- 21.Верхотуров
23. Галкин Иван Афанасьевич
- 24.Гробер А.И.
- 25.Грибин
- 26.Гневушев Михаил Андреевич
- 27.Дойников
- 28.Дойникова
- 29.Долженков
- 30.Дьяков Александр Георгиевич
- 31.Елкина Н.
- 32.Ермаков
- 33.Ерж В.С.
- 34.Жерехов Василий Иванович
- 35.Заикин В.В.
- 36.Заикина В.Г.
- 37.Захаров П.
- 38.Иванов
- 39.Иванова Е.П.
- 40.Игнатьев Алексей Иванович
- 41.Имшенецкий
- 42.Ильин
- 43.Иордан
- 44.Ищенко Зоя Григорьевна
- 45.Кадникова
- 46.Касилов

- 47.Касторный
- 48.Карзова Е.Г.
- 49.Касьян
- 50.Козырев
- 51.Корнев М.И.
- 52.Концевой Владимир Терентьевич
- 53.Комина Л.К.
- 54.Корешков Борис Яковлевич
- 55.Коненкин Алексей Иннокентьевич
- 56.Корнутова Екатерина Ивановна
- 57.Кузьмин Прокопий Кузьмич
- 58.Курочкина Т.
- 59.Кузнецов
- 60.Куликов
- 61.Кудрявый
- 62.Клименецкий
- 63.Клычев
- 64.Китайник А.Ф.
- 65.Краснов Иван Иванович
- 66.Красулин Вениамин Семенович
- 67.Лазаренко Иван Михайлович
- 68.Лисицын
- 69.Лейбова
- 70.Масайтис В.Л.
71. Маланьин М.И.
- 72.Могилянский
- 73.Медведчиков Павел Иванович
- 74.Метелкина М.П.
75. Меркурьев Н.Д.
- 76.Ненахова
- 77.Немец
- 78.Некифорова О.И.
- 79.Одинцов Михаил Михайлович
- 80.Озерникова
- 81.Орлов Евгений Петрович
- 82.Павлов Н.Л.
- 83.Панкратов А.А.
- 84.Паулер
- 85.Панченко
- 86.Пантелеева
- 87.Пастухов Виктор Ефимович
- 88.Пастухова Тамара Александровна
- 89.Потапов И.В.
- 90.Попугаева (Гринцевич) Лариса Анатольевна
- 91.Покровский Г.М.
- 92.Прокопьев И.
- 93.Прищепа
- 94.Перфильев
- 95.Разумовская Э.
- 96.Рассказчиков
- 97.Ружицкий В.О.
- 98.Румянцева Вера Васильевна

99. Рыков
100. Рыбаков Б.И.
101. Самойлова
102. Сапеуз
103. Сафьянников
104. Середкин
105. Соколов
106. Сотников В.
107. Сторожук
108. Староватов Петр Хрисанфович
109. Ступин Василий Григорьевич
110. Степанов
111. Столбков Капитан Павлович
112. Стругов Александр Сергеевич
113. Скорбилин
114. Скорин Михаил Павлович
115. Скижарский Т.Н.
116. Сметанин П.
117. Суханов С.И.
118. Сильченко Василий Иванович
119. Сильченко Вера Дмитриевна
120. Сычев
121. Скульский Владимир Дмитриевич
122. Титов Георгий Иванович
123. Туголукова
124. Толстобров
125. Ткачук
126. Трофимов В.С.
127. Трифонов Н.А.
128. Усов Василий Петрович
129. Урбанович Валентина
130. Урбанович Константин
131. Унчеев
132. Файнштейн Григорий Хаимович
133. Фролов П.
134. Федулов
135. Хабардин Юрий Иванович
136. Харитонов Виктор Павлович
137. Хлебников М.
138. Хотинok Петр Маркович
139. Цатуров
140. Черняев
141. Черных
142. Чернышев И.Е.
143. Шилина
144. Шипунов
145. Шинков
146. Юркевич Р.К.
147. Юрчук Д.Г.

